

Шон Чарт

ИЛИ КОРМИТЬ БЫТЬ АКУЛОЙ

часть первая

2015-2023

Шон Чарт

**Или кормить акул,
или быть акулой**

«Автор»

2023

Чарт Ш.

Или кормить акул, или быть акулой / Ш. Чарт — «Автор», 2023

Саид — молодой чеченец, родившийся и выросший в Москве. Окончив школу, он желает изменить свой привычный уклад жизни и понимает, что студенческие годы — лучшее время для перемен. Скептически относящийся к современным видениям дружбы и любви, Саид мнит себя сформированной и крепкой личностью, но, стоит ему переехать на свою национальную родину, он находит себя сложным, зависимым, импульсивным подростком. Оказавшись втянутым в тяжелые драмы людей, что его окружают, ему остается лишь наблюдать за тем, как его оплоты рушатся один за другим, а на их развалинах произрастает нечто совершенно неизведанное, в чем ему еще предстоит разобраться. Первая часть подросткового романа о перекройке и становлении личности, а также абсолютно новый взгляд на чеченскую молодежь и чеченцев в целом.

© Чарт Ш., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	29
Глава 3	64
Глава 4	84
Глава 5	108
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Шон Чарт

Или кормить акул, или быть акулой

Данный роман (за исключением всего, что касается религии Ислам – вероубеждений о Боге, религиозных текстов, рассуждений о религии, историй о Пророках, мир Им всем) является плодом воображения автора и написан от лица вымышленного человека. Персонажи, сюжет, события и некоторые из описываемых мест – также вымысел, не отражающий действительности.

##

Пролог

– Пожалуйста, расскажи.

Я молча бросил еще один булыжник вниз и замер в тишине, пока не услышал, как он погрузился в шумный, беспокойно булькающий и бегущий ключ.

– Расскажи. – Едва сдерживая слезы, повторил он.

Мне стало его очень жаль. Не представляю, в каком отчаянии был этот маленький мальчишка, раз он все это время думал обо мне и о том, что со мной произошло. О чем говорить – он выследил меня и проследовал по моим стопам в горные леса, где в последнее время я частенько наблюдаю за селом, бросая камни в родник.

Кажется, звуки этого родника я уже воспринимал, как голос старого друга, и довольно неплохо его изучил. Брошу кирпич – угрюмо хлопает и шелестит; кину брус извести (видимо, раньше тут стоял дом) – проглотит бесшумно; пну гранит – шелкнет о свое каменистое дно, будто застучал зубами.

Ночь. Россыпь звезд поражает мысль: кажется, зажмуришься и ткнешь пальцем наугад, а затем, открыв глаза, отодвинешь его – и найдешь под ним десять-двенадцать светящихся точек.

– Пожалуйста. Если тебе плохо... – он всхлипывал, но не плакал. – А я вижу, что тебе плохо. Ты совсем другой. Обычно мы сидели на заднем дворе, а теперь братья совсем тебя не трогают. Они все знают, а я нет. Мне плохо от этого, я не могу видеть, что ты такой грустный. Откуда они узнали? Ты ведь сам им рассказал. И теперь они тоже меньше улыбаются.

– Я им ничего не говорил, они ничего не знают.

Давным-давно не слышал свой голос. Последние дни я лишь шептал на арабском, читая пятикратную молитву. Разговаривать с кем-то – подавать голос хотя бы – я пытался. Один раз даже остановился прямо перед дверью Беки и занес руку, чтобы постучаться, но вдруг осознал, что говорить я не в состоянии. Сейчас же я с удивлением для самого себя отозвался Ясину, и он на мгновение даже изменился в лице, как если бы случайно нажал какую-то кнопку на неведомом ему устройстве, которое начало гроыхать и вести себя неисправно. Тем не менее он быстро взял себя в руки. Милейший мальчик.

– По-моему, знают, – он вздернул подбородок. – Они не говорят с тобой совсем.

– Может, и тебе не стоит?

– Может быть.

– Тогда зачем ты пошел за мной? – я, развернувшись обратно к пейзажу, замахнулся и бросил еще один камень – родник отозвался стуком и хлопаньем.

– Я очень хочу помочь, Саид, поговори со мной. Мне грустно и плохо. Я уже не гуляю с ребятами, я очень давно не катался на велосипеде вверх по горе, а ты знаешь, как сильно я люблю кататься.

Кивнув, я улыбнулся:

– Ага, знаю.

– Они зовут меня каждый день, если хочешь знать, каждый день становятся под окна. Вчера даже швырнули каштан в форточку, а я в этот момент стоял рядом с окном, но так, чтобы они не видели. Но каштан все равно попал в меня, прямо под глаз, у меня там царапина теперь. Наверное, это Зубайр бросил, он очень хорошо со всяким таким обращается. Я тебе про него рассказывал. И этим каштаном он поставил мне фингал. – Он выждал паузу, словно набираясь решимости на следующую фразу: – Ты бы заметил это, если бы все было нормально. Ты всегда общался со мной и точно спросил бы про шрам.

Он выпалил все это почти на одном дыхании. Видимо, ужасно ждал момента, когда поделится со мной. Меня умилило, как царапина медленно переросла в его рассказе в фингал, а оттуда – в шрам.

Я зажмурился. От его присутствия мне становилось лишь хуже, ведь он лишь подтверждал, что я могу причинять кому-то боль, даже ничего не делая. Мое бездействие, мое молчание делает ему больно. Я стал сомневаться в правильном выборе места для реабилитации.

– Саид, пожалуйста... – к нему вернулся прежний тон.

Я резко повернулся.

– Что, Ясин? Что мне сказать?

– Расскажи, что случилось. Расскажи, пожалуйста. Ты тут уже полтора месяца...

Невозможно.

– ...и все это время я ни разу не слышал твой голос.

Полтора месяца?

– Ты не ошибаешься?

– В чем?

– Ты сказал «полтора месяца».

Он покачал головой:

– Не ошибаюсь. Точно.

– Л-лады...

Несмотря на глубокую ночь, звезды очень ясно освещали горные ярусные села. Красота изумительная. Тут, на отшибе кряжа, свободного от сочно-зеленых деревьев, были видны наше и соседние села, жизнь в которых кишела, как днем. Хотя, если быть точнее, то днем такой жизни не бывает совсем. Днем вообще все иначе. Ночи здесь, не пронзаемые искусственным освещением, были необыкновенно притягательны, и искал я в них лишь одиночества. И все же одиночество с приятным бульканьем пресноводной реки где-то внизу; с темными волнистыми очертаниями гор на границе горизонта; с селами, неправильной, неполноценной воронкой расположенными под звездами – все это скрашивало мое пребывание наедине с самим собой.

– Лады, – повторил я.

Трава под ногами была выжжена и иссушена солнцем, почва переминалась с гравия на желтый песок, посередине – между лесом и обрывом – из-под земли торчали крохотные прутья с нанизанными на них обломками мела, что всегда где-то отдаленно в моем сознании рисовало картину некогда стоявшего тут дома.

Я посмотрел на Ясина. Глаза у него были черными. Не кофейно-карими, как обычно, а черными. Они блестели зачатками слез и отражали звездные системы. Переведя взгляд на небо, я понял, что тут, будто в сенном стоге, Большую Медведицу найти мне не удастся. Странно, что маленький мальчик напомнил мне об этом созвездии.

Он стоял неподвижно, будто ощущал, что я собираюсь заговорить, и боялся спугнуть мой настрой. От этой мысли я улыбнулся ему, но он ответил тревожным взглядом.

– Приехав, я получил тут все, – заговорил я наконец. – Я безумно полюбил Грозный – даже сильнее, чем когда приезжал в гости. А приехав сюда жить, я помогал людям и занимался любимыми делами. Мне и учеба очень нравилась. На короткий момент я даже стал абсолютно счастлив. Нашел друзей, нашел наставников, нашел девушку, лучше которой не встречал, и все было просто прекрасно, – я было замахнулся кирпичом, но – вновь начав прокручивать все произошедшее в голове – словно ослаб, опустил его и разжал пальцы. Хрупкий, надколотый кирпич выпал из моих рук и разбился. Где-то в селе напротив застучали барабаны, и люди как будто пустились в пляс, но на самом деле кто-то просто, смеясь, погнался за другим. Справа внизу – над горой, покрытой шапкой из листвы вековых деревьев – будто бы раздался волчий вой. Или же мне просто показалось. – А потом все изменилось.

Глава 1

Сумбур в голове и много драмы на выпускном

– Никогда бы не подумал, что ты решишься на такое.

– «Такое»? Ты излишне драматизируешь.

По окончании последнего урока мы с моим одноклассником Эмилем стояли в коридоре, пока остальные ребята тащили декорации в актовый зал.

– Как-то неожиданно.

– Смотря как к этому относиться, – я улыбнулся с некоторой виной. – Я вполне ожидал.

– А родители что? – спросил он.

– Я им еще не говорил. Да и они меня поддержат. В любом случае я уже все для себя решил, а они мои решения уважают, – я прислонился плечом к дверному косяку.

– Классно.

На улице темнело, как молоденьким вечером, пускай и было только четыре часа, но зимой всегда так. Мои одноклассники и ребята из параллельных классов всю зиму занимались подготовкой к зимнему спектаклю, который будущие выпускники ежегодно готовили для детишек из младшей школы.

– Глупо это все, честно сказать, – устало заметил я, провожая взглядом девочку, тащившую перед собой декоративный пенек из разодранного картона.

– Ты про сказку? – спросил Эмиль.

– Да.

– Согласен, но меня запрягли. Я сам-то особо желанием не горел.

– Да ну, – выпрямился я. – Недостаточно, значит, ты сопротивлялся.

– Тоже верно, – согласился он.

Из-за колонны показалась наша классная руководительница с папкой бумаг в руке, на которых был отпечатан сценарий представления. Она начала зазывать всех в актовый зал, и попросила удалиться тех, кто не участвует в репетиции школьного спектакля.

– И что же? Ты после зимних каникул уедешь? – чуть подавшись в сторону зала, спросил Эмиль.

– Нет. Разве ты не понял, что я говорю? Речь ведь шла о поступлении в университет. Зачем мне туда ехать на полгода раньше?

– Ясно. Ну, нас зовут. Я тогда пойду. Еще поговорим, Саид.

– Поговорим, – кивнул я.

Он махнул мне рукой уже из зала, и учительница, одарив меня неоднозначным взглядом – то ли равнодушным, то ли недовольным – захлопнула передо мной дверь. Я усмехнулся и поплелся в сторону лестницы. Бегом взбираясь по ней, навстречу летел парень из параллельного класса, который, запыхавшись, успел лишь бросить мимолетное и едва различимое «Привет!»

– Привет. Да не торопись ты так! Все равно вы ерундой занимаетесь, – улыбнулся я.

На ходу развернувшись, он крикнул «Согласен! Полная ерунда!» и помчался дальше.

Я пошел по коридору в сторону раздевалок, напротив которых на банкетке оставил свой рюкзак, и присел у окна, наблюдая за тем, как ребята под предводительством учителя физкультуры расчищают территорию от снега.

Я замешкался. До этого я думал о переезде в Чечню, как о чем-то уже решенном, неизменном, но от мыслей о том, что своим родным я еще ничего не говорил, я ощутил одиночество в принятии этого решения. Единственными людьми, с которыми я этим поделился, стали

учительница литературы и русского языка, и мой товарищ Эмиль. Если учительница была в искреннем замешательстве, то Эмиль его явно имитировал.

– Ты чего тут? – рядом со мной резко уселась девочка, заставив меня вздрогнуть. – Пойдем в зал!

– Нет, спасибо.

– Никто лучше тебя не сыграл бы главную роль. Они до сих пор ждут и готовы отдать ее тебе. Вот в четвертом классе все помнят...

Я взвел руки.

– Да! Я знаю, что вы все помните, как блестяще я сыграл сказочного принца в начальной школе, но, может быть, хватит уже это упоминать? Это не аргумент! Я тогда, видимо, был совсем недееспособным, раз согласился на такую чушь. Странно, что никто не вспоминает трубочку у меня во рту, через которую меня кормили. Или вы хотите сказать, что я был в себе?

Она с секунду недоумевающе вглядывалась в меня, а затем ее пробило на смех.

– А если серьезно, с чего вы взяли, что если в четвертом классе я что-то и мог, то это умение сохранилось и до сих пор?

Она резко выпрямилась, всосала щеки, выпучила глаза и пусто посмотрела перед собой.

– «Такой талант с возрастом не пропадает. Заставьте его любой ценой, я уже просто без сил», – она пародировала нашу учительницу, которая режиссировала спектакль.

– Это было жестоко с твоей стороны, – нахмурился я. – Она ведь тебя любит.

– Ой, а я-то как ее люблю! – она встала. – Ну, ладно, Саид, я пойду. Хорошо тебе отдохнуть.

– И ты отдохни, – дружелюбно махнул ей я.

– Надеюсь, ты сможешь спокойно спать после того, как разбил сердца полсотни полагавшихся на тебя людей! – обернувшись, она театрально приставила ладонь ко лбу.

– Вас никто не просил на меня полагаться! В таких глупых авантюрах я не участвую! – крикнул я ей вдогонку.

Я был в глазах окружающих меня людей порядочным, хорошим парнем, которого уважали, а вот ее я раздражал, причем сильно. Она временами и вовсе терпеть меня не могла, но иногда ей случалось и поговорить со мной по-доброму, как сейчас. Это было очень странно, словно она сама не понимала, как ей стоит со мной себя вести. Она могла презрительно втаптывать меня взглядом в паркет у доски, а могла подежурить вместо меня после уроков, если мне это потребуется. Однако в наших с ней взаимоотношениях основной тенденцией была ее неприязнь, и мне всегда казалось, что остальные заблуждаются на мой счет, а вот она зрит прямо в корень.

Полина, отвлекшая меня от мыслей о переезде, натолкнула меня на другие – о том, что уже совсем скоро я окончу школу. С одной стороны заканчивается беззаботное время, уютное и теплое, а с другой – открывается нечто совершенно новое, волнительное и неизведанное.

В школе было здорово, мне здесь нравилось. Помнится, родители переживали из-за того, что ко мне могут относиться предвзято из-за моей национальности и все такое, но я, в общем-то, до конца и сам не разобрался в их отношении к себе.

Да, я был дружен с окружающими меня людьми, и я не могу сказать, что все испытывали ко мне неприязнь, но в то же время я не возьмусь заявлять, что никто и никогда не указывал на мою национальность в негативном ключе. Как правило, если что-то такое и исходило, то от учителей. Ясно ощущалось то, что межнациональные напряжения между русскими и чеченцами имеют единственное основание: не так давно прошедшие войны.

Мои сверстники, будучи людьми моего поколения, не ощутили на себе все тяготы войны, и я – тоже. Но ее ощутили и продолжают ощущать мои родственники, когда мы упоминаем ушедших из жизни родных, которых я совершенно не помнил. Так что я не сильно понимал,

почему некоторые учителя, уставая от моей шкодливости, в сердцах выдавали что-то националистическое мне – человеку, не прошедшему через войну, а рожденному в ее разгар.

У меня было много вопросов и идеологических столкновений с окружающим меня миром, но подтекста национальной нетерпимости в отношении с одноклассниками я никогда не ощущал. Население Москвы в целом становится все более и более интернациональным, и те наивные, невраждебные недопонимания, возникающие между нами, расширяют кругозор русских ребят уже со школьной скамьи. Культуры, все-таки, абсолютно разные. Разве они догадываются, почему отец при посторонних называет маму «эта», а она его «этот», и друг к другу они обращаются «*хези хун*», что переводится как «слышишь»? Или почему я недоумеваю изумляясь, когда они спрашивали, гулял ли я за ручку с Розой – чеченкой из моей школы, на которой в пятом классе я твердо решил жениться, но через две с половиной недели понял, что наши отношения изжили себя – и ходил ли к ней в гости. Ребята привыкли к тому, что в школьной столовой я не ем ничего мясного, потому что те мясные обеды, которыми кормили школьников, не были *халляль*; также они не расспрашивали меня о том, почему я не иду на вечерние танцы, проводившиеся в нашей школе зимой. Все эти различия между нами никогда не являлись камнями преткновения в нашем взаимодействии, напротив – они их принимали и отталкивались от них. Помню, как один из мальчиков параллельного класса, приглашая ребят на свою дачу, чтобы угостить нас шашлыками, позаботился о том, чтобы целых два шампура нанизали мясом из баранины *халляль*, и сделал он это исключительно из-за одного меня.

Я поехал домой на метро и снова, как и в любое другое время года – и особенно зимой – сгорал от духоты в вагонах. Люди толпились и толкались: час пик. Я старался держаться сбоку от двери, прислонившись к поручню, но с каждой новой толпой пассажиров на каждой последующей станции удержать свое место было все труднее, и, в конечном итоге, новый поток людей на очередной остановке отбросил меня к дальним дверям. Когда я, наконец, вышел на Киевской, наступив, кажется, на все стоявшие у меня на пути ноги – за чем следовали довольные вздохи и причитания – я отправился вверх по эскалатору и, выбравшись на улицу, с облегчением вдохнул холодный городской воздух.

– Цветы. Цветы, – повторял мужчина в плотной кожаной куртке и шапке, натянутой на глаза. – Парень, цветы не нужны?

– Нет, спасибо. – Обычно я им не отвечал, но этот оказался чуть настырнее, и сделал пару шагов за мной.

– Насвай тоже есть, – добавил он уже тише.

Я усмехнулся и прошел дальше. Я даже не понимал, что такое насвай. Знал лишь, что некоторые мои знакомые с тренировок баловались им, подбирая эту зеленую массу под губы, после чего начинали плевать с регулярной периодичностью. В конце они сплевывали вязкую зеленую жижу, и все это выглядело так противно, что было очень легко отказаться даже от мысли им подражать. Это не было интересно.

– Да от этого нет зависимости! На, бери, давай, – уговаривали они меня, и это тоже выглядело очень красноречиво.

Когда я обогнул крупный торговый центр и нырнул в один из переулков, я увидел, как моя мама тащит сумки с продуктами из магазина, а мой младший брат Лорс плетется за ней, пытаясь совладать с одним из пакетов. Милый ребенок. Я знал наверняка, что он долго уговаривал ее отдать ему какой-нибудь пакет, чтобы он чувствовал себя увереннее, хоть как-то стараясь помочь маме.

– Ну-ну, потренировала мышцы и хватит, – сказал я, нагнав их.

Мама сначала вздрогнула от неожиданности, а затем вздохнула с облегчением. Лорс смотрел на меня таким благодарным и трогательным взглядом, что, казалось, он сейчас разревется.

– Хорошо, что ты пришел. Поможешь? – сказала мама.

Я сгреб все сумки, включая пакет Лорса, который он пытался удержать у себя.

– Где папа? – спросил я, расставив руки пошире, чтобы сумки не болтались у ног. – Он приехал?

– Он уже приземлился, *альхамдулиЛляh*¹! Скоро будет дома, *ин ша Аллах*², – весело отозвался Лорс. – Мам, а почему мы его не встречаем?

– Потому что ваш отец так сказал.

Мы шли вверх по улице и было темно, как глубокой ночью, только вот людей вокруг было много, и площадь, которую мы миновали, была оживленной.

– А вдруг он нас так испытывает? Мол, мы должны сами додуматься поехать к нему навстречу. – Мне было совершенно не тяжело нести пакеты, но голос мой походил на туго натянутый шланг, по которому бьют скалкой.

– Ты как будто своего отца не знаешь. Стал бы он такими глупостями заниматься?

– Точно не стал бы! – Лорс выставил руки перед собой, держа в них воображаемый пистолет, и целился в замерзшую яблоню, что свисала среди других деревьев прямо над обочиной за крохотным заборчиком, отделявшим сквер от тротуара.

– Как в школе дела? – спросила мама.

– Нормально.

– Что там со спектаклем?

– Все по-старому: я не участвую.

– И правильно. Но вот в четвертом в классе ты всех порвал, надо признать.

Я закатил глаза.

Дома я увидел, что наступило время молитвы, и поспешил в ванную, чтобы совершить омовение. Расстелив в гостиной коврик в нужном направлении – в сторону *Каабы*³, – я начал молиться. Все это время таскавший за мной Лорс сел сзади на диване. Когда я закончил, он смотрел на меня через телевизор, выключенный экран которого вполне сносно сходил за зеркало.

– А я уже сделал *намаз*⁴.

– Я не сомневаюсь, – улыбнулся в экран я.

– Что будем делать? – спросил он неловко.

– Предлагаю посмотреть, как мама делает нам поесть.

– А помогать будем?

– Я не буду, потому что не умею готовить. А ты умеешь, насколько я знаю.

Его глаза заблестели, и сам он принял торжествующий вид.

– Что-то умею, да, – по-детски пожал плечами он.

– Тогда беги на кухню! Я следом, – заговорщически подмигнул я.

Он тотчас же вскочил и посеял в сторону кухни, заложив вираж по скользкому паркету, а я немного посидел, раздумывая о том, что беспокоит меня уже несколько месяцев.

Да, это было точно. Я твердо решил после окончания школы переехать в Чечню, в Грозный. В самый первый раз это решение пришло ко мне внезапно, без каких-либо особых предпосылок, и вот так же внезапно оно в моей голове подтвердилось. Я всегда любил бывать там, искал любой возможности попасть туда хотя бы на пару дней, но теперь же я планировал там жить. Я настолько глубоко проникся этой идеей, что уже не представлял никакого иного будущего, хотя я даже не знал наверняка, где и как буду в этом городе жить, потому что вариантов было много.

¹ *альхамдулиЛляh*! – Хвала Богу (араб.)

² *ин ша Аллах* – Если Была на то Воля Бога/Дай Бог (араб.)

³ *Кааба* – Исламская святыня; направление для мусульманской молитвы.

⁴ *намаз* – мусульманский религиозный ритуал, молитва.

– Саид! Мама делает «цезарь»! Я сыплю в него сухарики! – послышался голос Лорса из кухни.

– Не кричи! – отозвалась мама не менее громко.

Гостиная была просторная, большая, с высокими потолками, как и во всей квартире. По центру располагался крупный бежевый диван с такими же креслами по бокам, а напротив них на большом комодe стоял широкий телевизор с внушительной диагональю, который включался тут довольно редко. Иногда мама, когда отец был в разъездах, сидела перед ним, шелкая каналы, а по утрам Лорс смотрел мультики. Но, стоило кому-то из родственников сообщить нам, что по новостям говорят про чеченцев или Чечню, мы собирались здесь всей семьей. За диванами, по обе стороны от двери в зал, у стены стоял длинный высокий шкаф с сервантом, в котором красовались редчайшие и изысканные столовые приборы и чайники с чашками, которые никогда еще не использовались. Мама любила вытаскивать их и ставить на стол, когда мы принимали гостей, потому что ей казалось, что они получают удовольствие от созерцания подобной красоты.

– Я уже насыпал! – нетерпеливо затрясся Лорс, когда я вошел в кухню.

– Ого, красиво! Ты молодец. Можно мне поесть твой салат? – я с видимым предвкушением опустился на стул напротив него.

– Да! Я положу Саиду немного, мам?

– Немного. – Отозвалась она.

Мама замешивала тесто, подсыпая муки, и параллельно настраивала плиту.

– Ты стоишь? Сядь, а то упадешь.

Она всегда так говорила, когда собиралась поделиться тем, что ее изумило, но я не помню, чтобы когда-нибудь разделял ее восхищения, пускай и слушал ее с интересом, иногда поддельным.

– Сижу! Хорошо, что я сижу! – весело сказал я.

– Амир женился.

– Что?! – в этот раз и впрямь было хорошо, что я сидел. – Ты про нашего Амира?

– Да, у нас ведь один Амир.

– Но как же так?

– Мое дело сказать. Делай выводы.

– А зачем говорить? Ты хочешь посеять вражду между нами? – излишне драматично пошутил я.

Она медленно повернулась ко мне, не отрывая рук от теста, и фыркнула.

– Ты сказал то, о чем подумал. Лично я имела в виду, что ты должен разобраться, почему он не позвал тебя на свою свадьбу. Значит, дело в тебе, и ты виноват сам. Вот и думай.

– Такая серьезная! – умилившись, сказал я. – Я ведь шутил!

– Я не в том статусе, чтобы ты со мной шутил.

Обычно она так не вредничала.

– Так-так, и что это с тобой?

– Ты вообще слышал, что я сказала?

– Амир женился, да.

Это было очень странно, потому что мы не так давно вернулись из Чечни с похорон его матери. Я совсем не хотел задумываться об этом, но не сопоставить эти два факта, не проследившая странность второго, было трудно.

– А на ком? Он ведь... он никогда не говорил мне, что общается с кем-то.

– Вот такой ты брат, значит.

– Тебя расстраивает, что он женился почти сразу после смерти своей мамы?

– Нет, я не ханжа.

– Ты подобрала не то слово.

Она не обратила внимания.

– Это показывает, какой ты брат племяннику своего отца.

В принципе, можно было бы сказать, что это скорее характеризует самого Амира. Да и не только одного лишь его.

– А Висайт? Он тоже ни слова не сказал?

– Сказал твоему отцу.

Висайт был родным младшим братом моего отца, и все мы, за исключением его единственного сына, называли его *ваша*⁵. Я этого уже совсем не помню, но, говорят, что и сам Амир в детстве его так называл. Когда он родился, через некоторое время Висайт и его жена хотели завести еще одного ребенка, но случались выкидыши. Впоследствии оказалось, что детей им больше родить не удастся, потому что ее здоровье сильно ухудшалось. Она умерла спустя двадцать лет, успев вырастить сына, и все эти годы проходили в борьбе с болезнью, с обнадеживающими ремиссиями, омрачающими рецидивами и осложнениями.

Амир был старше меня на три года, и мы друг с другом всегда были очень дружны и сплочены, пускай виделись не так часто, как хотелось бы. Мой отец – единственный из своей ближайшей родни, кто перебрался за пределы родины и живет вне Чечни, и потому несмотря на то, что он страшно часто находил поводы возить нас к ним, я не был с ними в постоянном контакте.

Но конкретно эта новость с каждым ее переосмыслением пылью оседала в моей голове. Я пытался представить, что и сам женюсь, никому об этом не сообщив, и мне было трудно придумать для себя повод или оправдание. А добавляя перед этим смерть кого-либо из моих родных – не говоря о матери – я дрогнул от неприятных мурашек на спине.

– Я не держу на него обиды, – твердо сказал я, пытаюсь себя в этом убедить.

– А он держит, видимо.

– Хватит, мам, я понял. Я поговорю с ним об этом.

Она сильно нервничала, но в последние пару месяцев мы к этому уже привыкли. В нашей семье ожидалось пополнение: к нашему с Лорсом мужскому дуэту присоединится девочка.

Отец пришел домой как раз в тот момент, когда мы с братом приступили к десерту – клюквенному пирогу – а мама готовила еще один со смородиной. Мама очень здорово готовила, и каждый раз к поздней осени у нее начиналось какое-то кулинарное обострение. Она готовила самые разные пироги и булочки, самые разные торты и кексы, и я всегда замечал, как не значительно, но все же стремительно набираю вес к зиме.

– Холодрыга, – послышался хриловатый голос моего папы.

Мы все вышли его встретить, и он крепко обнял нас с братом, а мама в фартуке хмуро встала в коридоре, уперев в бока напудренные мукой руки. Отец повесил пальто с крупными капельками растаявшего снега на вешалку в шкаф, хотя заняться этим отчаянно пытался Лорс.

– Здравствуйте, гражданка Булкина, – он шмыгал носом от холода, и от него веяло прохладным, освежающим воздухом.

– Очень смешно. Чего другого не придумаешь?

– Мучная.

Отец шутил с мамой, придумывая ей фамилии, намекавшие на ее чрезмерный интерес к готовке.

– Продолжишь? – деловито и с вызовом говорила она.

– Пирожкова.

– Давай еще.

– Блинова.

– Ну.

⁵ *ваша* – «брат» (чеч.), но этим словом принято называть дядю, а также посторонних мужчин.

- Хлебова.
- Какая богатая фантазия.
- Коржикова.
- Ладно, Шрэк, хватит с тебя. – Сказала она и удалилась на кухню.

Мы с Лорсом все это время давили смешки, но на последней реплике нас буквально прорвало, и отец даже дернулся от нашего шума.

Лицо отца было крупным и скуластым, а крупные уши несимметрично отклонялись от висков. Он был лысым и невысоким, но с широкими плечами, как у пловца. Он не был сильно облысевшим – у него было достаточно много волос, когда четыре года назад он полностью сменил свой имидж. Когда мне было восемь, он перенес инсульт, и теперь небольшое количество его мимических мышц частично парализовало. Из последствий, что были заметны – лишь обездвиженная во время разговора или иных лицевых напряжений левая бровь. Грубая щетина и несколько шрамов на щеках придавали ему вид какого-нибудь мафиози или криминального авторитета. А еще он ездил на черном затонированном автомобиле в черном пальто и кожаных перчатках, и, казалось, будто он вот-вот вытащит пистолет и начнет накручивать глушитель на дуло. Тем не менее он был добрейшей души человек, но суровый и принципиальный, что иногда заставляло нас на него обижаться.

Мама была высокой женщиной с длинными светло-русыми волосами, с узким лицом и высокими скулами, и глаза у нее были настолько светлыми, что иного описания, кроме как «белые», я не придумаю. Она была стройной, но не сейчас, и отец подшучивал над ней, на что она не всерьез обижалась. У них всегда были просто замечательные отношения, они друг с другом постоянно шутили, постоянно что-то выдумывали и что-то затевали. Когда Лорса еще не было, я помню, как ночью они сгребали меня в охапку из моей комнаты и сажали на заднее сидение машины, положив путь в какой-нибудь ресторан или на набережную, или в Серебряный Бор, или на пляжи в Строгино. Они брали меня сонного на колени и укрывали пледом, а сами глядели на рассвет, увлеченно разговаривая. Отрывками мне вспоминались разные вещи, вроде их воспоминаний из детства, которыми они друг с другом делились, или, например, обсуждение того, на какой спорт меня хотят отдать. У меня есть отчетливое воспоминание, которое против моей воли доставляло моему чеченскому естеству дискомфорт: как отец, общаясь с мамой, порой прерывался и повторял: «Тут так красиво. Красивее, чем обычно. Кажется, это из-за тебя».

Мы могли сорваться с места и поехать на природу, чтобы расстелить простынку на еще влажной утренней траве, разложить мамины пироги и другие вкусности, и проводить так время до обеда. Помню, как в такие вылазки отец читал что-нибудь, опустив голову маме на колени, пока она теребила мои волосы. С моим взрослением они перестали как-либо проявлять заботу друг к другу при мне – так уж у чеченцев заведено. Иногда мне всерьез кажется, что эти воспоминания – ничто иное, как мое воображение. Потому что теперь они и разговаривают друг с другом при ком-либо редко, что уж говорить о проявлении чувств. Они сильно любили меня, когда я был маленьким. Еще бы – первенец все же. Конечно, они любят сейчас, только я уже вряд ли так их умиляю. Я получал столько внимания, что оно меня утомляло, и я много капризничал, а родители совсем из-за этого не нервничали, потому что всегда были друг с другом рядом, и во всем друг друга поддерживали.

Они не ругались абсолютно никогда. Могло быть так, что отец оказывался чем-то недоволен, и очень резко об этом заявлял, но он быстро остывал и чувствовал вину. Мама никогда на него не сердилась, он просто не давал повода. Он не обижал ее, не был с ней груб и не обрывал ее ни на людях, ни за дверьми кухни. Я не помню вечера, чтобы отец, не будучи в отъезде, был дома позже семи часов вечера. Лишь взрослея, я понимал, что такие родители – большая редкость. Им просто было не до ссор и недомолвок, они никого вокруг не слушали, и не вни-

мали ничьим советам. Они знали все сами – как им поступать, и какие решения принимать. Я был счастлив, что у меня такой пример. Я был счастлив, что они не причиняли друг другу боль.

Лорс родился на следующий день после того, как мне исполнилось одиннадцать, и на меня поначалу он был совсем не похож. Моя внешность была грубым собирательным образом моих родителей: у меня мамины темно-русые волосы, тонкие губы, округлый нос, – который у меня был побит, а у нее очень аккуратен и красив, – отцовские густые широкие брови, разрез глаз и широкое лицо (пускай и далеко не такое широкое и скуластое, как у него). Казалось бы, от отца у меня совсем не так много черт, но и их всегда было достаточно, чтобы люди восклицали: «Ты просто копия своего папы!»

Несмотря на то, что у меня была отцовская форма глаз, они все равно были светлыми, как у мамы. Только если ее глаза всегда были белыми-белыми, то мои при тусклом свете имели болотистый, зеленый цвет, а при ярком освещении становились серо-голубыми.

Ростом я пошел в мужчин из семьи матери. Я не был особенно высоким – во мне было сто восемьдесят три сантиметра – но этого было достаточно, чтобы понять, что этим я точно не в папу. А вот Лорс, кажется, пошел в него, потому что на фоне своих сверстников он уже кажется совсем малышом. Он был точной копией мамы и почти ничем не напоминал папу, разве что цветом глаз и чернотой волос. Иногда у него возникали странные навязчивые мысли относительно чего угодно. Однажды он зашел ко мне в комнату и сел на мою кровать, обняв колени. Он глядел перед собой хмурым взглядом, а его щекастое личико, казалось, вот-вот начнет дымиться.

– Все в порядке, Лорс? – спросил я, отвернувшись от рабочего стола, за которым я писал конспект по истории.

Он взглянул на меня и резко устремил взгляд обратно на стену.

– Ну. Что это с тобой? – я встал со стула и подошел к нему.

Лорс снова искоса на меня посмотрел и вдруг хныкнул, но тотчас взял себя в руки.

– Ты чего? А ну говори! – тербил его плечо я.

– Все хорошо, Саид, ничего не случилось.

– А почему ты плачешь?

– Плачу?! Я не плачу. Разве ты видишь, что я плачу?

– Лорс, ты у меня сейчас получишь, если не расскажешь.

– Это очень большие глупости, Саид. То, почему я плачу.

Я так умилился!

– Просто... у вас с мамой такие красивые глаза, – залепетал он. – Все всегда про это говорят. Гости всякие. Я рад, что у меня такой красивый старший брат! Но я тоже хотел бы такие же, – в конце фразы его голос сорвался, и он всхлипывал, подбирая слезы.

Я прилег рядом с ним и погладил его волосы – жесткие, как искусственный газон.

– А ты знаешь, что мои самые любимые глаза – карие? – не лгал я.

– Ты говорил.

– А ты вообще знаешь, что у нашего любимого Пророка, мир Ему, глаза были очень черные? Это намного красивее любых других.

Лорс встрепенулся.

– Правда? – живо сказал он, но потом вновь огорчился. – А у меня ведь не черные, а карие.

– Никто не будет таким же красивым человеком, как Пророк Мухаммад, мир Ему, ты же знаешь это, – улыбнулся я. – А почему?

Он дернулся в мою сторону.

– Потому что у Него была красота всего человечества! – увлеченно ответил он и продолжил, не останавливаясь, – а у Пророка Юсуфа, мир Ему, была красота половины человечества!

– Все верно, – одобрительно закивал я. – Молодец! Посмотри на себя, какой ты умный. Многие взрослые люди не знают того, что уже знаешь ты!

– Потому что я хожу в *медресе*, – он сделался очень деловым, и было видно, что его надуманная грусть сменилась гордостью.

Лорс – очень-очень милый мальчик, очень трогательный и отзывчивый, но, когда он в компании сверстников, он держится очень серьезно и даже угрожающе. Я подозревал, что он вырастет калькой модели поведения нашего отца: человеком, который держится за свое и к своему трепетен, а все остальное ему чуждо и враждебно, не достойно ни пощады, ни тепла. Я же был иным. Я сочувствовал и сопереживал практически всем, выискивая их светлые стороны. Мне было дело до тех, кто натерпелся или пострадал, я совал свой нос в их дела, оказывая им поддержку. Я относился ко всем одинаково, но у меня не было друзей. Были люди, с которыми я мог проводить много времени, с которыми мог прогуляться по центру города или остановиться в кафе после тренировки, но не было среди них ни единого друга. Не было тех, с кем я ощущал себя настолько комфортно, что сумел бы быть откровенным. Я был открытым, но не откровенным. Как человек, открытый для всех, в моем отношении к людям я замечал одну вещь – открытость чувств. Открытость во всех ее проявлениях. Демонстрировать – но не рассказывать – то, что на душе, без фальши и мишуры, потому я и был вспыльчивым, с чем очень старался бороться. Я был жутко отходчивым, просто до странного. Мог надуться и уйти, желая исчезнуть навсегда, и вдруг передумать через сорок секунд. Я просто терпеть не мог свою непостоянность, и в глубине души я знал, что это говорит лишь о том, что я слаб. Отец и Лорс вспыльчивыми не были – вне дома они были холодными и серьезными, а я, сколько бы раз в своей жизни ни пытался – холодным стать так и не сумел.

Когда Лорс уснул, папа позвал меня на кухню попить чай. Там была мама, и они обсуждали что-то связанное с нашим будущим.

– Нет, до этого долго, мы решим потом, – вертела головой она.

– Просто вы должны готовиться уже сейчас. Долго, знаю. Вон, может, Саид пять лет отучится в мединституте... хотя это уже слишком.

– Нет, вполне нормально. Как раз Зарема и подрастет к этому времени.

– Ты хотела сказать Лейла? Лейла подрастет? – подначивал маму отец.

– Не знаю никакой Лейлы. И знать не буду. Ты можешь найти себе другую жену, и будет у вас Лейла.

Я закатил глаза:

– Мне попозже за чаем зайти?

Отец жестом повелел мне сесть.

– Что думаешь, Саид? – спросил он.

– Насчет чего? – я сел рядом с мамой.

– Переехать в Грозный. Ориентировочно к моменту, когда твоя сестренка пойдет в школу.

Меня приятно удивил такой поворот событий: значит, будет легче реализовать задуманное.

– Ну, как раз тогда, когда ты окончишь медицинский, – подхватила мама, многозначительно взглянув на отца.

– Когда я окончу медицинский, Зарема уже выйдет замуж, – преувеличил я.

– Вот. – Показал на меня отец и тут же осекся. – Ты сказал Зарема?..

– Вот. – Передразнила мама, довольно усмехнувшись.

– Как ты мог, Саид? – шутливо сокрушался отец.

Я поднял руки:

– Вы что хотите решайте, я все равно буду звать ее по-своему.

– Как? – насторожилась мама.

– Появится – придумаю.

– Ты ведь не против медицинского образования? – вдруг осторожно спросила мама, круто сменив тему.

– Нет, а почему ты спрашиваешь?

– Ты за все то время еще с прошлого года, что мы обсуждаем, куда тебе поступать, совсем никакой реакции не выдаешь. Если тебе это не нравится, то ты можешь сказать...

– Я бы и сказал.

Потом они начали листать медицинские ВУЗы Москвы, и медицинские факультеты в непрофильных вузах, а я все это время сидел с мыслями о том, как мне сообщить им о своих намерениях.

– Первый МГМУ имени Сеченова, – прочел с планшета отец. – Это главный медуниверситет страны.

– Мы же на стоматологию его определяем, поэтому почитай про МГМСУ. Там дети Лёмы учатся. Он стоматологический как раз.

– В Первом Медицинском тоже есть стоматология, – выпятил нижнюю губу папа, в глазах которого отражался экран планшета.

– Да, я знаю, но ведь там...

– О, Фариза, смотри, – перебил ее отец. – Тут есть, кажется, и твой профиль. Второй медицинский – РНИМУ им. Пирогова.

– Очень смешно.

Чуть позже спать пошла и мама, а отец решил завести со мной серьезный разговор.

– Прокатимся? Ты одет?

– Переоденусь, а то на улице страшно холодно, – сказал я, бодрым шагом направившись в свою комнату.

– Долго не возись.

Я переоделся, и мы с ним вышли на промерзшую ветренную улицу. От холода немели щеки и слезились глаза. Полночь снежными вихрями и освещенными фонарными столбами крупинками снега опустилась на нашу улицу: всего несколько часов назад отец приехал и припарковал машину, а она уже укрылась распущенными сугробами.

– Мама сказала тебе, что... что Амир женился?

Он не стал прогревать автомобиль, и мы поехали по широкому шоссе кружить по округу. У нас всегда так было. Он сажал меня в машину и просто бесцельно катался со мной по ночной Москве, обсуждая что-нибудь, или что-нибудь рассказывая. Как-то раз он и вовсе затеял это ради того, чтобы спросить, как прошла контрольная по биологии, поэтому я верил, что это было нечто большее, чем просто разговоры по ночам. Это была синхронизация наших с ним умов, чувств, переживаний, это были дрожжи наших с ним отношений. В такие моменты я не ощущал его человеком, который старше меня больше, чем в два раза; мы были на равных, и мама как-то говорила мне, что его отец воспитывал его точно так же. Выходит, мой папа своим отношением ко мне позаботился и о своих будущих внуках, пускай и делал это – я был убежден – бессознательно, просто оставаясь самим собой.

– Да.

– Ты ведь не обижаешься из-за этого?

– Обижаюсь, честно говоря. Сначала не обижался, а потом...

– Да, тебя в этом не обвинишь, конечно.

– Но я не стану что-то ему говорить.

– Ты можешь сказать.

– Ты ведь поэтому ездил туда? Ты застал свадьбу?

– Не застал. Но да, ездил поэтому. Висайт сказал, что у Амира прошла свадьба, – он усмехнулся. – Я был в шоке, конечно.

Выходит, приехав туда, отец пристыдил и Амира, и *вашу*.

– Я не понимаю... но ведь его мама умерла чуть больше месяца назад...

– Там своя история, Саид. Странная. Я вмешиваться не стал.

– Думаю, объяснение у них найдется.

– Нам не нужно их оправданий, и ты не требуй их. Если захочешь поговорить об этом – поговори, но недовольства не выказывай. Не ставь их в положение виноватых людей.

Мы остановились на светофоре, и я грустно взглянул на высотные здания «Москва-сити», которые, подобно деревьям за невысоким холмиком, возвышались над жилыми домами. У чеченцев совсем не принято проводить такие торжественные, важные мероприятия, не сообщая об этом своим родственникам заранее. В этом нет какой-то пресловутой «несвободы действий», просто мы такой народ, что подобные поступки расцениваем, как пренебрежение или отдаление от родственников. Также это может указывать на то, что ты перед ними в чем-то провинился. Вариантов масса, но вряд ли хотя бы один из них является положительным.

– Они ничего не просили мне передать? – спросил я, думая о том, что о моих чувствах никто не печется.

– Да. Амир извинился... сказал, что это была просьба его матери.

Я вытащил из кармана свой телефон и повертел им в руках:

– Жаль, что он не сделал этого прямо.

– Неужели ты не понимаешь? Стыдно ему, Саидик...

Я едва сдержал улыбку, увидев, как отец осекся, назвав меня так, как называл лишь в возрасте Лорса.

Так странно! Мне уже семнадцать, на щеках и подбородке проступает редкая щетина, а для него я еще «Саидик». Неужели он ежедневно себя пресекает, зазывая меня попить с ним чай или требуя помочь по дому?

– Да, – было тяжело вернуться в разговор. – Да, стыдно, конечно. – Пап, – я хотел начать разговор о своем желании переехать в Чечню, но он меня перебил.

– Ты познакомился с тем Зурабом на тренировке? Я рассказывал тебе про сына своего друга, который приходил к вам зал.

– Был там Зураб, но вряд ли тот, о котором ты говорил. Так, парой слов обменялись.

– Почему «вряд ли тот»?

– Твой Зураб, как ты говорил, чеченец, но этот вряд ли был чеченцем.

– Почему?

– Он весь какой-то рыжий.

Отец усмехнулся и с утрированным разочарованием растер глаза.

– К твоему сведению, Саид, если на чеченце нет хотя бы одного рыжего волоса, то это не чеченец. Значит, его предки просто когда-то поселились в Чечне.

– А на тебе вообще волос нет, не говоря уже о рыжих.

Он засмеялся.

– Что?! Да я весь рыжий! Всегда был!

– Вот так новость, – шлепнул я себя по колену, испытывая буквально зудившее мою поясницу желание поскорее высказаться. – А хочешь другую?

– Выкладывай.

– Погоди, мне надо собраться.

– Ты тоже женился?

В иной раз я бы развеселился, но не сейчас.

– Я решил, что буду поступать в Медицинский Институт в Чечне, – применив усилие, выпалил я без расшаркиваний.

Мы въезжали на пустую заправку, и он остановился, поравнявшись с бензоколонкой. Отец молча вышел, направился в магазин, чтобы оплатить бензин, и вышел оттуда с парой

шоколадных батончиков и газировкой. Он сел в машину, пока заправщик втыкал пистолет в горловину бензобака, и протянул мне батончик.

– Погрызи, – сухо сказал он.

– Что думаешь?

– Я думаю, ты все сам уже решил.

– Решил, – кивнул я. – Но какое у тебя мнение? Я правильно поступаю?

– Зачем тебе мое мнение? Ты не сказал мне «можно мне переехать в Грозный?», ты сказал: «Я еду в Грозный».

– Ясно. Значит, ты не согласен.

– Нет, – он покачал головой. – Значит, ты волен сам решать, что делать. Я вообще переживал, что ты о своем футболе всерьез мечтаешь.

– Мечтал, пока вы не стали внушать мне, что это бесперспективное занятие.

– Ненадежное, скорее.

– Да, вы здорово сработали, – сказал я без какой-либо язвы. – Я теперь с этим полностью согласен.

– Мы не пытаемся разрушить твою жизнь, – от откусил шоколад.

– Конечно.

– И что ты думаешь насчет Чечни? Как ты дошел до этого?

Я не могу сказать, что какие-то конкретные размышления натолкнули меня на подобные мысли. Наверное, это было чем-то таким, что развивается на подсознательном уровне, что накапливается незначительными мелочами. В висках частенько постукивала фраза «свой среди чужих, чужой среди своих». Это была излишняя драматизация, не имеющая полного совпадения с реальностью. Но говоря «не имеющая полного», я не сказал «не имеющая никакого». Если тут, в Москве, кто-то считал, что имеет право вести себя со мной предвзято лишь потому, что я чеченец, то всякий раз посещая Чечню, я мог столкнуться с презрением, высокомерием или и вовсе с агрессией – все потому, что я приехал из Москвы. Я вполне мог бы сойти за жертву, и именно в такой роли себя обозначить, но только мне всегда была чужда жалость к самому себе.

Мне хотелось чего-то нового: я чувствовал нутром, чувствовал наружностью, что очень сильно желаю видеть себя там. Желаю там жить, и, желательно, в одиночку, что, все же, было бы совсем нагло, и на что мне лучше изначально не рассчитывать, чтобы потом не разочаровываться.

– Ну, там здорово, – только и сказал я, решив не обременять отца всем тем, что скопилось в моей душе.

– Здорово? – его глаза заулыбались, пока он закручивал пробку бутылки. – Тебе нравится, да?

– Да, не то слово.

– Я, в принципе, не против. Всегда за то, чтобы ты стал чуточку самостоятельнее. Можешь там жить, – он собрался было выйти, чтобы побаловать работника бензоколонки чаевыми, но замер. – Ты же понимаешь, что это? Это ведь не просто «уехал и живешь».

Он вышел, сунул в карман заправщика денег, о чем-то с ним поговорив. Приглушенные разговоры доносились до меня, как звук быстрой езды в ливень, а я сидел, размышляя над тем, что он мне сказал.

– Ты на лечебный факультет хочешь, что ли? – спросил отец, вернувшись в машину и начав содрогаться. – Как же холодно!

Мне холодно не было. Мне вообще в целом редко было холодно: порог замерзания у меня явно был высоким, и потому я часто себя переоценивал и одевался слишком уж легко, за что расплачивался регулярными простудами по ходу поздней осени, зимы, и ранней весны.

– Нет, с чего ты взял?

– Там ведь нет стоматологии.

– Есть, – утвердил я. – В этом году и открывается.

– Ты справки навел, как я вижу.

Мы тронулись и, судя по дороге, на которую отец свернул, мы направлялись домой.

– Конечно, навел, это же не бездумный порыв, – сказал я и немного помолчал. – Пап, что ты имел в виду? Что значит «не просто уехал и живешь»?

– Я имел в виду, что тебе нужно думать о том, где тебе жить, – перебил он. – Да и вообще... ты сам-то думал о том, как ты там будешь один?

– Я приспособлюсь. Это то, чего я хочу очень сильно.

– «Хочу...»

Он не любил это слово и вовсе желал, чтобы в моем лексиконе его не существовало. Он был убежден, что к действиям должна побуждать необходимость, или хотя бы оправданность, но никак не простое возникшее желание.

– Хорошо, мне это *надо*... Серьезно, пап. Я уже по-другому не вижу. Слишком... слишком сильно решил, – сказал я, поморщившись от собственной формулировки.

– А что скажет твоя мать?

– Не знаю. Я поставлю перед фактом, думаю. Она меня поймет.

– Перед фактом? А ты смелый малый.

– Но ведь ты меня понимаешь?

– Да. Я понимаю и разрешаю.

– А перед мамой прикроешь в случае чего?

– Да, – хохотнул он.

Мое признание прошло как-то слишком просто, и, если бы я так сильно не желал этого, я бы, наверное, даже обиделся, заподозрив отца в том, что мое присутствие стало его тяготить. Но эти мысли были очевидно глупыми.

– Здорово, – кивнул я.

Весной Зарема родилась крупным и забавным младенцем. У нее был маленький, едва заметный вздернутый носик, и мамыны миндалевидные глаза. Они настолько походили на материнские, что просто поражало. Это выглядело невозможно интересно, как, например, нас забавляют и восхищают всякие крохотные книжечки или макеты городов в миниатюре. Принимая во внимание то, что младенческие лица множества раз меняются, было рано делать долгосрочные выводы о том, на кого она похожа.

– Ну и как ты будешь ее называть? – спросила мама, укачивая на руках мою сестренку. – Мне так интересно с того момента, как ты это сказал.

– Ну. Она выглядит, как Люлюка. – Твердо сказал я.

Мама, папа и Лорс засмеялись.

– Почти как Лейла! Видишь, Фариза? – смеялся отец.

– Почему Люлюка, Саид? Откуда ты вообще это взял? – спросила мама, не сдерживая улыбки.

– Ты говорила, что у тебя есть подруга, которую так зовут. Мне кажется, что взрослой женщине такое имя не идет. А вот этой мелюзге – в самый раз!

Оказалась Люлюка очень голосистым малышом. Она очень громко плакала и капризничала, совсем не терпела ни минуты, если ее нужно покормить или поменять ей подгузник. Один раз мама попросила меня поменять памперс малышке, пока сама она говорила по телефону, прижав его ухом к плечу, и убиралась в шкаф. Я подошел к ней и, вроде как, даже решился на этот геройский поступок, но девочка орала так, что потоки воздуха из ее рта раздавали мне пощечины.

Если я скажу, что ее крики совсем не выводили меня из себя, это не будет правдой. Я очень сильно раздражался, особенно решая тестовые книжки по русскому языку в подготовке к экзаменам, а она вопит на всю улицу. Несмотря на то, что я запирался у себя в комнате – и даже подкладывал подушки под дверь, – я слышал ее так хорошо, будто она звенит у меня в кармане вместо телефона.

Тем не менее это был восхитительно красивый ребенок. Я совсем не помню, чтобы Лорс был таким же крупным, щекастым и выразительным малышом. Да, ее вопли раздражали, но какие у нее были глазки...

Последний день школы был торжественным. После седьмого урока звонок непрерывной трелью начал заполнять все коридоры, и под его звучание мы обходили школу, которая была забита салютующими учителями и учениками помладше. Они совали нам в руки разные подарки: игрушки, конфеты, ленточки, шарики, цветы. Мы шли парами – мальчик с девочкой, – и все держались за руки, но моя одноклассница хорошо меня знала и не стала смущать, даже не приблизившись ко мне.

Разгуливая в этой шеренге, я чувствовал себя ужасно глупо. Каждую весну в конце школьного года бывает страшно жарко, и я жутко потел. Мы нашей параллелью из трех классов полностью обошли все здание школы, а затем вышли и во дворы, где также было много ребят, но уже совсем маленьких, и которые тоже норовили подарить нам чего-нибудь.

Заваленные подарками, мы вернулись в школу через задний выход и отправились в актовый зал. Девочки сидели с цветами и коробками конфет, а парни с наборами для бритья.

– Хорошо хоть носки никто дарить не стал, – хмыкнул я.

– Мы выпускники, чувак, – подмигнул мне Эмиль. – Теперь-то мы взрослые.

Мне не так давно исполнилось восемнадцать, а я часто ловил себя на мысли, что меня тянет поиграть вместе с Лорсом на детской площадке.

– Да, очуметь какие взрослые, – саркастически кивнул я.

Ученики стали петь нам песни и читать какие-то стихи, а мне хотелось как можно скорее оттуда сбежать.

Следующей фазой прощания со школой стали экзамены. Я готовился к ним ежедневно, но сдал посредственно. Признаться, я сильно расслабился после того, как сумел безо всяких трудностей убедить маму, что мне будет лучше переехать и учиться в Грозный. Дело в том, что на стоматологический факультет в этом году будут брать только на контракт, так что учиться бесплатно не получится. Отсюда и мотивация набрать как можно больше баллов на экзаменах у меня пропала. Вполне возможно, таким образом я просто себя оправдывал.

Затем был выпускной вечер.

После того, как нам торжественно выдали аттестаты, я отдал свой отцу, и он принялся внимательно его изучать. Мама тоже очень сильно хотела прийти, но не могла оставить Люлюку, потому меня сопровождали папа и Лорс.

– Я тоже скоро закончу, и ты тоже придешь ко мне, да? – спрашивал меня братик.

Я опустил перед ним и потрепал ему носик.

– Да. Вот ты пойдешь в первый класс осенью, пройдет одиннадцать лет, и я мигом прибегу на твой выпускной!

Он радостно всхлипнул и крепко обнял мою голову.

Попрощавшись с родителями и остальными гостями, мы все собрались в автобусах, которые увезли нас в ресторан, расположенный на окраине города. По пути туда моим соседом оказался парень, который запахом изо рта мог бы истребить какую-нибудь хрупкую форму жизни.

– На выпускном-то хоть... что думаешь?.. может быть, того?.. – он щелкнул пальцем по кадыку.

Я даже не сразу понял, что он обращался ко мне. Я медленно повернулся к нему, вопросительно указав пальцем на себя, и только потом ответил.

– Вы что, страх потеряли? Ладно, раз уж вы, придурки, что-то там и решили... но наша классная ведь пригрозила, что у того, кто пронесет с собой алкоголь, отберут аттестат.

– Саид! Ты как ребенок повелся! Как ты себе это представляешь?

Я лишь кивнул, улыбнувшись. Он ошибся: я не повелся ни на что, а лишь поверил, что мог бы убедить его в этой учительской уловке. Так что ребенком для меня был скорее он для меня, а не я для него.

– Ты не ответил. Выпивать будешь? – снова спросил он, и тут я уже разозлился.

– Не буду, ты совсем ненормальный? С какой стати ты вообще ко мне с такими вопросами лезешь? Ты когда-нибудь видел, как я пью?

Он немного подсел, захлопав веками и нервно выглядывая учительниц на передних рядах.

– Нет, – он продолжал следить за тем, услышал ли кто-то мои гневные возгласы, или нет. – Но сегодня ведь особенный день!

– Чтобы ты понимал, в этот, как ты сказал, особенный день и предпочел бы посидеть дома.

Он недовольно поморщился и отвернулся, переговариваясь с одноклассниками через шторку окошка.

В ресторане мы произвольно заняли места, и, когда я подсел к Эмилию, он встал и демонстративно отошел к ребятам, которые собирались сегодня разливать. Вышла ведущая, начав длинный монолог о том, как много нам дала школа, и как мы должны быть благодарны нашим учителям за вклад в наше развитие, за воспитание и за влияние, которое они оказывали на нас одиннадцать лет. С каждым ее восхвалением учительской профессии, я вспоминал свою преподавательницу по изобразительному искусству, которая однажды прямо на уроке, устав от моих проказ с одноклассниками, сказала мне, что я являюсь гостем в Москве – несмотря на то, что в ней родился, – и мне следует быть менее активным.

Затем нам предложили поесть, ни на что не отвлекаясь. Я ел исключительно *халляль*, но не стал бегать за официанткой, чтобы выяснить, какое мясо в той еде, которую нам представили. Я просто отложил все блюда с колбасной нарезкой, куриным филе, горочкой жареного фарша, на котором была тростинка зелени (что, вообще-то, выглядело пошло), и другие мясные блюда. Зато я с удовольствием притянул украшенное дольками лимона и оливок рыбное ассорти, начав уплетать слабосоленую семгу, копченый угорь и палтус. Пока я ел, ко мне подскочила смешливая девчонка с большой кудрявой шевелюрой из параллельного класса, и щелкнула нас на фронтальную камеру. Я только и успел улыбнуться в нос с набитым ртом. Она вытянула руки, глядя в телефон на наше фото, и, с умилением усмехнувшись, побежала дальше. Кажется, она хотела собрать коллекцию фотографий со всеми выпускниками. Я провожал ее взглядом, дожевывая рыбу, и ко мне со спины подскочил однокашник, с которым в начальной школе мы были не разлей вода.

– Тут просто офигенно!

– Да ну. Я даже не могу приблизительно представить, что тебя здесь привлекает, – я забросил оливку в рот. – Хотя поесть тут можно.

– Парни пронесли алкоголь! – он сжал руки в кулаки и радостно побил ими в воздухе. – Будем разливать в туалете.

– Для чего ты мне это говоришь?

– Мало ли, вдруг тебе захочется оторваться по полной. Второго выпускного у тебя не будет.

– Я сейчас тебя по полной оторву, если не отвянешь, – приукрашенно, но категорично сказал я.

Он пожал плечами и удалился, побежав в сторону туалетов. Я недовольно фыркнул, запив рыбу соком из стеклянной бутылочки.

– Теперь попросим всех желающих выйти в центр зала! – завопила в микрофон ведущая, и ребята потянулись к ней.

Начались какие-то игры, сценки и импровизационные представления. В каких-то я даже поучаствовал. Меня это так забавляло: вроде бы выпускной, вроде бы мы все теперь такие взрослые и самостоятельные, а в игрушки с нами все же играют. Мне это быстро надоело, и я покинул толкучку, услышав объявление танцев. В дальнем углу я заметил интересно выглядящую барную стойку, походившую на театральную декорацию. Когда я приблизился к ней, она предстала в еще более нелепом виде. Словно ее арендовали у детской игровой комнаты из какого-нибудь торгового центра, и перенесли сюда, решив, что это подходящий вариант для создания атмосферы нашего выпускного. Она была из закругленных и покрытых толстым слоем лака дощечек, выложенных намеренно неровно. Ее недостоверность и комичность были до крайности кричащими: снизу эта барная стойка изображала корму корабля, на которой сверху был закреплен штурвал с короткими и широкими рукоятками, а на деревянной столешнице было выцарапано четыре имитации карты сокровищ – по одной над каждым круглым стулом без спинки на высокой металлической ножке. Я подошел к штурвалу, потому что мне захотелось проверить, крутится ли он, и толкнул его за толстую ручку. Он поддался, сделал короткий тугий оборот, и заставив меня засмеяться.

– Вы прокрутили штурвал! Вы первый посетитель на сегодня! – из-под столешницы внезапно выглянул молодой мужчина в черной жилетке и белой рубашке, закатанной на рукавах. На его голове была темная шляпа с короткими полями, перевязанная белой ленточкой, из-за которой торчало крупное красное перо. – А это значит, что Капитан Крюк к вашим услугам! – сказал он и вытянул губы, красуясь нарисованными усиками с закрученными кончиками. Он артистично поднял руку, на которой был надет крупный пластмассовый крюк, и держал ее у своего лица.

Он так и замер, ожидая моей реакции, а я смотрел на него, отчаянно удерживая себя от хохота.

– Пожалуйста, скажите мне, что это несерьезно, – упрасивал я, поднимаясь на высокий барный стул.

– Все куда серьезнее, чем вы думаете! У нас тут все очень серьезно, молодой человек! Ознакомьтесь с меню, пожалуйста! – он достал игрушечный револьвер и направил на меня.

Я не знал, как мне реагировать, поэтому взялся подыгрывать ему и поднял свои руки.

– Сдаваться не стоит! – он нажал на курок, и из дула револьвера вылетел флажок, нанизанный на пластмассовую соломинку.

Вывернув игрушечный револьвер боком, он положил его передо мной, и я увидел на флажке четыре наименования напитков, написанных большими буквами от руки.

– Ну... давайте барбарис, – нерешительно попросил я.

– А, значит, «Шато Брандо» восемьдесят девятого года! Сию минуту! – сказал он и подскочил ко столу за барной стойкой, где стояло четыре больших алюминиевых бидона и краниками.

Краем глаза я заметил фигуру, направлявшуюся ко мне. Повернувшись, я увидел, что это Полина.

– Могу составить тебе компанию, Саид? – чувственно спросила она, поставив руку на барную стойку.

Я пожал плечами:

– Запретить я тебе этого не могу, – только ответил я, улыбнувшись.

– Как ты любезен, – насколько это было возможно мягко огрызнулась Полина и села, оставив между нами свободный стул. – Что это у тебя? – она протянула руку к необычному меню и придвинула его к себе.

Нелепый бармен поставил передо мной бокал барбарисового лимонада и снова назвал его «Шато Брандо», не забыв добавить «восемьдесят девятого года». Он налил совсем немного, будто это действительно был алкогольный напиток.

– Посетителей у Капитана Крюка становится все больше! Приветствую, жгучая брюнетистая бестия! – торжественно приветствовал Полину он.

– Вы серьезно? – устало вздохнула она. – Капитан Крюк?

– Чего желаете, бестия?

– Бестия будет грушевый лимонад, – промолвила она, закатив глаза.

Я взял бокал и решил на всякий случай приняться. Убедившись, что это действительно газированный барбарис, я принялся отпивать.

– А, значит, вы заказываете мартыни... то есть мартини! – настоятельно поправил ее бармен-аниматор.

Услышав это, я отшатнулся от смеха и выплеснул на стойку и на пол все, что не успел проглотить. Тут я уже откровенно захохотал, не в силах больше сдерживаться, и Полина тоже тихонько засмеялась.

– Извините меня оба, – жмурясь от смеха, махал рукой я. – Какое «Брандо», какое «мартини», какой еще «Капитан Крюк»?

– «Мартыни», – отметила Полина, прикрывая рот ладонью.

Бармен глядел на меня с недоумением, будто в его глазах все это действительно выглядело так серьезно, как он об этом говорил.

Мы с Полиной пили лимонады в тишине, пока наш аниматор достал белый платок с темными и желтоватыми пятнами, и, как часть представления, стал протирать им бокалы. Полина настороженно на него посмотрела:

– Так, только сейчас не говорите, что пьем мы из той же посуды, которую вы терли этой грязной тряпкой.

Услышав это, я тоже воззрился на бармена. Он отложил бокалы и демонстративно провел платочком по лбу:

– Жизнь пирата сложна, юная леди. Пришвартовавшись к Москве, я был вынужден разобрать свой корабль и устроиться на эту работу, чтобы немного подзаработать...

– Ответьте на вопрос! Вы протирали эти бокалы своим платком?! – Полина вскочила со стула и затрясла недопитым лимонадом в руке.

– Ладно-ладно, – заговорил он нормальным голосом без искусственной хрипотцы. – Можешь успокоиться. Бокалы, которые я тер – это реквизит. Не буду я никому в них ничего наливать. Это все было для атмосферы, но какая с тобой атмосфера?

– Хорошо, Капитан Крюк, я отзываю претензии, но знайте, что вы немного перестарались.

Он почему-то отдал честь армейским жестом, но Полина продолжила:

– И это я про ваши усики и перо в шляпе, – она аккуратно поставила свой бокал на стойку. – Саид, ты не отойдешь со мной?

Я услышал, что начала играть неспешная лирическая музыка, под которую мои одноклассники делились на пары и, неумело медленно переступая ногами, принялись танцевать друг с другом. Я серьезно глянул на Полину.

– Нет, Саид, у меня не дырявая голова и я помню твои принципы. Не собираюсь я с тобой танцевать.

– Куда ты меня тогда зовешь?

– Просто пообщаться. Внизу у выхода. Там полно людей.

Я молча проследовал за ней к выходу из ресторана, и мы оказались на крыльце. Она прошла к массивным мраморным перилам и, оставив на него локти, украдкой обернулась ко

мне и позвала. Я вздохнул, выглядывая лесной пейзаж, открывавшийся прямо перед нами. Его пересекала узкая дорожка, заворачивавшая направо к шоссе.

Справа на крыльце, игнорируя нас, разговаривали две учительницы, обсуждая, в какое время они планируют закруглять выпускной.

Темнота поглощала слабый свет, уступчиво сочившийся из окон ресторана, а маленькие светящиеся сферы, располагавшиеся на высоком заборе, освещали пространство вокруг себя не далее, чем на метр. Была полночь. Все празднества, как упоминал кто-то из ребят, будут продолжаться примерно до трех часов ночи, а я уже так сильно хотел вернуться домой. Я бы подошел к кровати, где спит Люлюка, и опустился к ее пухлой щечке, чтобы поцеловать. Она бы слабо дернула головой и хмыкнула во сне, от чего я бы жутко умилился и поспешил уйти, иначе точно не сдержался бы и ущипнул ее.

– Слышала, ты уезжаешь на родину. – Холодно и несколько предосудительно сказала Полина.

– Эмиль проболтался?

– Да, он. А это был секрет?

– Не совсем...

– Хочу, чтобы ты знал, что я злюсь на тебя за это.

В непонимании я выставил ладони:

– С чего бы?

– Знаешь, с одной стороны, это хорошо, что ты уезжаешь, потому что это значит, что мы вряд ли когда-нибудь увидимся, и теперь мне легче будет высказать все наконец.

Быстрее, чем я начинал осознавать происходящее, Полина заговорила:

– Я тебя люблю. С давних времен. С тех пор, как узнала, что нечеченка тебя не заинтересует – полюбила сильнее, потому что ты стал моей мечтой. Любовь, ставшая мечтой, обречена на то, чтобы стать обременительной. Это со мной и произошло. Я не идеализирую тебя, я прекрасно вижу твои недочеты и твои несовершенства, но принимаю их все без остатка, и люблю лишь сильнее. Я люблю твою внешность, твой смех, твои шутки, твою стеснительность, я без ума от твоей жертвенности и участливости. Саид, я не знаю, правда, не знаю, как буду жить. Я вообще не представляю своей жизни без тебя в ней. И мне больно. Уезжая, ты вырываешь из моего сердца самую жизнеспособную ее часть. Любить тебя, не признаваясь в этом, но наблюдая за тобой каждый день – это не то же самое, что любить тебя, не имея возможности когда-нибудь еще тебя увидеть.

Выслушивая это, у меня даже не возникло сомнений, что это чей-то розыгрыш. Это было настолько странно, настолько неуместно и контрастно, что едва не пробило меня на нервный смех. За все время обучения у меня не возникло даже одной мысли, что нечто подобное и вовсе возможно. Как и большинство людей в школе, я, конечно, порой замечал со стороны девочек кратковременную симпатию, но не от Полины. А ведь она и вовсе говорит о любви, а не о симпатии.

– Пожалуйста, скажи хоть что-нибудь. Пошли меня куда подальше, назови идиоткой, выскажи недовольство... Только не молчи. – Говорила она, а я иступленно на нее смотрел, видя, как задвигались ее ноздри, вбирая побольше воздуха.

– Спать я тебя никуда не буду, но попрошу рассказать, кто и зачем тебя подослал, – говорил я, ощутив покалывания на пересохшем языке. – Это же явно чей-то розыгрыш.

Она тихо заплакала, приступообразно морща лицо и расслабляясь, чтобы потом вновь съежиться и выдавить новые слезы. Плечи ее содрогались.

– Да, – застонала она, бесшумно рыдая, – это розыгрыш, Саид. Шутка. Прикол. Ради этого розыгрыша я по три часа в день выбирала себе платье последний месяц, а придумывала образы еще в начале года. Ради прикола я неделю подговаривала школьного психолога позвать тебя на беседу и попросить заполнить тест, где был пространственный вопрос лично от меня о твоём

типе девушки, на который ты ответил: «У меня нет абсолютно никакого определенного типа ни внешне, ни внутренне». Ради шутки пыталась ненавязчиво выведать, какой у тебя любимый цвет, при этом даже от такого безобидного вопроса ощущая себя, как преступник, проходящий мимо полицейского. Да, Саид, только потому, что это чей-то розыгрыш, я стою сейчас в длинном платье без, как ты выразился бы, вульгарщины. Кто-то просто шутит, поэтому цвет моего выпускного платья именно того оттенка синего, который ты выбрал, когда я уговорила Лену Слободскую пристать с расспросами ко всем мальчикам, чтобы ты точно не заподозрил моей одержимости тобой... – она вдруг слабо хихикнула. – Даже сейчас я истерю тихо, а не громко, потому что знаю, что ты не любишь людей, которые зря шумят. Я такая дура... Стою перед тобой в этом платье и ною тебе о своей любви...

Я лишь тяжело дышал – так, словно я перед кем-то катастрофически провинился, и у меня нет ничего, что я мог бы взять себе в оправдание. Глядя в пол, я ощутил, что в глазах темнело. И по какой-то причине темнело сверху вниз, будто мне на глаза медленно скатывается козырек кепки.

– Полина, мне так жаль, что ты меня любишь... Искренне жаль... Я предпочел бы, чтобы у тебя не было ко мне никаких чувств...

– Знаешь, что такое любовь? – она повернулась ко мне, блеснув намокшими глазами. – Это то, что при всех этих обстоятельствах я все равно предпочитаю любить.

– Я не понимаю, за что тебе меня любить? Разве можно влюбиться в кого-то без твердого и четкого понимания, в чем вы сходитесь с человеком, а в чем – нет? Да я даже не красивый, а внешность... зачастую это первый критерий, по которому человек вообще выбирает, будет ли он давать волю чувствам или нет.

– Кто сказал, что ты некрасивый? – сказал Полина, стараясь аккуратно утирать слезы своими длинными тонкими пальцами.

– Хочешь, пойду к Капитану Крюку за его платком? – предложил я с ужасающе виноватой улыбкой.

Она рассмеялась сквозь слезы, продолжая осторожно смахивать слезинки и потряхивать руками, чтобы себя успокоить.

– Ну вот, Саид, и как ты предлагаешь мне без этого дальше?... – она снова сощурилась в приступе беззвучного плача.

На моем лице застыла гримаса глубочайшего сожаления. Я никогда никого безответно не любил, но уже мог с уверенностью сказать, что быть объектом подобной любви – это страшная, практически неподъемная ноша для чувствительного человека.

– Саид... пожалуйста, хоть это и не так... мог бы ты?... Мог бы ты сказать?... Нет... Нет, конечно, что это я... Не надо.

– Полина, я не раздражу тебя, если скажу, что ты красивая? Я так правда считаю.

Я осознавал, что это все равно, что подушечка жвачки, приложенная к месту отсутствующего зуба: вроде бы и цвета похожего, и пустоту хоть как-то заполняет, но никакой практической пользы не несет и проблемы не решает. Мне искренне хотелось сказать что-то, что могло бы вызвать у нее хоть улыбку. Указать на крохотный, микроскопический выступ на скале, за который она могла бы зацепиться – ни в коем случае не для того, чтобы дать ей даже намек на надежду, а чтобы не акцентировать внимание на том, что она обречена свалиться.

– Не раздражишь, – она хило улыбнулась. – Спасибо большое. Исключительно для одного тебя и старалась. Ты тоже красивый. Ты посмел при мне – девушке, которая любит тебя – сказать, что ты некрасивый. Это не так. Да, черты твоего лица грубые, если рассматривать их отдельно, но вместе они собираются в прекрасную картину.

Я поморщился, постаравшись скорее сдвинуть разговор от себя подальше:

– Скажи, вот ты высказалась... тебе полегчало?

– И да, и нет. И что это за вопрос такой? Намереваешься подойти к моей любви с исследовательской точки зрения и начать эксперименты?

В действительности же мне хотелось уйти как можно скорее. Да, я жалел эту девушку, но ничья любовь не смогла бы сломить те принципы, с которыми я вырос, которые одобрял для себя, и которым собирался следовать и впредь. За все свои восемнадцать лет я ни на мгновение не засомневался в том, что семейную жизнь я буду рассматривать исключительно с чеченкой.

Полина очень хорошо это понимала и ничего не ждала от меня. Это, несомненно, облегчало мне душу.

Мы стояли молча, глядя перед собой. Взглядом я выловил, как слева за углом здания один из выпускников – явно охраняя тех, кто чем-то балуется – периодически посматривает на учительниц. Я тоже взглянул на них, увидев, что они продолжают спокойную беседу.

Лес перед нами был очень густым, и те участки, что были слабо подсвечены лампами на заборе, представляли в самом неопрятном виде: криво вырубленные и разодранные деревья, беспорядочно протоптанные тропинки; кучи, валы, целые холмы мусора. Мне невольно взгрустнулось: он был бы так красив нетронутым, этот лес.

Полина вдруг открепилла кнопку своей сумки и достала оттуда что-то, похожее на книжку, запечатанное в оберточную бумагу. Я вопросительно посмотрел на нее.

– Это ежедневник. Дни рождения ты не празднуешь, но оставить тебе какой-то подарок я хотела, чтобы у тебя осталось хоть что-то от меня. Пусть будет в качестве презента на выпускной. Что-то, во что я вложила душу. И нет, не переживай, там нет никаких любовных посланий тебе или поцелованных красной помадой страниц, – сказала она и я подавленно усмехнулся, – Свое любовное послание я тебе уже сделала. Но этот ежедневник сделан на заказ. На нем твои иници... да что это я... Сам все увидишь. Может быть, решишь продолжить писать, потому что я помню, как однажды ты принес из дома написанный тобой рассказ и зачитал нам его на литературе. Это было здорово, у тебя хорошо получилось. Только не выбрасывай его, пожалуйста. Пообещай мне это.

Принимая ее подарок из рук, я был в полном непонимании: то, о чем она говорила, произошло в четвертом классе.

– Зачем бы мне его выбрасывать? Обещаю этого не делать. Мне нравится твой подарок, спасибо тебе.

– Как бы ни было, Саид, – Полина успокоилась, вернув свой низковатый, но мелодично разливающийся голос. – Я во всем призналась и больше не смею тебя задерживать. Я желаю тебе всего самого наилучшего в твоём путешествии. Держись молодцом. Ты очень хороший человек. Там тебе, возможно, будет лучше, потому что здесь ты довольно часто страдал, видя что-то, что не соотносится с твоими убеждениями. Думаю, не стоит упоминать, что я всерьез обдумывала переезд в Грозный, чтобы сделать это как бы невзначай. Даже ВУЗы просматривала, но быстро поняла, что все это утопия. Да и тебя бы это сильно смутило. – Полина, опираясь о белые перила, сильно согнулась, опустив подбородок к груди. – Прости меня, я тебя все-таки задержу. Совсем чуть-чуть. Хотела сказать, что у меня есть подруга в другом городе. Она тоже полюбила кавказца и долго решалась ему открыться. Она это сделала, и он мгновенно ответил ей взаимностью. Его «любовь» закончилась после того, как он попользовался ею и рассказал о своем, как он видимо считает, «победоносном свершении» всем своим друзьям. Пережив такое предательство, она предостерегла меня от тебя, но откуда ей – девушке, которая с тобой незнакома – знать, какой ты восхитительный человек? Я и так это понимала, но спасибо тебе, что после моего признания ты лишь подтвердил то, каким я тебя знаю. – Она повернулась ко мне, сделав один парадоксально робкий и одновременно твердый шаг вперед, от чего я выровнялся, чуть отстранившись. – Я люблю тебя, Саид Берсанов. Счастливой тебе жизни.

Я кое-как уговорил учительницу отпустить меня домой на такси, и покинул выпускной часа на два раньше, чем остальные. Домой я вошел тихо, без грохота, но обнаружил родителей и Лорса бодрствующими на кухне. Мой брат вытворял какие-то странности, демонстрируя систему приемов по тхэквондо, которую он часто репетировал в моей комнате.

– Я получу этот фиолетовый пояс, – с умиляющей решимостью и стиснутыми зубами хмурился тогда он, глядя в зеркало.

Я вошел на кухню в тот момент, когда Лорс случайно угодил босой ногой в холодильник и от боли, сдерживая крик, запрыгал на месте. Отец подлетел к нему с перепуганным видом.

– Лорсик! Иди сюда! – он опустился перед ним на колени и резко поднял его стопу, чего Лорс не ожидал и был вынужден ухватиться за поручень духовки, чтобы не упасть.

– Ой, как это мило, – с нагловатой ухмылкой произнес я и сложил руки на груди, зайдя на кухню в своем выпускном костюме.

Отец посмотрел на меня и вскочил, снова протряхнув Лорса, и, приукрашенно изобразив равнодушие, махнул:

– Фариза, приложи к его ноге что-нибудь холодное.

Лорс посмотрел на меня и заулыбался, а я ему подмигнул.

Раздевшись, я в своей комнате вскрыл подарок Полины. Это был красивая толстая записная книжка в темно-синем корешке и со свисающей ляссе. Мне было смешно, что, оказывается, со стороны кажется, что я одержим синим цветом. Конечно, он бессознательно нравился мне и привлекал меня, но я никогда не обращал на это внимания.

Полина не солгала: помимо моих инициалов, выведенных в правом нижнем углу обложки, никаких больше слов и даже букв в ее подарке не было. Страницы представляли собой белые листы в едва заметную линейку. Мне сразу захотелось что-то туда вписать, но я пожалел новехонькую бумагу. Как это бывает у всех школьников даже с обычными резко пахнущими древесинной зеленой тетрадами – мне хотелось писать в своей новой записной книжке исключительно идеально выверенным почерком. Я был готов записаться на уроки каллиграфии – лишь бы не испортить содержимое хотя бы одной помаркой.

Утром мама, готовя блины, спрашивала, чем мне запомнился выпускной. Мой рассказ про Капитана Крюка пробил ее на смех уже на описании барной стойки, и я также не сумел удержаться от рассказа про Полину, но не упоминал ее имени.

– А ты что думал? – горделиво выпрямилась она. – Ясное дело, что по тебе там вся школа сохнет.

– Да конечно, прямо прохожу мне не дают, ага, – саркастически утрировал я.

Мама смерила меня взглядом и фыркнула.

Она просто до ужаса умиляла меня, когда играла в недовольство. Всегда хотелось подлететь к ней, крепко обнять и трепать за щеки.

– Да они таких, как ты, в жизни своей не видели, – вновь добавила она с особой прытью.

Я был рад, что умел тонко понимать подобные вещи, а не всецело прислушиваться к ним и позволять им сформировать мое восприятие самого себя. Что еще мать может сказать своему сыну, кроме чего-то подобного? Я считал, что мужчине, выслушивающему такое от своей любимой матери, следует относиться к подобным словам со снисхождением и благодарностью, но никак не начинать поспешное витье короны, которую он тут же водрузит себе на макушку.

– А... – я макнул свернутый трубочкой кусочек блина в варенье и забросил в рот. – А... а еф-фё... а еф-фё это...

Под осуждающим взором мамы я прожевал и проглотил нежнейший блин с громким небным щелчком.

– Простите, вы воспитывали меня не говорить с набитым ртом, моя оплошность, – снова начал я, вздохнув. – Я хотел сказать: «А еще это потому, что я твой сын, и похож на тебя», да? Это ты хотела сказать? – нахально кривлялся я.

Глава 2

Сон в аэропорту

Наступил месяц Рамадан и мы все с огромной радостью встречали этот праздник длиною в двадцать девять или тридцать дней, – в зависимости от того, как себя поведет луна, – названная родным и близким, поздравляя их с наступлением благословенного месяца и приглашая друг друга в гости.

Пост в месяц Рамадан представляет собой отказ от еды и воды с рассвета и до захода солнца, и является обязательным для каждого мусульманина, за исключением тех, у кого есть религиозное оправдание. При свете солнца люди не могут ни пить, ни есть, а муж с женой не могут иметь близости, так как пост знаменует собой отказ от всех удовольствий искренне ради Бога. С самого детства я соблюдал несколько дней поста ежегодно, но целый месяц я стал держать лишь несколько лет назад, когда вошел в возраст *мукалляфа* – то есть половозрелого и религиозно обязанного человека.

Это всегда нечто особенное, нечто прекрасное и трепетное. Ты чувствуешь себя просто невыразимо чудесно, словно достиг в этой жизни всего, что тебе было необходимо. Я часто задумывался о том, как это дорого и ценно – быть частью такого радостного события. Как это укрепляет, сплачивает нас – вместе оставлять еду и питье, чтобы вечером отпустить пост, собраться за столом и кушать всем вместе. Я вообще всегда доводил себя до мурашек, думая о том, что мы – мусульмане всего мира – пять раз в день встаем в одном направлении, чтобы исполнить нашу обязанность в виде молитвы.

Когда держишь пост, то неминуемо начинаешь понимать бедняков и тех, кому попросту нечего есть и пить. Ощущаешь какой это бесценный дар, понимаешь, как необходимо быть непрерывно благодарным за то, что ты в любой момент можешь налить себе чай, приготовить себе поесть, утолить жажду или голод. Пост, лишаящий тебя этой возможности на примерно пятнадцать часов ежедневно, не только подталкивает тебя к переосмыслению благ и ценностей, но и осуществляет мощную разрядку, перезагрузку и обновление организма, и крайне благоприятно сказывается на здоровье. Это было и светскими доказано учеными, но их доказательства, честно говоря, не были необходимыми: не может быть ничего вредного в том, что велено Богом.

Со всей этой канителью с экзаменами я совсем забыл вернуть учебники в библиотеку, поэтому мне было необходимо заняться этим вопросом, хотя сначала я планировал игнорировать звонки и сообщения классной руководительницы, с каждым разом все более настойчивые и угрожающие. Это не оказывало должного и желаемого ею эффекта, а наоборот лишь смешило меня.

– Тебе будет охота сходить со мной в библиотеку? – спросил я у Эмиля.

– На знаю... посмотрим, – небрежно отвечал он по телефону.

Мне приходила в голову мысль позвать составить мне компанию и Полину, но это была плохая затея. После неуверенного ответа Эмиля я передумал навязывать и ему свои дела, но в итоге он сделал это сам, гонимый мужскими понятиями или нежеланием портить со мной отношения. Едва ли это могло оказать на меня какое-либо впечатление, ведь мне практически все были в равной степени безразличны в том плане, что ни с кем я не имел никаких дружеских привязанностей и не оценивал ничьи поступки в отношении меня.

– Ну, что, уже определился, в какой университет будешь поступать? – спросил он. Мы шли по тротуару вдоль забора, ограждающего территорию школы. – Тебе лучше будет в Первый

МГМУ, я почитал про него. Из нашей параллели много кто поступать туда будет. Поступай и ты, а потом поедешь отдыхать на все лето.

Я посмотрел на него и предосудительно вздохнул:

– Ближайшие лет пять я собираюсь *отдыхать* в Чечне.

Он замолчал, непонимающе посмотрев перед собой.

– А как же получить высшее образование?

Я устало поморщился.

– Я буду там поступать.

– Ого... погоди... а могло быть такое, что ты мне это рассказывал?

– Звучит вполне реально.

Я не просил его об этом, но он посчитал нужным высказать мне свое мнение относительно моего переезда, а затем стал представлять себя на моем месте.

– Ты хорошо подумал? – спросил он, когда мы вошли в школьную библиотеку и мой нос забился затхлым запахом великовозрастных книжных корешков и постаревшей деревянной мебели.

Библиотекаршей была маленькая круглая женщина в очках на веревочке, заведенной за шею. Пока мы не подошли к ней вплотную, она сидела, бегая глазами по книжечке, лежавшей на ее столе.

– Да, я все очень хорошо обдумал, Эмиль, – ответил я и обратился к библиотекарше. – Здравствуйте, я хотел вернуть учебники.

Пожилая женщина протерла руки от крошек печенья и весело мне улыбнулась.

– Поздновато ты, Саид!

– Да, простите, – смущенно кивнул я.

Эмиль не стал с ней здороваться, продолжая говорить со мной.

– Ты уверен? Ты ведь мало похож на остальных чеченцев.

– Ничего страшного, – продолжала библиотекарша наш с ней разговор, с любопытством покосившись на портфель в моих руках. – Не ты первый, не ты последний, кто забывает их вернуть. Ну, давай, показывай, какие книжки ты у себя удержал.

– Что ты хочешь этим сказать? – обратился я к Эмилю, начав разгружать свой рюкзак.

– Ничего особенного, но разве тебе там понравится?

– Мне там нравится. Я люблю это место. Ведь я не стал силой заставлять себя самого жить и учиться в месте, которое мне не по нраву.

Библиотекарша мило улыбнулась, получив от меня последнюю книжку, и мы попрощались.

– Я и такое допускаю. Ты довольно жертвенный.

Я множество раз успел поругать себя за то, что взялся звать его с собой.

– Что у тебя с Полиной? – спросил внезапно он, спускаясь по лестнице передо мной.

– Что? С кем? – вылупился я на него.

– Ты слышал меня. У вас явно... между вами явно что-то происходит.

– Просто очуметь...

– Что такое?

– Эмиль. Ты идиот, что ли? Прости за нескромный вопрос.

Он рассмеялся, думая, что я шучу.

– Не знаю, Саид. Мною движет лишь желание найти тебе подружку.

Мы вышли на улицу. Лето пронзительным теплом нагрело мне щеки и глаза, а по линии лба проступал пот и стекал по вискам. С деревьев, нависавших над тротуаром, на невидимых ниточках свисали крохотные зеленые личинки. Небеса над нами были без единого облачка, как ничем не обеспокоенная безупречная гладь воды, и пылко дышали вязким – как различные

зрением волны газа, – солнечным светом. На шоссе, вдоль которого мы шли в сторону метро, оглушающе шумели автомобили.

Я думал чем-то ответить Эмилю, но мне так не хотелось с ним разговаривать, хоть на эту тему мне есть так много всего сказать.

Во-первых, к отношениям я всегда был страшно скептичен, потому что они полны лжи. Лжи не только самой банальной, вроде обмана и неправды, хотя и эта ложь мерзка. Речь о той, что не высказывается, что скрыта и мельком проплывает под слоем тонкого льда, с которого протерли снежные градинки. Как, например, расставаясь, люди начинают нести полнейшую ахинею, говорят абсолютно странные вещи, напускают на свои образы марафет неубедительного безразличия и пытаются поддеть сильнее того человека, с которым недавно желали провести всю жизнь. Они говорят: «Я знал, что что-то не так» или: «Все к этому и шло». Так если ты знал это, что мешало тебе это предотвратить, обсудив открыто? Почему люди не хотят разговаривать друг с другом, поднимать темы, которые гложут их и могут привести к разрыву в будущем? Разве правильно сказать о девушке, к которой ты когда-то относился тепло, что она, например, некрасива, имеет раздражающие тебя привычки, скверный характер, необоснованные претензии, большой нос или смешные уши? Есть еще и вовсе, как говорят, смертельный номер: «Если честно, бывшая мне нравилась больше». Все это – мерзость невероятных масштабов, и недостойно того, чтобы тратить на это время и эмоции, потому что люди зачастую лживы, и в этом главная беда.

Такие размышления отворачивают от желания занять любовь, потому что тогда я тоже попаду в теоретическую категорию людей, способных на ложь. Лгать в узком и самом распространенном смысле слова я не стал бы никогда, и ничто бы меня к тому не сподвигло, но я совершенно точно превратился бы в скрывающего расстройство и врущего, что все хорошо, человека. Но ведь так быть не должно! Не нравится тебе что-то, недоволен ты чем-то – разбери! Не выплескивай, а выскажи чувства и эмоции. Но нет, такого не бывает, а если и бывало когда-то, то в нынешних реалиях едва ли может.

Современные любовные отношения – череда обмана, разрушительных секретов и подлости. У меня никогда их не было, и та позиция, что я держу – плод не личного опыта, а наблюдений, которых мне хватило для того, чтобы навсегда – окончательно и бесповоротно – отворотить себя от этого бессмысленного маскарада. Я наблюдал кучу расставаний, и каждое сопровождала подобного рода желчь и скверна. Самое мерзкое, когда люди, расставшись, начинают говорить, что их всегда что-то не устраивало, не понимая, что главная причина их расставания – накопленный и невысказанный негатив и обиды. Зачем же тогда все это нужно? Разве любовь между мужчиной и женщиной по своей сути не подразумевает, что ты должен утонуть в человеке, полностью ему доверяя и намереваясь верить ему себя до конца? Какие недосказанности тут вообще имеют право на существование? Где тут место ссорам, обидам, подлостям? Его нет, не должно быть. А если между людьми есть все то, чего между ними быть не должно, то терпеть такое совершенно не имеет никакого смысла. Попросту теряется суть и изначальный смысл воссоединения душ. Это пустота, как подойти дома к окну и просто начать по одному пускать красивые разноцветные гелиевые шарики в воздух.

Естественно, я связывал свою жизнь с привлечением в нее жены, но мне становилось не по себе от мысли, что мне попадет такая же подлая, гнилая, хитрая и заискивающая, как большинство остальных. Потому первое и единственное душевное качество, на которое я буду смотреть – богобоязненность. Если женщина искренне религиозна – она любящая, порядочная, честная, скромная, справедливая, покорная даже не из преданности к тебе, а из любви к Богу; к желанию достичь довольства Всевышнего, ведь для жены является обязанностью слушаться мужа. Такая женщина будет искренне и чисто тебя любить. И я прекрасно понимал, что я не могу ей не соответствовать; требовать от нее того, чего не буду давать сам. Великая проблема в том, что в современном мире мужчины ощущают едва ли не безграничную вседозволенность,

при этом смея требовать от своей женщины такого, на что попросту не имеют никакого права, и чего сами они не стбят.

Я не хотел ввязываться в это. Ввязываться в жизнь с человеком, который не понимает элементарных вещей, а искать кого-то у меня не было никакого желания. Все просто: если мусульмане будут религиозны и чисты, то это вечная любовь. Такое – навсегда, такое – непоколебимо. А религиозное невежество и ложь – это то, что я ненавижу больше всего на свете.

Во-вторых я и сам, пытаюсь понять, почему отношусь к этому именно так, осознал, что вдобавок ко всему прочему не хочу ощущать на себе расставания, хорошо представляя, как это может меня ранить. Когда тебе придется вспоминать время, в котором ты был очень сильно связан с человеком, и который, возможно, стал одной из важнейших составляющих твоей жизни. И вот в какой-то момент все разрушается.

Да, у меня есть благой пример моих родителей, пример моего дяди Висайта, который тоже души не чаял в своей умершей супруге, но в моем понимании это исключения, нежели правила современного мира. Мне не хочется испытывать расставания с той девушкой, с которой я был близок и планировал будущее, но в наше время – время, в которое мы откуда-то подсмотрели кем-то введенные в норму временные отношения «для опыта» – это будто бы неизбежно.

Конечно же, есть такие люди, которые назовут это все необходимыми жизненными уроками, но пока я – как они говорят – «максималист», я буду следовать своим мерилам. Я прекрасно осознаю, что являюсь обычным человеком с эмоциями и чувствами, на которого что-то может повлиять и заставить пересмотреть свои взгляды. Это и называется изменением, но изменения являют собой либо развитие, либо деградацию, и в моих силах двигаться к одному, отдаляясь от другого. Неясно лишь то, что я выберу.

Отношения не для меня. Я точно не хочу тратить свои усилия, эмоции, чувства и время, чтобы связывать это все с человеком, в котором я не уверен и уверен быть не могу, ведь я рискую отпечататься этим навсегда. Я всегда буду тем, у кого были отношения, у кого была влюбленность; тем, кто тратил свое время, быть может, обзавелся с девушкой какими-то известными лишь нам особенностями в виде фраз, жестов или мест, где мы проводили время. От одних только этих мыслей у меня холодок по коже.

Поэтому я и сам не хочу быть тем, кто общался с большим количеством девушек до брака, и жену себе не хочу такую, у которой тоже есть уйма всех этих воспоминаний, безвозвратно утраченных, но тем не менее когда-либо существовавших.

То, каким я желаю это видеть для себя – это два белых, кристально чистых полотна, поставив рядом которые они сольются так, что не увидишь границ между ними. И вот на получившемся крупном полотне вы вместе рисуете что-то, что называется любовью. А теперь представьте, что в отношения вливаются люди с уже исписанными полотнами. Что они будут пытаться делать? Искать грани этих листов, которые максимально похожи друг с другом, чтобы схлестнуться в попытке их совместить? Будут дописывать обрывки своих старых рисунков? Или будут черкать и менять полотна нового избранника? Может быть и такое, что человек изменился под влиянием своего прошлого опыта. И я (если согласиться с тем, что я славный парень), буду вынужден столкнуться с девушкой, которая не будет доверять мне и будет осторожничать со мной по причине того, что когда-то ее уже предали и причинили ей боль. И зачем мне это надо? Я ни от кого ничего не требую, я не берусь судить людей и как-то их осуждать: у меня есть стандарты, которым я соответствую сам, и потому я считаю справедливым быть более избирательным к человеку, с которым собираюсь планировать свою дальнейшую жизнь. Отношения ради отношений – не мое. Отношения потому, что от них испытываешь интерес и наслаждение – не мое. Отношения для самоутверждения и потому что у парня якобы обязательно должна быть девушка – не мое. Отношений я искренне боюсь, потому что не доверяю никому. Меня пугает как то, что после большой любви мы друг друга будем ненавидеть, так и

то, что будем относиться друг к другу так, как будто никогда и не любили друг друга, даже не заговорив, если когда-то и встретимся. А картина, где я прохожу со своей уже другой любовью мимо той, что любил раньше, а она проходит мимо меня со своей – убивает меня уже сейчас, хоть и я никого никогда не любил.

– Я не желаю это слышать, это бред. – Отрезал я.

– Почему бред? У каждого должен быть человек, который...

– О, только не вздумай сейчас задвигать мне высокоморальные темы. Прости, но от тебя это звучит и смотрится нелепо. А что касается подружки... что хорошего, объясни? Нервотрепка. Взять хоть то, что при малейшей проблеме люди бегут советоваться со всеми вокруг. А те и советуют, что-то там бормочут, не сознавая, что ненароком могут расшатать сук, который при урагане снесет кому-то голову. И нет тебе отношений.

– Каких сук?

Я взвыл от нетерпения вслух, и это вышло в унисон с рванувшим с места на светофоре гигантским джипом.

– Эмиль, а ты помнишь свои первые слова после того, как твоя... как ее звали?

– Динара?

– Да, она. Помнишь первое, что ты сказал, когда она стала инициатором того, что вы разбежались?

– Конечно же, нет. Откуда мне помнить такие подробности?

– А я помню прекрасно. И запомню надолго. Ты сказал: «Отлично, я и сам от нее устал».

Ну и на кой мне оно надо?

– Девушки бывают невыносимы.

– Девушки бывают невыносимы, – угрюмо повторил я. – И что ты хочешь сказать?

– Ты не понимаешь! – он тоже завелся, и меня это разозлило лишь сильнее. – Они надумают себе что-нибудь и начинают капать тебе на мозги! Постоянно уличают в чем-то!

– Это не игра в одну калитку. Не бывает одного виноватого. Это меня и бесит. Ваши взаимоотношения становятся чем-то повседневно-неприятным, хотя изначально все это задумано иначе. Мужчины и женщины нужны друг другу для успокоения души, для единения. Для мира, для покоя. Для любви, блин.

Мы спустились по лестнице в метро, наваливаясь на стеклянные двери, которые сквозняком отбрасывало на чудовищных скоростях туда-сюда, и казалось, будто они вот-вот слетят с петель и сравняют кого-нибудь с гранитными плитами в полу.

– Но кого можно любить в этом мире, если *никто* не может без интриг? Слышишь меня? – у меня никогда не будет девушки. Вот так и знай. Потому что нынче мягкосердечие втаптывается в грязь, а я иным, кроме как мягким, быть не умею, потому и берегусь. Если ввяжусь в отношения – в итоге и сам стану плести интриги, намекать, вынюхивать, говорить: «ну да, да, да, конечно, рассказывай мне», буду ворчать: «вот всегда ты так!», или: «снова я виноват?», или: «ничего не хочешь мне сказать?»

– Ты слишком...

– Вот только попробуй это сказать – и я тебе втащу, обещаю.

Он осекся, оскорбленно нахмурившись. Мне стало его жаль, потому что я увидел, что он меня боится. Он больше не говорил ничего вообще, будто бы думая, что я ударю его при любом сказанном слове. Но врезал бы я ему только за то, что он собирался сказать, что я слишком идеализирую мир, глядя на него через розовые очки. Так часто говорят. Говорят, что изменюсь, говорят, что живу в инкубаторе, говорят, что я еще не раз разочаруюсь в людях.

Я условился с самим собой ненавидеть каждого, кто так говорит, потому что я терпеть не мог, когда люди говорят то, чего не знают. А судить за меня, как и под каким углом я смотрю на мир – и есть говорить то, чего не знаешь. *Никто* из людей, *ни единая* живая человеческая душа не знает за меня моих мыслей. И никто не может судить по моим словам мое мировоззрение,

потому что мы заведомо разные люди, мы первоначально абсолютно чужие друг другу миры, и я уже давным-давно смирился с одиночеством и недопониманием, дав себе слово, что я не стану делиться с кем-либо своим внутренним мнением обо всем на свете, но бывали такие моменты, когда молчать я уже не мог. А потом об этом жалел.

– Я запрещаю тебе переезжать.

– Лады.

Мама нахмурилась.

– А, значит, это было вот так просто?

– Да, – пожал плечами я. – Это могло сработать и сейчас, не выдай ты себя своим вопросом.

Отец засмеялся, а Лорс с обидой и досадой посмотрел на маму, словно она его подвела.

– Ну серьезно, Саид. Как мы без тебя? – спросила она.

– Почему это без меня? – спросил я в ответ, нанизав на вилку несколько огурцов, помидоров и желтоватых от подсолнечного масла луковых колечек. – То, что я отъезжаю, не означает, что я вас оставляю.

Лорс было вздохнул с облегчением, но потом замер. Папа зажал в кулаках кусок стейка, пытаясь откусить, оттягивая его от стиснутых зубов. Прожевав, он заговорил, но его перебил Лорс, который, поняв, что прервал отца, тем не менее не остановился.

– А если ты не оставляешь, что это значит?

– Думаю, нам всем следует уже просто смириться, – глаза отца улыбались. – С твоим отъездом я снова стану самым умным человеком в семье.

Мама фыркнула, но доброго смешка не сдержала.

– Это пока Лорс еще в школу не пошел, – заметил я, подмигнув брату, который очень тревожно на меня моргнул.

– Я считаю, что хорошо, что ты уезжаешь именно туда.

– Правда? А то, что наш сын никогда там не жил, тебя не слишком переубеждает? – если бы у мамы не было на руках Люлюки, она бы недовольно уперла руки в бока.

– Он мог попроситься куда-нибудь еще, где он никогда не бывал. Он мог решить наплевать на нас с тобой и поехать играть в футбол в Германию... куда ты там хотел?.. в «Брис... брос...»

– «Боруссия». – Поправил я.

– Да. А тут? Быть студентом медицинского в Грозном. Что тут опасного?

Папа умел мыслить вот так. Он мог предполагать худший вариант, чтобы было легче свыкнуться с менее расстраивающей реальностью, но в пределах разумного. Я отчасти перенял эту черту, но устремился далеко вперед: при чужих проступках я иногда представлял смерть провинившегося, и злость как рукой снимало. Или же свою смерть: умереть человеком, который никого не простил.

– Там он будет в безопасности со своим дядей и братом.

Он украдкой посмотрел на маму, и я понял, что он прощупывает почву, ибо похоже они с мамой еще не решили наверняка, с кем я буду жить. Меня так напрягало, что они и вовсе что-то за меня решают, что я зажмурился, пытаюсь абстрагироваться от этих мыслей. «Мне могли и вовсе запретить лететь в Грозный», – сказал бы себе на моем месте отец.

– Не думала, что мы с тобой уже обсудили это, – хмуро сказала она папе.

– А со мной никто этого обсудить не хочет? – взвел брови я.

– В данном случае ты – виноватый, – с саркастической ухмылкой сказал отец, кивнув в сторону мамы.

Маме было как будто бы все равно, что мы там бормочем; она продолжала монолог.

– Хотя я и считаю, что с ними будет лучше... но моя сестра живет ближе к центру, но какой ему будет толк от Лианы..

Лиана – дочь маминой сестры и моя ровесница. Все детство мы провели рядом. Или я провел его рядом с ней, потому что я всегда был мало ей интересен, хоть и тянулся к ней чрезвычайно. Потом они с моей тетей переехали в Чечню и осели там.

– Я ни в ком ведь не ищу выгоды... – вставил я.

– Но лучше, естественно, находиться среди мужиков.

Мы с папой поперхнулись, потому что посредством его влияния мы все в нашей семье относили слово «мужик» к вульгарному, поэтому слышать его от мамы вот так открыто было очень странно. И крайне забавно.

– Да. С мужиками лучше. – Высказался Лорс и было видно, что ему смешно, но он сохранил грустный образ.

Отец в шутку стукнул по столу.

– Распоясались! – воскликнул он, дожевав. – Саид, надо бы тебе в дорогу разъяснить пару основных правил...

– Не говорить с незнакомцами? Не брать у них конфеток?

– ...первое... Нет, кстати, незнакомцы там – твои самые большие друзья.

– Да, да, я знаю, я просто пошу...

– Чеченцы такой народ. Если у тебя проблемы – они сделают все, чтобы помочь тебе от них избавиться. Если у тебя нет проблем – приложат все усилия, чтобы тебе их доставить. Это тонкая грань, обращенная в сторону крайностей, и к этому необходимо постараться приспособиться.

– То есть я тоже должен помогать и создавать проблемы? – я взвел брови.

– Нет. Ты должен относиться проще к тому, что тебя будут топить, и топить будут просто так.

– О как... и каким образом мне с этим бороться?

Лицо папы стало таким недоумевающим, будто я спросил нечто просто катастрофически элементарное, а он раздосадован тем, что его старший сын такой глупый.

– Никаким. Быть ниже травы.

– Ты шутишь?

Его лицо стало еще более недоумевающим.

– Нет.

– Я непременно и буду ниже травы, если дам себя потопить.

– Я знаю, – пожал плечами отец.

– Тогда о чем ты?

– Ты с этим ничего не поделаешь. Тебя потопят, и все. Просто это надо переждать.

– Пап, ты же понимаешь, что ты не с Лорсом сейчас говоришь?

– Ты для меня все равно что Лорс.

Мой младший братик заулыбался.

– И в Чечне ты никогда не жил. Москва точно на тебя повлияла, а там таких не сильно любят.

– Ну, – я пожал плечами. – Если какие-то поползновения в мою сторону будут – наткнутся на ответ.

– Позер. – Цокнул отец, глотнув чая.

Я был удивлен речью отца, но мне было не впервой не понимать, что он мне говорит.

Когда я заказал и оплатил билет, лишь тогда я почувствовал, что по-настоящему спокоен. Это была эйфория и грусть одновременно, но больше, конечно, это было облегчение. Все вокруг перестало меня раздражать просто потому, что я знал, что терпеть все это мне придется недолго.

Меня перестали бесить бесконечные автомобили вдоль шоссе, которые не затыкаются, все пролетая и пролетая мимо, раздражая слух. Меня перестали бесить пробки, которые застигали врасплох отца, которому тут еще жить. Меня перестали бесить толкучки в метро с утра и по вечерам, когда люди передвигаются как пингвины и заполняют вагоны не только своими телами, но и горячим, противным и очень густым дыханием. Меня больше не раздражало и не выводило из себя распущенное поведение моих туповатых земляков, потому что я переезжаю в место, где им это не позволено. Я больше не бесился, видя пьяных и шатающихся людей, поздними вечерами пристающих к тебе и пытающихся заговорить, обдавая тебя запахом перегара; у меня больше не попросят закурить; никто больше не будет уточнять откуда я, услышав мое имя; я больше не буду раздражаться тому, что шаурма не *халяль*; меня больше не беспокоило то, что ко мне в любой момент может прикоснуться какая-нибудь женщина, случайно или нарочно нарушив мое омовение.

Москва, и все, что тут происходит – больше не моя забота. Я чувствовал, что еду домой. Это как вернуться после глупого выпускного к маме, отцу, Лорсу, и немного к Люлюке. Это умиротворение.

Решив прогуляться, я нацепил кроссовки на босу ногу и выскочил на улицу, взяв с собой ветровку. На улице было душно, но мне нужно было занять чем-то свое тело или руки. По обыкновению я надевал рюкзак, даже если в нем не было никакой необходимости, либо брал с собой верхнюю одежду, даже если она была не нужна. Стараясь объяснить это самому себе (а я часто старался объяснять для себя мои те или иные неосознанные действия), я пришел к выводу, что это успокаивает мои нервы и разгружает мой беспокойный ум. Или наоборот – загружает, но загружает тем, что меня отвлекает.

Я прошагал по пешеходному переходу широкого шоссе, свернув к фонтану. Я любил тихие, слабо освещенные места, но из-за того, что я жил в центре города, моей отдушиной была лишь скамейка у фонтанов, за которыми – чуть поодаль – располагалась оживленная набережная Москвы-реки. Это мало удовлетворяло мою потребность в темноте.

Я немного посидел, наблюдая за волнообразным шелестом сочной зелени деревьев – походящим на рябь озера, в которое бросили крохотный камушек – и слушая назойливый шепот отдыхающих в парке, я встал, чтобы купить себе какую-нибудь булочку в моем любимом продуктовом магазинчике. Это был подвал, которым владел седовласый армянский мужчина в возрасте, который ходил всегда, обвязанный красным фартуком, и сам же работал там кассиром, подменяя рабочих. Магазинчик был круглосуточным, потому я нередко посещал его именно ночью, ибо очень любил гулять в это время.

– Здравствуйте!

Он стоял спиной к раздвижным дверям, засовывая в целлофановые пакеты кабачки и взвешивая их на весах.

– А, Саид! – обернулся он. – Как твои дела, мой дорогой?! – он говорил с классическим, легендарным армянским акцентом.

– Отлично, слава Богу. А ваши?

– Все здорово! – он нажал на кнопку, и из электронных весов выскользнул стикер с ценником, который он приклеил на пакет. – Как дела? Рассказал родителям про переезд?

– Да, давно еще, а теперь! – я гордо ухмыльнулся. – Я скоро лечу в Грозный.

– Ты серьезно?! – он вложил пакет с кабачками в корзину с овощами, и начал набирать в новый целлофан помидоры. – Как они отнеслись к твоему решению?

Я двинулся вдоль ряда с макаронами, рисом, гречкой и манной крупой, и подошел к отделу хлебобулочных изделий. Одним из самых тяжелых решений в моей жизни всегда был выбор булочки. Легче, кажется, просто взять все, но так не интересно.

– Были лишь разговоры о том, мол, я один не справлюсь. А сильно против они не были.

– Расскажи мне, – он сел за кассу, ожидая меня, – что для тебя значит этот переезд?

– Ничего нового не скажу, – я по очереди поднимал свои руки – точно чаши весов – выбирая между малиновой слойкой, которую я люблю лишь подогретой в микроволновке, и булочкой из песочного теста с черно-белой шоколадной глазурью. – Все то, что я говорил и раньше.

– Возраст, знаешь... – он виновато ткнул себя в лоб. – Я не то, чтобы понимаю тебя сейчас. А не понимаю, потому что не помню. Потому что я бы понимал тебя, если бы помнил!

Я выбрал песочную булочку в глазури, и по пути к кассе захватил баночку газировки.

– Ну конечно, – улыбнулся я. – Я напомним, только не намекайте на то, что вы будто бы старый.

– Ты очень добрый и милый парень, только и всего! А время все идет и идет, и не так важно, что мы думаем о себе или что думают о нас. Оно идет себе и идет, – вздыхал он.

– Пускай идет, – подмигнул я. – Нам остается просто жить, не придавая значения таким вещам. А память вас подводит только потому, что вы ее не тренируете.

– Вот как. Тогда разомни мою память – напомним, для чего ты переезжаешь? Если бы мне платил каждый, кто приходит сюда ночью за психотерапией, я бы наконец разрушил монополию этой «Азбуки вкуса», которую построили прямо надо мной.

Под мой смех он пробил газировку с булочкой, и на экране высветилась цена.

– Я... это так забавно, но мне хочется произнести фразу «зов крови»! – я улыбнулся, выложив перед ним купюру.

Он оставался серьезен.

– Да... – продолжал я. – На ваш вопрос я могу лишь подгонять выдуманные варианты. В сущности, это не имеет одной-единственной определенной цели. Посмотрим, как сложится. Может, пожив там, я и вернуться захочу. У меня в Грозном ничего нет, кроме родственников.

Я взглянул на полку с сухофруктами и орешками в пластиковых ведерках. Они были небольшими, но на стикерах было написано «1 кг». Удивившись, я взял самое дорогое крохотное ведерко – которое было с миндалем, – чтобы убедиться в том, что оно и впрямь тяжелее, чем выглядит.

– Не хочешь курагу? – спросил он, провожая мою ладонь, возвращавшую ведерко на место.

– Нет, спасибо, – улыбнулся я, вскрывая баночку газировки и протягивая ему. – Вы будете?

Он замахал руками.

– Конечно, нет! От этих газированных напитков толстеешь безразмерно!

– А вы их продаете, – иронично сказал я.

– Вот что я тебе скажу, – начал он, выставив вперед указательный палец и дружелюбно улыбаясь. – В твоём возрасте всегда хочется восполнить все пробелы, которые успели образоваться в твоей недолгой жизни, и поэтому ты так рвешься туда. Ведь ты никогда там не жил.

– Очуметь, – я выпил газировки. – Я об этом даже не думал.

Эдуард – так его звали – всегда разговаривал очень необычно. Порой он делал такое серьезное лицо, что, казалось, будто он вот-вот начнет предъявлять мне претензии. Если бы люди глядели на наши с ним разговоры со стороны, но не слышали, им бы всегда казалось, что он меня отчитывает.

– Очевидные вещи я понимаю, – гордо пожал плечами он.

– Несмотря на возраст? – пошутил я.

– Иди отсюда, – засмеялся он, махнув на меня рукой.

– До свидания. Когда-нибудь я вернусь.

– Пока, Саид.

Когда я подошел к раздвинувшимся передо мной дверям, он меня окликнул.

– А?

– Сделай одолжение, – сказал он серьезно. – Оставайся собой и ни под кого не подстраивайся. Просто есть большой риск, что ты изменишься там. Так сопротивляйся. Навязывай свои правила, а не подстраивайся под чужие. Уж это я тебе говорю с высоты своего возраста. Надави. То, чем будешь давить ты – это лучшее, чем можно давить. Я вижу это в тебе. И не теряй того самого ценного, что ты имеешь. Не теряй совести.

В ночь перед моим вылетом мы с семьей собрались в гостиной, чтобы поесть на *сухур* – прием пищи перед рассветом. Мама носилась из кухни и обратно, то забыв сначала чашки, то чайничек с заваркой, то пиалу с тростниковым сахаром. Папа недовольно на нее зыркнул, потому что хотел, чтобы мы поели все вместе спокойно.

– Фариза, садись уже. Дай насладиться нашей последней на несколько будущих лет обыкновенной домашней трапезой.

Лорс очень глубоко вздохнул, ковыряя вилкой жаренную куриную ножку в панировке.

– Все... – мама оглядела стол и села, убедившись, что все на месте, и всем всего хватает. Она остановила взгляд на мне. – А когда ты постригся?

– Вчера вечером. Ты только заметила?

– Я вчера рано уснула. Как надоели твои стрижки. Должен пойти красный снег, чтобы ты решил немного отпустить волосы? Знаешь, какие они у тебя красивые? Не жидкие, как у твоего отца, а густые, мощные! Какие были у моего.

– *Дал геч дойл цун*⁶, – с почтением кивнул мой отец.

– *Амин*. – Произнесли мы с мамой и Лорсом.

– У моего отца вообще волос нет, – пожал плечами я.

Родители засмеялись, а Лорс, глядя перед собой, упрямо противился смеху, но губы все же скривил.

– Ты вообще в курсе, что ты кудрявый? – спросила мама.

– Кудрявый? Я?

– Да. Если бы не стригся постоянно, то знал бы.

– Мам, разве я сильно стригусь? – я наклонил голову. – Вообще-то мои стрижки не особо короткие, просто не даю волосам волю.

Я действительно не понимал ее негодования, потому что волос у меня было не много и не мало – золотая середина. Не так много, чтобы они свисали, и не так мало, чтобы их нельзя было уложить набок, как я любил.

– Делай, что хочешь, – выставила руку она. – Но в детстве у тебя были шикарные блондинистые кудри. Лорсик, мамин теленок, подашь мне помидоры?

– Мамин теленок, почему ты все еще такой грустный? – я нежно пихнул его в плечо.

Он лишь обидчиво фыркнул и передал маме тарелку с овощами, ничего не сказав.

– У него завтра есть *марх*⁷? – спросил я папу.

– Да, это же мужчина. – Ответил он, подмигнув. – Настоящий мусульманин.

Лорс был не обязан держать пост, так как не являлся половозрелым, но в обязанности попечителя – в данном случае это родители – входило приобщать подопечного – ребенка – к посту, если это не вызывает у него трудностей. Лорс с огромным удовольствием брался соблюдать религиозные поклонения, с радостью ежедневно молился пять раз в день, хотя также был не обязан.

Когда мы доели, мы все вместе помолились и разошлись спать. Вещи я собрал еще за два дня, поэтому вполне мог позволить себе хорошенько с чистой совестью отдохнуть и выспаться.

⁶ *Дал геч дойл цун* – Пусть Бог Простит его грехи (чеч.)

⁷ *марх* – соблюдение поста (чеч.)

Меня разбудил отец.

– Который час? – прохрипел я.

Он взглянул на часы.

– Семь ноль два. Твой рейс в десять сорок пять. Собирайся, у тебя как раз есть час.

– Я полностью готов, мне только почистить зубы и надеть штаны, – я отвернулся от него, накрыв голову одеялом. – Разбуди через час, пожалуйста.

– Через пятьдесят минут.

Отцу всегда требовалось много времени, чтобы собраться. Он ходил в строгой одежде, в костюме – брюках и рубашке – но пиджак надевал нечасто. С утра папа гладил свою одежду, даже если накануне этим занималась мама. Когда я спрашивал ее, зачем он этим занимается, она отвечала, что таким образом он настраивает себя на нужный лад к рабочему дню. Гладить хорошо он не умеет, но хуже не делает, поэтому мама всегда бережно ухаживала за его одеждой.

Затем он вооружался пузырьками с *мисками* – масляными духами без содержания спирта, и обтирал ими шею, запястья, щиколотки, и остатками масла на руках проводил по бритой голове. Иногда с утра он брал лезвие и доводил свою голову до блеска, а затем брал бритвенную машинку, настраивал насадку и проходил по щекам, подбородку и шее.

Мое же утро состояло в том, чтобы нацепить домашние спортивные штаны, надеть тапки, зайти в ванную, сполоснуть полный бардак на голове водой, почистить зубы и одеться. Завтракать в пост нельзя, но я обычно и вовсе не завтракаю, потому что с утра у меня не бывает аппетита. Не знаю, с чем это связано, но, если я и ем с утра – то всегда нехотя.

Когда я омыл волосы водой и высушил их, я вышел из ванной и увидел полностью готового к выходу Лорса. У него были синяки под глазами и бледные губы. Он глядел в одну точку и продолжительно зевал.

– Зря ты не спишь, Лорс.

– Саид, не думаю, что тебе можно меня ругать.

– О как.

В прихожую вошел отец, и он был такой благоухающий и свежий, что его хотелось обнять.

– Ну, что? Выходим?

– Мама спит? – спросил я.

– Естественно, она не поедет, – нахмурился папа. – Кто будет за Люлюкой смотреть?

– Да я и не говорю, чтобы она ехала с нами... попрощаться хоть можно?... она спит?

– Да, спит.

– Ладно. Тогда созвонюсь с ней уже из Грозного.

Я вошел в свою комнату, чтобы закинуть в рюкзак телефон и зарядное устройство. Я взялся за выдвижную ручку своего чемодана и потянул на себя, нажав на кнопку.

– Я сейчас, взгляну только на них... – сказал я, выкатив чемодан в коридор.

Зайдя в спальню родителей, где освещенная сквозь тонкие занавески небесной голубишной, под простыней спала мама, я сначала с грустью поглядел на нее, а потом нырнул головой в кровать Люлюки. Я поцеловал ее теплую розовую щечку, и мне очень сильно захотелось ее мягенько укусить.

– Мам, я тебя люблю, – шепотом сказал я, и, посмотрев на сестренку через деревянную клетку ее белой кровати, добавил: – И тебя, Витас.

Отец, вошедший, чтобы поторопить меня к выходу, был вынужден тут же выскочить обратно, потому что захрипел в сдерживаемом смехе.

Мама и сестренка не шелохнулись, но я машинально им помахал. Мне сделалось грустно.

– *Алелай*⁸, какой же ты гад, – мой отец утирал слезы смеха, когда я взял чемодан и переступил порог.

Я печально улыбнулся, и мы вышли к машине, загрузив мой чемодан в багажник. Мы были безмолвны. По лицу Лорса было видно, что он тоскует. Или даже горюет. Мне стало совестно, ведь я никак не ожидал, что ему будет настолько тяжело смириться с моим переездом.

Когда мы выехали, на часах было восемь часов утра. Было прохладно и серо, ибо синева напускала на себя угрюмые тона. Ветра не было, не было шума, и редко пролетавшие мимо автомобили ранили мои уши много сильнее – потому что эти звуки были наглым вторжением в спокойную тишину и идиллию, написанную птичками, возвещавшими утро из-под зеленых и ребристых, точно кольчуга, покрывал деревьев.

В пути мы не разговаривали, и я, сжавшись, содрогался от утренних приступов озноба.

– Я посплю, – сообщил я, настроив спинку кресла.

Уснул я настолько быстро, что, вероятно, спокойно уснул бы и сидя.

– Приехали.

Отец отстегнул свой ремень и вышел из машины к багажнику. Я, зевнув, выровнял сидение и обернулся к Лорсу, который пристально на меня смотрел:

– Лорс, ты уже не такой маленький. Не стоит принимать все так близко к сердцу, это ведь не последняя наша встреча.

– Я ребенок, Саид, – сказал он и вышел.

Папа держал мой чемодан за ручку на торце, не опустив его на колесики.

– Дай мне... – потянулся к нему я, но он отстранил мою руку.

– Нет, оставь.

Мы вошли в аэропорт Внуково и поставили на ленту мой рюкзак и чемодан. Проходя через раму металлодетектора, я оставил телефон и ключи от квартиры на столике.

– Пап, кстати, заберешь ключи? – спросил я, когда мы поднимались по эскалатору к стойкам регистрации.

– Нет, оставь у себя, пусть будут.

В очередь на регистрацию я стоял среди бородатых мужчин в кожаных куртках (и это летом), и женщин в платках с детьми на руках, пока папа и Лорс ждали за лентой ограждения. Тут были и одетые в спортивные костюмы парни с большими сумками, и девушки, крепко держащие под руку матерей. Я глядел на них всех с каким-то очень сентиментальным чувством приверженности, трепета и любви. Один из пассажиров задержался у стойки и начались какие-то разборательства с багажом, которые затянулись. Я положил чемодан и присел на него, подперев щеки руками. Я едва не заснул. Когда подошла моя очередь, у меня спросили паспорт и попросили сдать багаж на ленту, а затем взвесили мой рюкзак и нацепили на него бирку ручной клади.

Получив свой билет, я вернулся к отцу и брату, и мы поднялись на этаж выше, чтобы посидеть там прежде, чем я пройду досмотр. Лорс рассеянно озирался вокруг, и его нижняя губа подобралась под верхнюю. Людей было много, кто-то сидел в кафе, кто-то присел на сидениях в зале, а кто-то на этих сидениях лежал, заснув на своих сумках. Мы опустились рядом с одним таким спящим человеком. Я очень его понимал.

– Из-за вас двоих я чувствую себя мерзавцем. – Заключил я.

– Не носи чепухи, – поморщился отец. – Мы молчим не потому, что имеем что-то против твоего переезда, а потому что это утро, и я бы с радостью поспал еще.

– Я имею что-то против, – тихонько поправил Лорс.

– Ты всегда так и просыпаешься, – сказал я. – На работу.

⁸ *Алелай* – широко используемое непереводимое междометие на чеченском языке.

– Да, но сегодня выходной.

– Точно... прости.

– Чего не сделаешь ради сына.

– Саид... – продолжал шептать Лорс. – Я тебя не простил, вообще-то...

– А я знаю, Лорс. Но извиняться я не буду. Мне не за что извиняться. Ты уже большой и должен понимать, что это неправильно, что ты на меня обижаешься.

Он надулся еще сильнее. Я всегда был ласков с ним и никогда ласковым быть не перестану, но мне хотелось и воспитывать его, чтобы он не вредничал понапрасну.

– Твой брат прав. Но я, в общем-то, тоже на него обижаюсь, – подбодрил его отец.

– Пап, ты испортил мою воспитательную речь!

– Ничего я не порчу. И вообще, Саид, нам надо поговорить.

– Давай говорить, – пожал плечами я.

– Я уже сказал все то, что хотел сказать, но мне необходимо обратить твое внимание на кое-какие вещи. Первое: молчи. Не разговаривай много, не веди пустых разговоров, не рассказывай о себе лишнего. Второе: будь тихим и мирным. Не выделяйся, не шуми, просто учись себе, заведи друзей, гуляйте иногда, но будьте тише воды. Третье: не ввязывайся в передраги, оставайся в стороне от всяких происшествий, интриг и прочей ерунды.

– Лады.

– Что за «лады»? – он нахмурил брови, и одна из них частично осталась на месте. – Не ввязываться в передраги тебе не удастся, но ты должен пройти сквозь них с наименьшим шумом.

– Честное слово, я не понимаю, что это значит, и я уже устал от этих загадок.

– Сам поймешь. С возрастом вы все всё начнете понимать.

Картинно взвев руки, я решил не спрашивать его.

– Во сколько заканчивается посадка? – спросил он.

Я взглянул на билет.

– Через час. Пап, давайте я уже пройду досмотр? А вы езжайте домой.

После недолгого спора я все-таки сумел его уговорить отпустить меня, и больше всего по этому поводу сокрушался Лорс. Когда они проводили меня до пункта досмотра, мой младший брат попытался начать со мной говорить. Отец пресек:

– Все, мы уже не будем его задерживать, тебе нужно было общаться с ним раньше.

Я растаял, словно промерзший до прочности кирпича брикет сливочного мороженого, на который положили раскаленный металлический шар, когда увидел слезу, покотившуюся по его щеке. Я опустил перед ним.

– Лорс... пап, – мне вдруг стало неловко, – отвернешься?

Отец дал мне подзатыльник, весело усмехнувшись, и отошел в сторону.

– Лорс.

– Что, Саид? Ты ведь поговоришь со мной, правда? Я не опоздал, хоть и опоздал?

– Нет, ты не опоздал. Лорс. Послушаешь меня внимательно?

– Да, я очень внимательно тебя слушаю.

– Ты ребенок, это правда. Ты прав. Но ты ребенок-мужчина. Ты должен быть сильнее. Нет, то, что ты плачешь из-за того, что я уезжаю – это не значит, что ты слабый. То, что мужчины якобы не плачут, придумал кто-то очень тупой. Наш Пророк, мир Ему, был и остается лучшим человеком за всю историю существования каких-либо созданий, и является самым настоящим мужчиной из всех мужчин. Говорят, он почти ежедневно плакал, молясь за нашу *умму*⁹. Это значит, что плакать мужчина может. Но он не должен плакать по пустякам, хотя если мужчина и плачет по пустякам, то это не значит, что он не мужчина. То есть, плакать

⁹ *умма* – исламская община, включающая абсолютно всех мусульман (араб.)

нужно лишь по делу, а не там, где это неуместно. Но я не хочу сказать, что если мужчина может позволить себе поплакать без повода, то... Лорс, я запутался.

– А я нет.

– Отлично. Тогда слушай. Тебе уж точно не нужно плакать, потому что я не бросаю тебя навсегда. Я всего лишь еду туда учиться. Я проведу там пять лет. Но ведь все эти пять лет мы будем видеться *регулярно*. Разве мы не часто ездим в Грозный?

– Часто.

– Видишь. Вы прилетите уже на твоих зимних каникулах, или я прилечу на своих...

Он усмехнулся.

– Что такое? – вопросительно улыбнулся я.

– Звучит так, будто «зимние каникулы» – это какой-то транспорт, – захихикал ребенок, прикрыв рот рукой.

– Ты поэтому меня перебил?

– Прости.

– Ничего, я шучу. Да, действительно, так и прозвучало. Забавно.

– Саид... а чем еще ты сможешь меня утешить? – он глубоко вздохнул. – А то... а то пока не сильно получилось.

– Я оставил самое интересное на потом. Но сначала ты должен поставить руку мне на щеку.

– Ой, нет! Нет! – запротестовал он.

Мы любили так шутить; это было своего рода каламбуром над трогательными моментами в драматичных фильмах, когда в какой-то грустной сцене прощания, или наоборот – долгожданной встречи, один обязательно закрывает половину лица другого своей ладонью, а второй совершенно точно берет за запястье, показывая свою ответную любовь.

– Иначе никак.

– Ладно... – протянул он. – А «прощай» или «здравствуй»?

Я задумался.

– Я же взаправду улетаю. Пусть будет «здравствуй».

– Здравствуй, старый друг. – Он поместил свою малюсенькую руку мне на щеку, и невольно – как он всегда это неосознанно делал – тербил мне волосы на висках указательным пальцем.

– Здравствуй, мой верный соратник. – Я крепко стиснул его запястье, а потом рывком приволок брата к себе, прошептав ему на ухо. – Представляешь, как круто мы с тобой выглядели со стороны?

Он засмеялся и крепко обнял меня за шею. Лорс был очень маленьким мальчиком, совсем миниатюрным.

– Вот что я хотел тебе сказать: зайдешь в мою комнату, как придешь домой, откроешь верхний ящик комода, и под папкой «Животные со всего мира» найдешь мой старый телефон. Он в шикарном состоянии, хорошо работает, даже не зависает. Зарядку для него попросишь у мамы. Там стоит сим-карта с моим старым номером, так что он полностью готов. Когда прилечу, я положу тебе денег на счет. Теперь это твой телефон. Мы с тобой всегда будем на связи. Будем переписываться, созваниваться, присылать друг другу смешные аудиозаписи. Идет?

– Идет, – завороченно повторил Лорс.

– Запомни: мы будем скучать не друг по другу, а по объятиям, рукопожатиям, борьбе, игре в футбол, по твоим прогулкам у меня на плечах – но не друг по другу. Потому что мы будем всего в одном сообщении, в одном звонке друг от друга. Понял?..

– Да! – воскликнул он.

– А-ага-а. Ты такой довольный, что у тебя появился телефон, да? Ясно все с тобой.

– Нет! – не расстроившись, продолжал восклицать он.

– Ну все, все. Достали вы меня, – вернулся отец. – Лорс тебе зубы заговорит, ты так и не улетишь.

Он выставил руку, и я неловко обнял его сбоку – как принято обниматься у чеченцев, – просунув свою руку под его. Потом я обнял Лорса и подмигнул ему, а затем прошел к пункту досмотра, сначала показав свой билет и паспорт девушке у турникета.

Я обернулся – они все еще стояли и глядели на меня. Я махнул им – они махнули в ответ как-то слишком одинаково. Затем я прошел досмотр и присел в зале ожидания поближе к нужному выходу, где меня уже окружали чеченцы.

Я ощутил себя очень странно: я будто чувствовал безопасность, и в то же время странную, но не надменную гордость, мол, глядите сюда, все эти люди – моя семья, и мы вместе летим домой. От поясницы к затылку меня пронизало чувство эйфории, и мне хотелось запрыгать на месте от полного морального удовлетворения, но все, что я сделал – это уснул.

– *Ас-салям* 'алейкум.

Я медленно разомкнул глаза. Руки были скрещены, ноги выставлены далеко вперед, и сам я сполз по сидению. Вокруг меня не было никого, кто окружал меня до того, как я заснул. Я дернулся.

– Тихо, тихо, брат. Все хорошо. Ты не опоздал на рейс, – говорил по-чеченски жутко низкий, но очень красивый голос.

– *Уа 'алейкум ас-салям*, – запоздало ответил я. – А где... где все? Сколько время?

– Десять двадцать два...

Рейс задержали, подумал я.

– Рейс задержали, – озвучил он. – Но посадка заканчивается. Советую поторопиться.

– Да... – я подобрал рюкзак. – Давно все прошли?

– Нет. Я стоял последний в очереди и ждал, пока ты проснешься. Все нормально, не переживай.

– Молодые люди! – торопила женщина за стойкой.

– Да, мы идем! – улыбнулся парень.

Ноги мои были ватными, шаги отдавали не в ступни, а в колени, голос мой хрипел, а зубы чуть давило – я словно проспал всю ночь и чувства были те же.

– *Дел рез хийл*¹⁰... не знаю, что бы было, если бы я проспал...

– *Вайн массарна хийл*¹¹. Ничего серьезного. Не я, так кто-нибудь другой бы тебя разбудил.

Парень выглядел необычно для чеченца. Он был очень светлым блондином, и волосы переливались солнечной желтизной, моментами иллюзорно отдавая белоснежностью платины. Это был такой цвет, какой мы видим, если пытаемся посмотреть прямо на солнце. Глаза его были небесно-голубыми, а нос – не большой и не маленький – очень ровным, прямым. Расслабленные губы и нахмуренные брови придавали ему противоречиво уверенный и смущенный вид одновременно. Взгляд был очень резким, хлестким, словно все вокруг требовало как можно более грубой оценки, а явно очерченные скулы придавали ему чрезмерную суровость. Но душевность и смущение, присущие искренним людям, также лились из него через край, выражаясь в гусиных лапках в уголках глаз и приподнимающихся в переносице бровях. Голос, несмотря на всю свою брутальную низость, звучал бархатно и мягко, не неся собой никакой угрозы. Несмотря на всю светлость его головы и глаз, казалось, не разглядеть в нем чеченца не сумел бы абсолютно ни один человек на земле. Будто даже те люди, которые ничего не слышали о нашем народе, увидев его, сказали бы, что он точно принадлежит какой-то определен-

¹⁰ *Дел рез хийл* – выражение благодарности, дословно «Пусть Бог будет тобой Доволен» (чеч.)

¹¹ *Вайн массарна хийл* – «Всеми нами» (чеч.)

ной национальности, о которой они не знают, и не отнесли бы его ни к одной из тех, что им известны.

Порвав билеты по пунктирам, женщина пропустила нас к туннелю, ведущему в самолет. Мы чуть оторвались друг от друга, идя поодаль, и это было крайне неловко. Я даже делал вид, что копаюсь в рюкзаке, активно загребая в нем вещи туда-сюда. Он прошел вперед, поздоровавшись с мило улыбнувшейся ему стюардессой, а секундами позже с ней поздоровался и я.

Войдя в салон самолета, меня встретили растерянно глядящие вокруг мужчины, ищущие места в багажных отсеках над головами; женщины, пытающиеся утихомирить заливающихся малышей; девушки, прильнувшие к материнским плечам, и шутящие меж собой бородатые парни. Взглянув в сотый раз на свой билет, я двинулся к своему месту, продираясь между пассажирами, пытающимися втиснуть свою ручную кладь и закрыть крышку отсека.

Старичок передо мной дождался, пока встанет дама с соседнего места, чтобы пропустить его к иллюминатору. Когда он освободил проход, я увидел парня, разбудившего меня в зале ожидания. Он сидел по соседству с местом, указанным в моем билете. Еще раз взглянув на свой посадочный талон, я дружелюбно улыбнулся ему и махнул рукой, на что он сначала не отреагировал – вероятно не поняв, что я обращаюсь к нему, – а затем улыбнулся в ответ. Мое место было у иллюминатора, и он встал, чтобы меня пропустить, но я жестом показал ему, что он может пересесть на мое.

– Да нет, нет, мне не принципиально, – смущенно сказал он.

– Да и мне, – пожал плечами я.

Он все же встал, пригласив меня занять свое место.

– Лады... – прохрипел я, неуклюже усаживаясь. Он сел рядом.

– Вот так совпадение, – сказал он, протянув мне руку. – Арби.

– Саид, – представился я, крепко ее пожав.

Стюардессы попросили нас пристегнуть ремни, подойдя к каждому сидению, чтобы контролировать лично, а затем встали в начале и в середине салона, начав забавный танец жестов, следовавший за указаниями прерывистого, бормочущего под нос женского голоса, заполонившего самолет.

– Мурашки по коже от мысли, что я мог проспать вылет, – признался я скорее для того, чтобы заткнуть нависшее неловкое молчание.

– Ничего, не волнуйся. Я следил за тобой все то время, что ты спал. Тоже переживал, что ты не проснешься.

– Спасибо, что разбудил.

– О чем речь.

Мы тронулись, самолет разворачивался и вышел на взлетную полосу, а затем, потрясаясь на месте, рванул вперед. Арби робко и почти незаметно выставил перед собой ладони, начав молиться. Я последовал его примеру и стал читать все те *сурь* из *Кур`ана*, которые знал наизусть, и которые умел произносить правильно. Когда мы взлетели, я немного успокоился.

– Ты летишь отдыхать? – спросил он.

– Нет. Жить и учиться. А ты?

– Я тоже, – вздохнул он, откинув голову. – Так счастлив, если бы ты знал. Всегда хотел жить только там, только туда и стремился, но не было такого, что я всерьез размышлял о том, что так и получится. А получилось спонтанно, если честно.

Было ощущение, будто бы я записал свои мысли на бумаге и передал ему, чтобы он зачитал их вслух.

– Поразительно, ведь и у меня все точно так же и вышло.

Он улыбнулся на мои слова, но продолжал говорить о себе.

– Я очень часто летал в Грозный, буквально постоянно. Где бы ни находился вне Чечни – накрывает жуткая тоска.

– Тоски по Грозному я не чувствовал, для меня это скорее новый вызов.
– Звучишь как какой-нибудь футболист, который перешел в другую команду, – смущенно улыбнулся он.

– А я хотел стать футболистом, кстати.

– Серьезно? А что в итоге?

– В итоге меня убедили, что я обязательно получу травму и останусь на улице, потому что буду без образования.

– Оптимистично, – повел бровью он.

– Да, достаточно.

– А где ты родился?

– В Москве. А ты?

– В Грозном, но семья сразу переехала в Ростов. – Он посмотрел на меня. – Война... сам знаешь. Потом на некоторое время мы переехали в Чечню, но затем снова вернулись обратно. У родителей в Ростове появилось что-то вроде стабильности. Там я и отучился в школе до конца. А теперь, – он пожал плечами, – обстоятельства привели меня в этот самолет.

– Какие обстоятельства?

Он сумел сделать вид, что делает это ненамеренно, но от ответа Арби уклонился:

– Ты едешь поступать в университет, или еще не окончил школу?

– Конечно же окончил, – ответил я. – С чего бы мне переезжать туда в школу?

– Мало ли, – Арби усмехнулся и подмигнул. – Ведь на Кавказе легче сдавать экзамены.

Разговорчивость была ему не к лицу, и я задним числом совершенно точно понял, что на самом деле он молчалив. Черты его лица были строгими, а его движения были монотонными, без страсти. Но сейчас он волновался испытываемой радостью: его своеобразное ликование выдавала едва заметная дрожь и легкий, заразительный мандраж, а также неконтролируемая и неподвластная его воле дрожащая улыбка. Он усмехался и улыбался, счастливый и воодушевленный.

– Нет, я и так знал, что не поступлю на бюджет, так что даже и не думал о том, чтобы облегчить себе экзамены.

– Почему? Куда ты поступаешь?

– В Медицинский Институт ЧГУ. На факультет стоматологии – он только сейчас открылся, раньше его не было. Мест всего пятьдесят – и ни одного бюджетного, так что на экзаменах я был расслаблен. Не стояло вопроса о том, чтобы набрать как можно больше баллов, надо было лишь пройти порог, а это было нетрудно.

Мгновения он всматривался своими голубыми глазами прямо в мое лицо, подозрительно нахмутив брови и заставив их столкнуться в морщинке на переносице, а потом аккуратно, как сапер на первом задании, спросил:

– Ты сейчас серьезно?

– Да... – в меня хлынуло моментальное понимание ситуации, потому что такая его реакция могла быть обусловлена лишь одним-единственным фактом. – А что?.. – на всякий случай спросил я, чтобы просто удостовериться в том, что я уже знал. Теперь и я выглядел как сапер-новичок.

– Странная история тянется с твоего сна в аэропорту, – он указал большим пальцем назад, будто мы только-только вышли из здания аэропорта, а не летим в небе на расстоянии в десять тысяч метров от него. – Столько совпадений за *слишком* короткий промежуток времени!

– Да уж, – улыбнулся я. – Ну, что же...

– Я тоже поступаю на стоматологию в ЧГУ! – перебив меня, уже без нужды подтвердил он.

– Твое лицо слишком красноречиво, чтобы я не понял этого сразу, – я неловко похлопал его по плечу.

Возле нас остановились две стюардессы спереди и сзади от тележки с напитками, которую они тащили по салону, предлагая всем попить. Мы отказались, а потом Арби спросил, держу ли я пост, на что я утвердительно кивнул. Судя по тому, что стюардессы останавливались и долго возились практически возле каждого ряда, постящихся тут было немного.

– Огорчает, – уныло прокомментировал он.

– Есть такое, – согласился я. – Это, честно говоря, моя головная боль. Не знаю почему, но я принимаю такие вещи близко к сердцу.

– То, что люди не постятся?

– Да, ведь это прямая обязанность. То же с молитвами, то же с другими их грехами. Я не обсуждаю таких людей, но осуждаю.

Арби внимательно на меня посмотрел, переводя взгляд с одного моего глаза на другой.

– Слава Богу, что ты это понимаешь.

– Слава Богу, – пожал плечами я.

Мы поговорили еще немного о наших самых ярких воспоминаниях в Чечне. Я рассказал ему о своей драке в Аргуне. Я тогда находился в гостях у своих дальних родственников и ночевал у них около недели. Вечером мы с моим двоюродным братом-ровесником вышли во двор, с трех сторон окруженный жилыми домами. Я был чересчур ухоженным и чистым, чтобы местная ребятня до меня не докопалась. В какой-то момент меня окружили ребята на велосипедах, спрашивая, откуда я взялся. Этот их вопрос был скорее риторическим, потому что каждый чеченец – от мала до велика – имеет интересную способность идентифицировать всякого чеченца, пришедшего в родные края из других мест.

– Собирайся и вали в свою Москву, понял? – наезжал на меня рыжий лопухий парень, весь в веснушках.

– Нет. – Невозмутимо отвечал я.

Вспоминая, какое лицо у него было, когда он это услышал, я постоянно смеюсь. Его вид выражал пустое удивление и полное недоумение по поводу того, что же ему говорить дальше. Но ему не пришлось ничего говорить, потому что в тот же момент из-за его спины выскочил совсем миниатюрный шкет с челкой на глазах, врезав мне по рту кулаком. Все это время стоявший рядом со мной родственник очень пугливо и робко делал вид, что не замечает происходящего, и крайне пассивно вмешался лишь после того, как они все набросились на меня.

– Да уж, – смеялся Арби. – Мне смешнее даже не от истории, а от того, что это твое самое яркое впечатление о Чечне.

Теперь смеялся и я.

– А какое тогда у тебя?

– О, это наше купание с братьями в ледяном, просто *ледянощем* пресноводном роднике в Шатое. Мы купались в нем и пили с него, это как окунуться в чан с холодной минеральной водой. Там очень чистые родники, прозрачные, как стекло. Но я почему-то особо сильно запомнил, как меня удивило одно: там был такой окруженный валунами небольшой, но глубокий как бы бассейн. Родник падал в него, заполняя доверху. Мы в него опускались, купались, ныряли, всякие трюки выделывали. Уставая – прислонялись к камням, знаешь, как в настоящем бассейне. Я не знаю, как эти камни так там сложились и сомкнулись в круг, но это так сильно меня впечатлило, что это – мое самое яркое воспоминание о Чечне.

Я не верил своим ушам, и теперь уже была моя очередь пристально в него всматриваться.

– Ты с Шатоя?

– Да. А ты откуда?

– Я тоже.

– Как? Ты же говорил про Аргун.

– Так я был в гостях у дальних родственников.

– Точно... как твоя фамилия?

– Берсанов. А твоя?

– Магомадов.

То, что мы говорим, что мы с Шатоя, не значит, что мы там родились. Когда человек говорит о своей принадлежности к какому-либо району или селу в Чечне, это чаще всего означает, что оттуда держит корни его род.

– Все как-то поразительно складывается, не находишь? – спросил я.

– А вдруг это продолжается твой сон в аэропорту? – пошутил Арби.

– Я заметил, что в жизни больше сюрпризов, чем во сне. Да и что-то захватывающее, что происходит во снах, всегда обесценивается чем-то менее удивительным, но происходящим в реальности.

Далее наш разговор плавно завершился, и мы молчали, но при этом я ощущал какое-то странное отсутствие дискомфорта. Меня не смущало наше молчание, оно перестало быть неловким. Казалось, что это просто невозможно в условиях первого и поверхностного знакомства, но тем не менее это было так. Арби чуть опустил спинку кресла назад и закрыл глаза, а я глядел в маленький иллюминатор, транслировавший мне облака, оранжевые от лучистого, расплывшегося в бесформенные вспышки, устремленные в разные стороны, палящего солнца. Лучи вели себя по-разному. Они могли прошивать облака насквозь, расстилая свои расширяющиеся плоскости, а могли расплываться, легко и бережно просвечиваясь через плотную завесу ваты.

Облака были невероятны. Они походили на застланную чудовищно колоссальным количеством пуха мощеную дорогу, не имеющей видимой границы. Самая что ни на есть небесная дорога. А если бы где-то они прервались, обличив синеву неба, то это была бы мощеная мостовая без перил над кристально чистой водой. Переведя дух, я тоже откинул сидение, вернув себя в объятия сна.

Меня снова разбудил Арби. Я опять, как ошпаренный, стал оглядываться вокруг.

– Что бы ты без меня делал? – сдержанно пошутил он, улыбнувшись.

– Долетели? – я раскрыл глаза с гримасой на губах, и точно смотрелся нелепо.

– Нет, пока нет. Надо пристегнуться, мы будем снижаться. Нужно помолиться.

– Да... да.

Я суетливо завозился по обе стороны своего сидения в поисках ремней, и сомкнул их прежде, чем меня успела попросить об этом подоспевшая стюардесса.

Самолет стал снижаться и, приблизившись вплотную к земле, тряхнулся от соприкосновения шасси с асфальтом и стремительно сбавлял скорость.

– Мы дома, – тихо сказал Арби.

Я кивнул, безмолвный от мурашек, проступивших по всему моему телу.

Мы дома. *Я дома.* Эта атмосфера, этот неповторимый мир обособленных, собственных устоев, таких чуждых всем остальным. Горы, окружающие со всех сторон; чрезвычайно доверчивые кошки и их чуть менее, чем где-либо еще, пугливые котята; спокойные стаи псов, мирно разгуливающие, где им заблагорассудится, и никого не цепляющие; невероятно огромное количество аптек и бессчетное количество такси; машины с галлонами родниковой воды... всего не сосчитать. Эти уникальные взаимоотношения между людьми; высокими моральными принципами с не всегда высокопринципиальной действительностью; трогательное и дружелюбное панибратство, такое родное и ничем не стесняющее; воздух, такой противоречиво чистый и вязкий в жару...

Азан... мысль о том, что я регулярно, ежедневно пятикратно буду слышать призыв на молитву сразу из нескольких мечетей, ввергла меня в освежающее блаженство.

Я здесь живу. *Я теперь здесь живу.* Я еще долго не смогу осознать это. Еще долго меня не будет отпускать восторг, новизна и чувство глубокой приверженности. Кажется, что она

– приверженность – обволакивает меня с головы до пят, и как только я сойду с трапа – мои ноги тут же начнут пускать корни, пускать их повсюду, и тогда все тут прорастет мною. Когда самолет остановился, мы вышли, дожидаясь, пока пассажиры суетливо и сумбурно вытаскают из багажных отсеков свои вещи. Оказавшись снаружи, я глубоко вдохнул этот чистый, природный воздух, который даже не сумел перебить никакой аэродром. Меня пронизало; в истовом возбуждении меня пробивали дрожь и озноб. Ступив в автобус, стоявший в ожидании пассажиров, мы с Арби припали к окну у перил, и стали впиваться взглядами в дневной облачный туман, окутавший горы, которые далеко впереди вырисовывали волнообразные очертания. Я чуть вытянул шею, чтобы посмотреть в сторону города. Первое, что бросалось в глаза – высотные здания «Грозный-сити», и это было безумно красиво. Они не были особо большими – те же здания «Москвы-сити» и вовсе являются так называемыми «небоскребами» по сравнению с этими, но – в реалиях небольшого города, коим является Грозный, – это вполне себе настоящие высотки, которые видно отовсюду.

Люди в автобусе буднично переговаривались, присаживаясь или становясь у поручней, кто-то сразу бешено заколотил пальцами по экрану телефона, печатая сообщения, а другие звонили родственникам. Их всех кто-то встретит, встретят и меня. Никогда – можно быть уверенным – ни один чеченец не останется без встречающего. Ни на вокзале, ни в аэропорту, ни на причале, ни где-либо еще.

– Я не спросил, – сказал Арби, не отрывая глаз от окна. – Где ты тут будешь жить?

– У дяди дом в Мичурино. А где ты живешь?

– На Трудовой. Это... знаешь, где торговый центр «Гранд Парк»?

Я усмехнулся.

– Естественно.

– Прямо за ним.

– Здорово. Это совсем центр города.

– Почти. Минут десять пешком от центра.

– Разве не меньше?

– Я хожу, не торопясь, – весело улыбнулся он. Его голос был таким низким, что я даже в шутку подумал, что мой слух улавливает не все его частоты, и доходит до меня лишь половина слов.

Когда автобус довез нас до аэропорта, мы вошли в него, оказавшись в белой комнате, где будет сброшен весь багаж.

– Что у тебя из багажа? – спросил Арби.

– Один чемодан.

– А на мне чрезвычайно важная миссия. У меня пакет с сервизом для тети. Мама передала.

– А вещей нет?

– Все необходимое есть в моей квартире тут. Я и вовсе планировал добраться сюда налегке, но мама не упустила возможности. Хорошо хоть продуктов не передала.

– Нам тетя постоянно присылает чего-нибудь. Каких-то конфет, печенья, чай, какао... словно считает, что в Москве всего этого добра нет. Это мило.

– Это очень мило, – повел бровью он и резко повернулся в стороны выкатываемого багажа. – Кажется, это мое.

Он с невообразимой легкостью – словно сдувает перо с плеча – поднял катастрофически огромный белый плотный пакет, который, казалось, вот-вот разорвется под весом содержимого. Из него сквозь белый толстый полиэтилен выпирало несколько торцов коробок.

– Сервиз, говоришь?

– Я не сказал сколько там наборов этих сервизов.

– Выглядит как двадцать восемь миллиардов коробок.

– Поменьше.

Я нашел свой чемодан и, нажав на кнопку на ручке, выдвинул ее, чтобы катить свой багаж на колесиках.

– Давай я поташу твои сервизы, – я протянул ему ручку своего чемодана.

Он отмахнулся.

– Нет-нет-нет, все нормально, даже не думай об этом.

Двери открыли, и все ввалились в вестибюль, вертя головами в поисках родни. Мои дядя с братом стояли в самом центре, и Амир подскочил ко мне молниеносно.

– А-а-а-а! – резко и так крепко – что я буквально ощутил, как затрещали мои ребра – обнял меня он. – Поглядите на старого!

Из-за широкой спины Амира появился его небольшой отец – мой дядя Висайт.

– Очень красиво, Саид! Тут твой дядя стоит, а ты сначала с братом своим обнимаешься! – сказал он и, засмеявшись, схватил меня еще крепче, чем Амир. Его чеченский звучал словно пила, разрезающая бревно. – Что с тебя в этой Москве случилось-то, а?

– *Ас-салям* ‘*алейкум*, – послышался голос Арби за моей спиной.

Амир и Висайт кинули на меня короткий взгляд, и несколько неуверенно, но не менее живо ответили на приветствие Арби. Он пожал руку моему брату и приобнял дядю.

– Как тебя зовут? – спросил *ваша*.

– Арби, – со смущенной уверенностью ответил Арби.

Было занятно то, как в нем сочетались хмурая решимость и мальчишечья робость, и ни то, ни другое друг другу не уступало: упрямством своего существа эти качества сковали между собой приятный облик парня, к которому можно и за помощью обратиться, и совершенно точно ожидать незамедлительный ответ на пренебрежение или грубость.

– Я *деваш*¹² Саида, а это – его двоюродный брат Амир, – представился *ваша*. – Ты ждешь кого-нибудь?

– Нет, никого, я возьму такси.

Я сильно удивился, ибо не ожидал такого. У любого чеченца не меньше сотни – а то и двух сотен – родственников, и то, что его никто не встретил, даже немного потрясло меня. Когда он сказал, что возьмет такси, было видно, что ему крайне неудобно, ведь было очевидно, что последует после такого заявления.

– *Ху такси юц ах*¹³? – рассмеялся *ваша*. – Ты едешь с нами!

Я знал, что Арби было очень стыдно и неловко, но держался он спокойно.

– Мама никого не предупредила просто, – пожал плечами он. – Сюрпризы делать любит.

– Ничего, мы ей подсобим, – подмигнул *ваша*.

– *Дел рез хийл*, – смущенно сказал Арби, поняв, что всяческие препирания бессмысленны.

Амир с кошачьим проворством выхватил у меня мой чемодан и понес за ручку, несмотря на то, что его можно было и катить на колесах, а *ваша* без лишних вопросов отобрал гигантский пакет Арби, и меня позабавило то, какие трудности – пускай и скрытые за его напускным равнодушием – он испытал.

На выходе из аэропорта первым делом нас встретила прекрасная миниатюрная мечеть, которая выглядела так, будто там поместится не больше пары молящихся мужчин сразу. Она выглядела очень умиротворенно и завораживающе, с золотой звездой и полумесяцем, украшавшими минарет на граненом куполе, и отражая солнечный свет, возведший все золото ее цветов в абсолют. Мы прошли мимо нее, и, если бы не этот сумбур и витавшая над нами необоснованная спешка, я бы помолился.

¹² *деваш* – «Дядя», дословно «Брат отца» (чеч.)

¹³ *Ху такси юц ах?* – «О каком такси ты говоришь?» (чеч.)

Водрузив сумку с чемоданом в багажник, мы сели в большой черный джип *ваши*. Висайт спросил, куда отвезти Арби.

– На Розы Люксембург.

– Принято!

Вопреки попыткам Арби отмахнуться, в итоге мои дядя с братом сумели настоять на своем и заставили его занять переднее пассажирское место.

Пока мы ехали, я метался, вращаясь вокруг своей оси, и пытаюсь высмотреть все, что возможно. Дорога из аэропорта сначала тянулась, расставив деревья в ряд по обе стороны. Виднелись горы; вокруг были желтые от песка и зеленые от травы пустыри; огороженные домики, заброшенные и строящиеся. Пару раз в закрытое окно влетали смолянисто-черные жуки, отскакивавшие при ударе, как резиновые мячики. Навстречу нам на этой протяженной прямой дороге мчали автомобили и такси, и я мысленно сочувствовал тем людям, что покидают город. Я же был переполнен волнением и предвкушением, но я не мог сказать, что именно меня прельщало. Я понимал, что со временем свыкнусь, и все перестанет быть таким притягательным, таким чрезвычайно особенным и интересным. Но я, пожалуй, этого и хотел – чтобы Грозный стал для меня обычным делом, чтобы вселился в меня и протекал в венах, пронизывал сосуды, оседал в легких и выходил из меня вместе с дыханием. Ведь мы не ценим сполна вполне себе обыкновенный кислород, пока не нырнем воду и не осознаем, что под ней нам долго не протянуть.

Прямота дороги уперлась в автозаправку, и теперь мы свернули направо, петляя, и подбираясь все ближе к городу. Я был подобен потерянному в раннем детстве волчонку, который спустя годы сумел напасть на след своей стаи, и, почти встретившись с ней лицом к лицу, замедлил шаг и стал красться, боясь, что его не сразу признают за своего. Амир вдруг крепко схватил мою руку и безмолвно ухмылялся, глядя на меня дразнящим взглядом.

– Ты будешь тут жить, Арби? – спросил *ваши*. – Или приехал на лето?

– Переезжаю. Стану поступать тут в университет. Мы уже говорили с Саидом об этом. Оказалось, что мы будем учиться вместе.

– Серьезно?! – хором, но на разных языках воскликнули Висайт и Амир.

– Да, – подтвердил я.

– Ничего себе совпадение.

Дядя спрашивал Арби о чем-то, но я уже не слушал, потому что за окном появились улицы города. Я очень часто бывал в Грозном, но сейчас мне все виделось до странного иначе. Теперь же я был крепче увлечен, стал восхищаться деталями, которые раньше просто буднично подмечал, и хотел кричать в окно всем: «*Со цъахъ ву!*¹⁴!»

Вот продуктовые магазины и магазины игрушек с чеченскими именами вместо названий; вот снующие по улицам в тапочках детишки, с палками в руках и на велосипедах; пузатые мужчины с багровыми лицами курят, сидя на обочине; молодые бородатые парни – все в черном – подначивают и в шутку бьют своего товарища, смущенно говорящего по телефону.

Мы проехали мимо двух противоположных улиц, на одной из которых были многоэтажные жилые дома, а на второй большая территория с частными домами, дороги которой разветвлялись проселками.

Проехав микрорайон Ипподромный и улицу Полярников, мы оказались на длинной улице Шейха Али Митаева. Миновав и ее, мы вышли прямо на центральную Мечеть. Я безразмерно ее любил и очень часто проводил там дни напролет, заставляя каждый *азан* на каждую молитву. Ее прохлада и тишина внушала даже не умиротворение, а трепет перед пониманием всей правильности твоих действий. Ты в Мечети, и ты молишься, и ничто другое не было для меня настолько успокаивающим. Перед ней были фонтаны, который спали днем и

¹⁴ *Со цъахъ ву!* – «Я дома!» (чеч.)

просыпались ночью. Парки были заполнены женщинами и девушками с детьми, красиво одетыми мальчиками в белых брюках и светлых рубашках, что позволяет узнать в них приезжих на время чеченцев, для которых эта Мечеть – неизведанная достопримечательность.

Она была крупной и чудесно красивой. Четыре высочайших минарета с динамиками на каждом из них позволяли донести призыв *муазина* едва ли не в каждую точку города. Огромный бледный серо-синий купол, и четыре полукупола накрывали центральный зал Мечети и нежно, мягко контрастировали с бежевым мрамором-травертином, которым она была вымощена. Перед ней простиралась красивая летняя галерея с колоннами, где чаще всего собирались туристы, фотографируясь на фоне Мечети. Парк, на территории которого она находилась, был очень большим, зеленым и свежим, с кустами разнообразных форм, жизнь которых регулярно поддерживалась газонными дождевателями и романтичными фонарными столбами.

Когда мы остановились на светофоре напротив нее, я опустил окно и сделал снимок на телефон.

– Тут можно повернуть, – робко предложил Арби, когда мы собирались проехать мимо 1-го Проспекта.

Висайт вопросительно посмотрел на него, но повиновался. Мы завернули на Проспект, который был самой популярной и проходимой улицей Грозного. Чего тут только не было. Центральный универсальный магазин; колоссальное количество аптек, в том числе расположенных в ряд по одну сторону улицы; множество заведений и ресторанов разного уровня; медицинский центр; Дом Моды; религиозные, спортивные и продуктовые магазины, магазины часов, обуви; салоны красоты. Все это было трудно перечислить. Дорога на Проспекте была разделена сквером, узкой аллеей – будто скелет – протянутой от начала постом ДПС и до его конца историческим памятником. Она была огорожена маленьким заборчиком и заселена красивыми деревьями. На скамейках аллеи сидели люди: кто-то, сняв обувь и задрав ноги, копясь в телефоне; кто-то, читая книгу, а кто-то, откинув голову просыхал от жары в тени листвы. Девушки, одетые необычайно нарядно, медленно прогуливались по ней под руку с сестрами или подругами.

Арби попросил *вашу* развернуться и остановиться у арки одного из домов, которая вела на Розы Люксембург. *Ваша* недоумевающе смотрел на него.

– Ты что, зайти куда-то хочешь? – спросил он, поглядывая на фастфудные лавки, около которых мы стояли.

– Нет, я просто выйду здесь, чтобы вы не въезжали во дворы. Я дальше могу пойти сам.

Мой дядя иронично хохотнул, ответив, что если бы Арби сказал это раньше, то он бы отказал сразу, и нам не пришлось бы сворачивать не по пути. Мы въехали в арку, и дальше смущенный Арби направлял нас к нужному дому. Когда мы остановились у подъезда и вышли из машины, я достал из багажника вещи Арби. Обнявшись с ним, Висайт и Амир попрощались и сели в машину, а я задержался.

– Неудобно вышло, – пожал плечами он.

– Не надо было ничего выдумывать, – улыбнулся я. – Как будто ты не знал, чем это закончится. Тебе помочь донести сумку?

Он рывком вырвал ее у меня из рук.

– Ну уж нет! На этот раз вам не победить.

Мы засмеялись и пожали друг другу руки, приобнявшись. Не выпуская его руку из своей, я подозрительно нахмурился:

– Эй, ты же сказал, что живешь за «Гранд Парком».

– Так и есть. Тут живет моя тетья. Эти сервисы для нее, – он потряс рукой с тяжелым пакетом.

– Понятно.

– Ну, ладно. Свой номер я тебе дал, обязательно созвонимся, как появится время, хорошо?

– Лады.

Он дождался, пока мы уедем. Это было что-то вроде пункта в правилах чеченской этики – дожидаться, пока машина с гостями или другими людьми, с которыми ты минутами ранее был чем-то связан, отъедет и исчезнет из поля зрения.

Мы с ним оба знали, что значит «как появится время». По приезде в Чечню всегда необходимо показаться всем ближайшим родственникам, а у каждого чеченца из ближайших родственников состоит не меньше десяти семей, и, как правило, на это уходит немалое количество времени, ведь внимание нужно уделить всем. Я очень любил своих родственников, но обычно такие марафоны всегда утомляли. В этот же раз я ощущал какой-то особенный голод до встречи с каждым из них.

У *ваши* был двухэтажный дом в Мичуринском поселке, но на поселок это было похоже мало, ведь уже на находящейся параллельно заполняющим его домам улице простирались городские дороги. Черные ворота их дома произрастали из двух квадратных столбов из дробленого белого кирпича. Выгрузившись, мы прошли через дверь, проделанную в них. Джип не стали парковать во дворе, потому что он был слишком велик и занял бы все пространство перед домом. Под ногами по всему двору в шахматном порядке была размещена каменная плитка, чередовавшая бордовый цвет и цвет асфальта. Впереди располагалась огибавшая контуры круглого крыльца лестница из пяти белых ступенек, сужавшихся по мере их приближения к парадной двери. Справа от дома стояло что-то вроде пристройки, но никаким образом к дому не пристроенной. Пристройка была одноэтажной, а переднюю стену представляли собой затемненные высокие окна, и, если бы не прямоугольные разграничения из синих пластмассовых вставок, можно было вполне решить, что это одно гигантское стекло. Сделана эта условная веранда была из того же кирпича, что и сам дом. Только дом, словно ревнивый до индивидуальности брат-близнец нацепил шляпу в виде второго этажа и украсил себя сине-белой крышей. Взобравшись по лестнице к стеклянной тонированной двери дома, я вошел вслед за дядей, и внутри меня ждало восхищение.

– Как вы все это сделали за полгода? – восторгался я, окидывая взглядом прихожую. – Совсем недавно тут был глухой ремонт!

Толстая и широкая деревянная лестница напротив парадной двери винтом закручивалась на верхний этаж. Прямо под ней стоял журнальный столик и пара кресел перед выключенным на тумбочке телевизором. Справа была гостиная с длинным белым столом посередине, и такими же белыми стульями, а над ними на стене висел еще один плазменный телевизор. Я чуть вытянул голову, чтобы увидеть, что происходит слева, и моему взору предстала большая красивая современная кухня, в самом центре которой, идеально повторяя контуры кухни, стоял стол, оснащенный многочисленными шкафчиками и выдвижными ящиками, и который был предназначен исключительно для готовки, о чем свидетельствовала кухонная утварь в большом количестве. Двери у гостиной и кухни были распахнуты, и я сразу понял, что тут их никогда не закрывают.

– Мы просто не теряли время, – с озорством оскалился дядя.

Амир хлопнул меня по плечу:

– Пойдем наверх.

Мы поднялись по лестнице, и я увидел еще три двери на втором этаже. Одна с левой стороны, и две – с правой. Потолок широкого коридора опускался все ниже и ниже к балкону, занавешенному прозрачными шторами. Прямо под бережно побеленным скосом, виной которому была крыша, перед балконом было длинное невысокое кресло с черными железными подлокотниками, изящно разлившимися в замысловатые узоры, и больше это походило на декоративную скамейку с мягкими подушками. *Ваши* открыл ближайшую к лестнице дверь.

– Я поплю, потом поедем кое-куда.

– *Дик ду*¹⁵, – отозвался Амир.

Я коротко кивнул и *ваша*, улыбнувшись, закрыл дверь с другой стороны. Дверь в комнату, которая одиноко располагалась напротив двух других, была закрыта. Амир глядел на нее и лицо его было очень кислым, словно он шурился на солнце, пережевывая кожуру лайма.

– Там *эта*, ну... – замялся он.

– Понял, – сразу закивал я, понимая, почему он так стыдится. Тут дело было не только в дурном тоне. Амир женился очень быстро, не дав никому времени осознать, что вообще произошло, и испытывал вполне объяснимое чувство вины.

– Вот, а это твоя комната, – указал Амир на комнату напротив, смежную с той, в которой засыпал *ваша*.

Я вошел и сразу же обрадовался тому, что в комнате много света: кроме того, что она находилась на солнечной стороне, цвет потолка и стен тоже в какой-то степени ее осветлял. Голубой потолок медленно, переходя на стены, решительно переходил в незрело-лимонный. Спинкой к окну располагалась кровать, а напротив нее – зеркальный шкаф-купе из двух дверей. У изголовья кровати стояла тумбочка с ночником, а полы были застелены белым ковром из крупного длинного ворса. Видимо эта комната уже заранее была подготовлена для детей Амира.

– В шесть лет у меня и то менее цветастая комната была, – улыбнулся я. – А теперь, в восемнадцать, я восполню этот пробел своей жизни!

Амир улыбнулся.

– Тут очень красиво, – искренне добавил я. – Очень.

Я лежал, занеся руки за голову, и глядел на лазурный потолок, который явился фоном, задним планом моих размышлений о будущем, так захватывающе манящим своим таинственным благоуханием. Оно – благоухание – зазывало, пытаясь агитировать мое сознание на попытку угадать – а счастлив ли буду я? Правильно ли я поступил? Что, если я ошибся, и мне тут не место? Буду ли я жалеть об этом шаге? Ведь минимум пять лет я здесь точно проведу.

Сшибая дверь с ноги, в голове образовался Арби и его переезд. Он говорил об обстоятельствах, и мне было жутко интересно знать, в чем они заключались. Я непроизвольно стал выдумывать всякие фантастические и заведомо неправдоподобные причины, и в какой-то момент абсурд резюмировался тем, что я стал считать собственную историю слишком ущемленной своей безыдейностью на фоне выдуманных мною же вариантов Арби.

Я пытался понять, сильно ли жалеют родители о том, что отпустили меня, или напротив – гордятся мной? Я был им страшно благодарен за поддержку, хотя я видел, что дается им это нелегко. И тем не менее сегодня для меня начинается школа жизни, потому что быть вдали от дома – мощный толчок к моральной самостоятельности. Отвечая на все эти вопросы, которые вели лишь к одному, мой мозг выдал компактный, но содержательный конспект на белоснежном листе бумаге: нет, я не жалею, и, надеюсь, не буду жалеть о своем переезде. Я верил, что это должно пойти мне на пользу. Я лежал и думал обо всем, моделируя различные развития событий, и в мыслях моих было лишь желаемое. Хоть я и старался размышлять более приземлено и представлять, какие трудности могут меня тут настичь. Я самостоятельно пришел к самому очевидному из существующих выводу о том, что моей тяжелейшей трудностью здесь могу стать лишь я сам. Больше всего я боялся себя самого, потому что я знал, что у меня есть большой и заостренный недуг – я нетерпелив. И я не представлял, как это может отразиться на моей жизни тут.

Меня разбудил стук в открытую дверь.

¹⁵ *Дик ду* – «Хорошо/ладно» (чеч.)

– Ну ты даешь. Я десять раз уже постучал.

Приподнявшись, я протер веки и увидел на пальцах пару ресниц.

– Я отсыпался.

– Отец спит, – вертел ключи на пальцах Амир. – Дневная молитва наступила. Вставай, поедем в Мечеть.

Я взглянул на часы и увидел, что проспал всего полтора часа, но выспался я так, словно провел во сне целую неделю. Вскочив с кровати, я побежал вниз по лестнице и нашел ванную.

– Света, если что, нет! – послышался крик Амира. – Отключили! Может, вечером врубят!

– Лады! – отозвался я.

Уложенная синим кафелем ванна была очень просторной и светлой. На полу от двери до раковины вел резиновый синий коврик, на котором были изображены желтые пальмы и гамаки на песчаном пляже. Изображение повторялось снова и снова, пока не привело меня к раковине, над которой возвышалась полка с самыми разными средствами гигиены: от пары-тройки зубных паст до ассортимента шампуней и бальзамов для тела.

– *Бисмилляh*¹⁶, – произнес я и начал омовение, которое необходимо совершать перед каждой молитвой.

Сначала омываются кисти рук, и особое внимание уделяется тыльной стороне и промежуткам между пальцев. Затем необходимо набирать воду в рот, прополоскав три раза. Столько же раз промывается нос; моется лицо, шея и уши. Дальше – очередь предплечий до локтей и выше. Сразу после этого нужно провести мокрыми руками по волосам три раза, и завершается омовение тщательным мытьем стоп.

Закончив омовение, я выключил воду и вышел из ванной. Посмотрев через стекло в парадной двери, я увидел, что Амир стоял за открытыми воротами, прислонившись к машине и разговаривая с кем-то по телефону. Когда я открыл дверь, в лицо мне ударил солнечный свет, который в помещении был приглушен затемненным стеклом. Сильно сощурившись, я нацепил свои кроссовки и сбежал вниз по лестнице.

– Давай быстрее, – торопил Амир, садясь за руль.

Я трусцой добежал до машины и сел на переднее пассажирское место, и машинально начал натягивать на себя ремень.

Амир, заводя машину, заметил это краем глаза и коротко хохотнул.

– Ты это чего делаешь?

– Спасая тебя от штрафа и ответственно отношусь к своей жизни, – я постучал по торпедо. – Твоя?

Амир копался в своем телефоне и, не отрываясь от экрана, ответил вопросом на вопрос.

– Кто?

– Машина, Амир, машина твоя?

– Да, отец купил. Я хотел сам накопить и взять себе какую-нибудь поскромнее, но, конечно, я очень доволен.

– А на чем *ваша* ездит?

– Одному его другу очень нужна была машина, он пока ее отдал.

– У него все та же «Тойота»?

– Ага, «Камри».

– Не стыдно тебе разъезжать на машине, которая гораздо круче машины твоего отца? – язвительно улыбнулся я.

– Так, все, поехали, – наигранно заторопился он, смеясь.

Мы выехали на городскую дорогу и довольно быстро поколесили в сторону центральной Мечети «Сердце Чечни». Улицы привлекали меня так, словно за окном были дикие животные,

¹⁶ *Бисмилляh* – «[Начинаю] с Именем Бога» (араб.)

а мы – на сафари. Даже в простой забор из желтого кирпича я всматривался так пристально, будто пытался разобраться, что это такое.

– Рассказывай, что у тебя там...

– Нет, ты рассказывай, – перебил Амира я прежде, чем он завершил свой вопрос.

В моем тоне было хладнокровие, подкрепленное не столько равнодушием, сколько недовольством.

– Что рассказывать?

– Ты знаешь, – продолжал я в том же духе.

Амир тяжело вздохнул. Он вел руль одной рукой, но теперь поставил на нее и вторую.

– У меня мама умерла, Саид.

– *Дал геч дойл цун.*

Я смягчился. Немного, но смягчился. Амир на секунду взглянул на меня, потом еще раз вздохнул.

– Я рассказывал все Лиане, надеюсь, что она расскажет это тебе.

– А с каких пор в нашем общении присутствуют посредники? – уже более резко сказал я. – Знаешь, я все пытался понять, в чем перед тобой провинился? Что сделал такого, что ты не стал со мной делиться?

– Да ни в чем ты не...

– А потом понял, что, наверное, тебе просто стыдно, ведь твою невесту должен был выводить я.

Когда за невестой приезжает свадебный кортеж жениха – или же просто кто-то приезжает ее забрать, – из родительского дома ее должен вывести родной брат или другой молодой ближайший родственник по отцу, если братьев нет. Среди всех двоюродных братьев Амира – я являюсь ему самым близким, потому и выбор тут должен был быть очевидным. Еще в детстве мы с ним, не засыпая ночами и обсуждая свои подростковые дела, представляли, как я вывожу его невесту, и я дразнил его тем, что мою невесту будет выводить Лорс, который тогда только-только появился на свет.

– Ты не можешь так говорить, – хмуро сказал Амир.

– А ты не можешь это отрицать.

До Мечети мы доехали в молчании. Я думал о том, не переборщил ли я, ведь он все-таки пережил горе. Но меня раздражал тот факт, что он будто бы воспользовался им в качестве оправдания. Добравшись до места, Амир рывком въехал на огромную стоянку, находящуюся в стороне напротив Мечети. Заполнена она не была, потому мы небрежно встали на первое попавшееся свободное пространство и вышли из машины. Перебежав через проезжую часть, пропускаемые понимающими водителями, мы направились в Мечеть. Вместе с нами было немало людей, которые тоже опаздывали на молитву. Мурашки прошлись по коже: как же долго я этого ждал. Это ощущение единства, сплоченности, родственного дружелюбия по отношению ко всем окружающим – от мала до велика. Глядя друг на друга, мы смущенно улыбались, стесняясь опозданию. Взбежав по ступеням, мы сбросили обувь у рамки металлодетектора, стоящей в дверях.

Вся мечеть была расстелена коврами для молитвы. Ее центральный зал был широким, просторным, высоким, с массивными квадратными колоннами. У дальней стены, справа от *михраба* тянулась узенькая лестница с перилами из белого мрамора, которая вела к *минбару*, откуда читают *хутбу* – проповедь, а посередине располагалось возвышение, где *муэдзин* всегда распевал призыв на молитву. Взглянув наверх, я увидел гигантскую люстру, каркас которой был золотым, а между ним рассыпались переливающиеся блестящие камни. Тело люстры окружало воссозданное черно-золотыми камнями изображение *Каабы*; выпуклый из-за одного купола и четырех полукуполов потолок был весь расписан голубыми, красными и синими орнаментами, а также *аятами* из *Кур`ана*, а цвет мраморных стен Мечети представлял собой

бежевый градиент. Мы подбежали к уже молящимся мужчинам и присоединились к молитве. Имам, руководивший ею, читал шепотом – почти про себя, потому что громко и вслух проводятся утренняя, вечерняя и ночная молитвы. Приятное ощущение прохлады от кондиционеров обхватило меня, остужая тело после чудовищной грозненской жары, а ковер под ногами тесно объял мои плоские стопы. Окончив молитву, все остались сидеть на коленях и читали *зикр* – поминание Бога, которое всегда желательно совершать после молитвы. Амир одернул меня и показал на парня, сидящего в окружении почтенных мужчин на первом ковровом ряду за имамом. Обычно на этих местах сидят одни старики, ибо остальные мужчины выказывают свое признание, оставляя ближайшее к имаму место для них, и потому для меня стало интересной загадкой то, что делал среди них этот молодой человек, которому на вид было лет двадцать пять. Амир, окончив *зикр*, заговорил.

– Это очень хороший парень. Порядочный. Он часто дает тут уроки по религии, да и в целом очень много времени здесь проводит. Его почти все знают и любят. Он учит детей *Кур`ану*, раздает милостыню и...

– Ты к чему-то ведешь? – спросил я.

– Я о том, Саид, что ты должен быть осторожен в выборе друзей в Грозном. А вот такие люди, как он – вот с такими и стоит дружить парню вроде тебя.

– В смысле?

– В прямом. Наше с тобой поколение, можно сказать, отравлено. Грязи много, – он вздохнул. – Просто я переживаю за тебя. Ты будешь учиться тут, ты еще совсем молод. Не хочу, чтобы ты считал каждого встречного своим другом. Не дай Бог свяжешься с плохой компанией – потеряем тебя, – он печально улыбался.

В этот момент я сумел оценить всю глубину той дыры, которая образовалась между мной и Амиром. Можно сказать, что он совсем не понимал, каким человеком я теперь являюсь: наше особо тесное общение закончилось около двух лет назад (оно немного растворилось, и мы перестали делиться своими сокровенными тайнами, лишь справляясь о делах друг друга несколько раз в месяц), а за эти два года я претерпел многократные изменения в характере и устоях. Дошло до того, что я не признавал нужды в дружбе как таковой, а теперь он предупреждал меня о том, чтобы я не привязывался к первым встречным мне людям. Я особо никогда ни с кем и не дружил и к понятию «дружба» относился скептически. Для меня те, кто зовут себя друзьями – это люди, лишь на время связанные между собой чем-то общим, которые забудут о дружбе сразу после того, как обстоятельства разведут их подальше друг от друга.

– Я понял тебя, Амир. Прислушаюсь.

Имам вознес ладони и, произнеся последние молитвы, подул на свои руки и провел по лицу, и все повторили за ним.

Надев обувь, мы с Амиром сошли по лестнице и направились к машине.

– Пошли, сфотографируемся? – предложил он, когда мы перебежали дорогу.

– Где? – спросил я.

Он кивнул в сторону декорации, находящейся с краю от стоянки, которая состояла из английских слов «Я» и «Грозный», которые были наклеены поверх изображения трех зеленых кавказских гор с заснеженными верхушками, а окаймляла все это красная дуга, повторяющая форму «сердечка».

– Ну, давай. Первый день в Грозном, все-таки.

Я встал на подиум, находившийся позади анимационных гор прямо под красной дугой, и сложил руки на груди. Вообще, большинство моих фотографий однотипны: почти на всех из них мои руки в одном и том же положении, и у меня порой возникало ощущение, что это происходит непроизвольно. Я нахмурился, улыбнулся и услышал щелчок камеры на телефоне Амира.

– Улыбаешься... – протянул он, изучая фотографию. – Потом сфотографируем тебя через год и посмотрим на твое лицо.

Приехав домой, мы застали Висайта еще спящим, но жена Амира уже не спала. Я поприветствовал ее.

– *Де дик дойл*¹⁷, – красиво и обаятельно улыбнулась она.

– *Диканц дукх ехийл*¹⁸, – ответил я.

Я ненавязчиво и чуть пристыжено взглянул на нее. Глаза у нее были то ли ярко-карие, то ли темно-зеленые. Они не были лучшей чертой ее лица, но красы ее это не умаляло. Губы у нее были тонкими, а нос был ровным, не длинным и не коротким. Высокий лоб заканчивался туго затянутым платком, а над тонкой бровью, будто нарисованная, красовалась родинка.

– Твое имя ведь Селима? – спросил я, на мгновение решив, будто сделал это специально, чтобы пристыдить брата. Мол, он настолько все тихо провернул, что я даже не знаю имени его жены. Но то была лишь шальная мысль, ведь с язвами на эту тему я завязал еще в машине. На деле же я просто испытывал неловкость, не зная, о чем еще с ней говорить.

– Да, – утвердила она и опустила голову в смущении от сложившейся ситуации.

Амир тотчас же отвлек нас.

– Где мелкая? – спросил он ее как можно холоднее из-за того, что с ними был я.

– Наверху, – ответила Селима точно так же, даже не посмотрев на него.

Когда мы поднимались, она пыталась осведомить нас о том, что ребенок спит, но едва ли это остановило бы Амира. Распахнув дверь, он медленно направился в сторону большой кровати, на которой прямо посередине в окружении больших подушек лежало маленькое чудо.

– Алима, – это имя всплыло из-под сознания, хоть я этого никогда не запоминал и не пытался. Видимо как-то услышал краем уха еще в самой Москве.

– Берсанова Алима Амировна, – смущенно поправил меня Амир, неотрывно глядя на нее.

В одном этом взгляде было столько любви, нежности и ответственности, сколько во всей моей жизни мне еще не довелось испытать. Он смотрел на свою дочь и, видимо, забыл обо всем вокруг: о том, что рядом с ним стоит его брат, и перед которым по чеченским обычаям не очень-то и привычно проявлять столько внимания своему ребенку, хоть я никогда не стал бы кого бы то ни было за подобное осуждать.

Я взглянул на лицо девочки: разрез глаз у нее был явно в Берсановых. Практически у всех нас поголовно были небольшие, узкие миндалевидные, почти раскосые, но очень выразительные глаза. Остальные черты лица вроде крохотного вздернутого носика – совсем как у Люлюки – оценивать было рано, потому что дети меняются очень часто и стремительно.

– Такая красивая, *ма ша Аллах*¹⁹, – сказал я. – Сколько ей?

– Три месяца, – немного поколебавшись, ответил Амир.

Мне были понятны его колебания, ведь после его свадьбы прошло лишь девять, но это было совсем не мое дело.

Я сидел в своей комнате, и голова моя снова была занята будущим. Чаще остальных меня посещала мысль о том, что я буду обузой дяде и брату с его женой. Мне было очень неприятно думать о том, что мое нахождение тут будет доставлять им дискомфорт. Еще в Москве я недосыгаемо мечтал о том, чтобы снимать квартиру здесь самостоятельно и быть независимым от всех своих родственников Грозного.

¹⁷ *Де дик дойл* – «Добрый день» (чеч.)

¹⁸ *Диканц дукх ехийл* – привычный ответ на пожелание доброго времени суток, дословно: «Благой и долгой тебе жизни» (чеч.)

¹⁹ *Ма ша Аллах* – переводится как «Все по Воле Бога» (араб.), но имеет широкое распространение, зачастую в качестве восхищения чем-либо.

Примерно через полтора часа Амир снова зашел в комнату, заявив, что ваша проснулся и велел собираться, ибо сегодня мне нужно было показаться родственникам.

– Сначала к *йохк деце*, потом к Сулейману, а дальше папа уже не сказал.

Йохк деца – «старшая тетьа» в переводе с чеченского языка. У нее всегда было интересно; она очень любила меня и каждый раз, когда я приезжал, встречала с большой радостью. Мы вели с ней не обычные формальные беседы, а обсуждали очень глубокие и серьезные темы. Она была одной из немногих, с кем было действительно интересно общаться. Обычно, приехав в гости, бывает, испытываешь какое-то неудобство, и по большей мере стесняешься, но у моей старшей тети – старшей сестры моего отца, я всегда был заинтересован в общении. Каждый раз она давала мне советы, словно понимая, что меня ждет в ближайшем времени. Несмотря на нашу с ней большую разницу в возрасте, она живо схватывала все современные уклады, которые я пытался ей объяснять. Я восхищался ее умом и умением понимать меня; если я что-то рассказывал ей, она с неподдельной заинтересованностью подхватывала, бережно относясь к нашим разговорам. Когда пришла весть о том, что мы едем к ней, я уже ожидал, как буду набивать там свой желудок, ибо у нее дома всегда было много вкусной еды, а мгновением позже вспомнил про пост.

– Я готов.

Выйдя с Амиром во двор, мы застали *вашу* выходящим из пристройки.

– Отлично сработано, молодцы! – недовольно бросил он нам, оттряхивая руки.

– Что случилось? – недоумевал Амир.

Я увидел, что волосы у *ваши* были влажными, штанины в щиколотках намочены, а рукава приподняты: он совершил дневную молитву.

– Я сделал *ламаз* только сейчас, а мой сын и племянник съездили в Мечеть, не разбудив меня! – в шутку бурчал он по-чеченски. Слово «*намаз*» чеченцами употреблялось реже, чем распространенный его перевод «*ламаз*».

Амир стукнул себя по лбу.

– Извини.

– Извини, – угрюмо передразнил его *ваша*, направляясь к машине.

Ваша был невысоким, но и не низким мужчиной. Обычно в его возрасте люди уже сдаются и отращивают себе живот, но вот он выглядел очень подтянутым, пусть и был плотным. Его большие руки выглядели неестественно для его возраста – они были очень рельефными, крупными, крепкими и живыми. Лицо у него было ясным, с правильными чертами: ровный нос, небольшие черные глаза. Я видел его фотографию в молодости – он был просто чудо как красив. Но его красота и благой облик часто не вязались с его грубостью и принципиальностью: у *ваши* были свои устои, которые никому из окружающих нельзя было ставить под сомнение.

– Так, поехали. *Бисмилляh!* – с этими словами *ваша* завел машину, когда мы с Амиром сели сзади.

Йохк деца жила в десяти минутах от дома дяди Висайта, но даже живи она на другом конце Грозного – ехать долго не пришлось бы, ведь это небольшой город. Я любил Грозный, но ощущал себя здесь чужаком, и даже находясь тут, часто терял время дома. До *йохк децы* мы доехали, слушая, как *ваша* разговаривает по телефону, громко обсуждая серьезные дела по работе. Было такое ощущение, что ему кажется, будто стоит ему поубавить тон – и его собеседник абсолютно потеряет всякую способность его слышать.

Поднимаясь по лестнице на второй (и последний) этаж невысокого жилого дома, мы услышали звон замка за дверью квартиры нашей тети, не успев даже подойти к ней.

– Не умеешь ты позволять делать тебе сюрпризы, Кесира! – задорно рассмеялся Висайт, широко раскинув руки.

Улыбка, освещавшая лицо моей *йохк децы*, была такой радостной и веселой, что я в ту же секунду ею заразился и избавиться от нее уже не мог. На ее большом полном лице красовались

знакомые мне черные очки в прямоугольной оправе, а под ними, сощуренные от улыбки, на меня смотрели любящие глаза. Обратив голову в другую сторону, она артистично недовольно застыла взглядом на мне.

– Ты чего так пропал-то, даже по телефону ни разу не позвонил! – на этот раз уже она раскинула руки, обняв Висайта и Амира, и все еще глядела на меня.

– Я был занят, – сказал я, чем вызвал у нее смех.

Тут она резко накинулась на меня, зажав до треска в ребрах, а затем отстранилась, окинув оценивающим взглядом.

– *Алелай*, как же ты вырос! – цокнула она. – Куда вы все так расти-то торопитесь?

– Ты так всегда говоришь, – улыбнулся я.

– Нет! Серьезно! Амир, иди-ка сюда! – настойчиво позвала она.

Уже зашедший в квартиру Амир повиновался и вернулся на лестничную площадку.

– Встаньте спиной друг к другу. Вот так, да. Висайт! – весело звала она. – Просто погляди!

Ваша уже сел в гостиной и говорил оттуда:

– Саид, я тебе разве не сказал, что ты прямо конкретно вырос?

– Нет.

– Ты прямо конкретно вырос, Саид, – заключил *ваша*, снова заставив тетю смеяться, которая погнала нас внутрь, еще раз сильно обняв меня и Амира.

– Где Валид? – спросил Висайт про мужа *йохк деци*.

– На работе пока еще.

– И тут кроме тебя никого нет? – удивленно приподнял брови *ваша*.

– Никого нет, – утрированно спародировала его удивление Кеси́ра.

– Что же ты раньше не сказала? Собираемся, дети.

Ваша привстал, изображая недовольного гостя, но тут же со смехом сел обратно. Кеси́ра неестественно громко засмеялась. Правда, неестественно это было лишь в моем понимании, но я точно знал, что смеется она искренне и от всей души. Я всегда очень сильно не любил людей, которые громко разговаривают или просто издают громкие звуки, но на нее это точно не распространялось. Мне было жутко весело и почему-то спокойно, когда это делала она.

– Подожди, а сын твой где? – недоумевал *ваша*.

– Заур сейчас тоже на встрече какой-то по работе, до вечера дома его не будет, – *йохк деца* шлепнула себя по ноге.

– *Алелай*, действительно, чего мы тогда сюда притащились? – снова засмеялся Висайт.

– Чтобы мне моего мальчика привезти! – внезапно она схватила мою голову в охапку и принялась целовать мою макушку.

– Сейчас сонную артерию мне передавишь... – прохрипел я.

Тут же она отпустила мою голову и, словно что-то вспомнив, ошарашено хлопнула в ладоши, звук от соприкосновения которых был просто оглушитель.

– Так ты же у нас в медицинский поступаешь, точно! – Кеси́ра захохотала. – Доктор Саид Берсанов! – она изменила голос, копируя русский акцент.

– Да, на стоматологию, – улыбнулся я.

– Вот правильно, знаешь? – она резко изменилась в лице, сделав его серьезным и, наклонив голову, начала кивать. – Правильно! Очень благородная профессия! Абсолютно. Если ты идешь в медицину, то только на стоматологию!

– Да уж, если бы так все считали, то остальных врачей бы не осталось, – усмехнулся я.

– А кто сказал, что стоматологи – врачи? – внезапно отозвался Амир.

Йохк деца и *ваша* дружно захохотали, а я лишь улыбнулся, потому что слышал эту шутку уже очень много раз.

– А разве в Грозном есть стоматологический факультет? – она протерла глаза за очками.

– В этом году открывают.

– Хорошо-о-о, – задумчиво протянула она. – Не зря это все в твою пользу так выстроилось.

– Хочешь, поражу тебя?

– А порази! – задорно вскинула голову Кесира.

– В самолете я летел рядом со своим будущим однокурсником.

С полминуты она, выпучив глаза, поочередно смотрела на каждого из нас с многозначительными паузами. Оправившись от смятаения и восхищения, она заговорила по-чеченски:

– На все Воля Бога! Это невероятно! Прямо в самолете... – она снова хлопнула в ладоши.

Ваши встал и глубоко вздохнул, как это обычно бывало, когда собираешься сказать хозяевам, что ты уходишь.

– Короче, Кесира, у тебя тут вообще скукота, я думал хоть Валид или Заур дома будут, поэтому мы поедем дальше! – он резко ударил меня по плечу, и я чуть не взвыл от боли. – Вот, товар завезли, продемонстрировали, а теперь забираем!

– Ты чего, не останешься? – обратилась она ко мне. – Давай-ка на неделю у меня остановишься?

– Не могу, нужно появиться в институте, – виновато ужимался я. – Да и вообще дел много.

Она неодобрительно поглядела на меня поверх очков, но, в свойственной ей манере, тут же сменила маску негодования на искреннее умиление.

– Так, все, вы оба идите отсюда, а Саид вас догонит, – она погнала Амира и Висайта к дверям, обнялась с ними, а затем вернулась ко мне. – Отец твой договорился, чтобы тебя взяли, да? – она шептала несмотря на то, что вокруг не было никого.

– Да, какой-то у него знакомый там есть, который сам навязался, утверждая, что чем-то сильно обязан папе.

– Ну, отец твой много хорошего делал в свое время, кто-то да точно ему обязан! – подмигнула она.

– Я этому рад, потому что мне не придется стоять по пять часов в ожидании своей очереди – меня запишут без моего участия. Но папа сказал мне завтра с утра поехать и показаться.

– Слушай, ну я просто в шоке! – она который раз хлопнула в ладоши. – Просто в шоке! Тебя точно что-то ожидает в этом институте! Как у тебя все так складно получается!

– Да, слава Богу, – смущенно кивнул я.

– Внимательно слушай, Саид. Никогда не старайся для кого-то меняться или пытаться показаться тем, кем ты не являешься. Никто этого не стоит, да и самому тебе это не нужно. Больше скажу: *никому* это не нужно. Своей учебой занимайся, старайся забивать свое свободное время полезными занятиями, найди хорошего друга, и, конечно же, поищи красивую невесту! Скоро тебе уже жениться, совсем большой ты стал!

Я засмеялся, и она засмеялась вместе со мной.

– Ну, *деца*! Я думал, ты мне этого не скажешь! Твои советы звучали очень круто, пока ты не заговорила про невесту! Ты же особенная, зачем ты так со мной! – заливался я.

– Я считаю, время пришло, – деловито произнесла она. – И еще, Саид. Когда начнешь учиться, сделай рывок, сдавай все подряд и учи-учи-учи! Учи, не поднимая головы, потом будет гораздо легче. Преподаватели увидят твоё стремление и будут лояльно к тебе относиться. У них сформируется правильное отношение к тебе. Знаешь, что однажды сказал мне твой дед? «Хорошее начало – полдела откачало». Запомни.

Я думал об этих словах всю дорогу, пока мы ехали к Сулейману – брату моего отца, *ваши* и *йохк децы*. Мне казалось, что это не так трудно – начать усердно учиться, ни на что не отвлекаясь, но в то же время я понимал, что так всегда кажется до тех пор, пока ты не начнешь воплощать подобный план в жизнь. Смогу ли я сконцентрироваться исключительно на учебе хотя бы на первое время? А первое время – это две недели, месяц или два? Я никогда не был

из тех, кто живет учебной, домашними заданиями и подготовками к проверочным работам. Равно как не являлся бездельником, который ленится учиться. Мне предстояло найти золотую середину и стараться сохранять этот баланс – не погружаться в обучение с головой, но и не оставлять его без внимания.

– Кесира очень по тебе скучала, но, когда у нее дома никого нет, делать у нее нечего, – *ваши* смотрел на меня в зеркало заднего вида.

– А Сулейман тренирует Юсупа или просто наблюдает, как остальные родители?

– Он специально взял себе младшую группу, чтобы тренировать своего сына, – ответил Амир.

– А подростков он уже не тренирует? – спросил я и почувствовал уже привычную тоску по футболу, которая раненым зверем просыпалась во мне всякий раз, стоило мне заговорить о тренировках. Именно воспоминания о тренировках, которых у меня больше не было, вызывали у меня тоску.

– Прошлогодня группа у него осталась, – объяснял Амир, – а из малышей он взял только группу со своим сыном.

Остановившись чуть ли не вплотную к сетчатой зеленой калитке, за которой бегала свора маленьких ребят в синих и красных манишках, мы вышли из машины и присоединились к толпе солидных седых и пузатых мужчин и женщин в платках. Они стояли, сложив руки на груди, и внимательно наблюдали за своими детьми. Иногда мужчины выкрикивали настойчивые подсказки и команды; некоторые просто общались между собой, запрокинув на скамейку ноги, ковырялись в зубах зубочистками и курили сигареты. Амир пихнул меня в плечо и выбросил руку в сторону поля, указав на носящегося Юсупа. Приглядевшись, я увидел мальчика, совсем небольшого для своих лет. Он сильно щурился от палящего прямо ему в лицо солнца, как и другие дети, чьи сморщенные гримасы заливал пот. Юсуп явно не был обделен такими важными для маленького футболиста физическими качествами, как скорость и выносливость: только при мне он около восьми раз оббежал все поле, находясь всегда там, где находится мяч. Он пихался и толкался со всеми, кого видел, на что его молодой отец громко хлопал, подгоняя сына. Когда же Юсуп вошел в азарт и открыто начал толкаться с другим мальчиком, в значительной мере превосходившим его в росте, Сулейман свистнул и подбежал разнимать детей, отправив своего сына за калитку. Юсуп, весь красный и потный, глубоко выдохнул и с гневной досадой направился в нашу сторону. Взгляд Сулеймана провожал его до тех пор, пока он плавно не переплыл на меня, Висайта и Амира. Коротко нам улыбнувшись, Сулейман продолжил тренировку, которая уже заканчивалась. Юсуп с опущенной головой прошел мимо нас и направился к рюкзаку, находившемуся на одной из скамеек. Мы втроем разом к нему обернулись, когда он уже вытащил бутылку воды и начал жадно ее опустошать. *Ваши* медленно двинулся к нему, потрясывая рукой в попытке привлечь внимание ребенка.

– Можно вас отвлечь, молодой человек? – спросил он.

Юсуп от неожиданности даже поперхнулся. Округлив глаза, он резко бросил бутылку и подбежал к *ваше*, обнимая его и извиняясь.

– Нет, не меня ты обидел, мужик, а брата своего московского.

После слова «московский» на меня обернулись чуть ли не все зрители тренировки. Я двинулся к Юсупу, который уже летел ко мне со всех ног.

– *Ас-саламу 'алейкум*, Саид! – поприветствовал он меня детским голоском и крепко обхватил за ноги.

– *Уа 'алейкум ас-салам!* – я хлопнул его по спине и взлохматил волосы. – Как твои дела, спортсмен?

– Хорошо, ты же пришел! – отпрянув от меня, ответил он.

– Я по тебе тоже скучал.

Юсуп подбежал к Амиру и обнялся с ним, после чего прозвучал свисток, и мы услышали, как Сулейман зовет своего сына. Мальчик, опустив голову, выслушивал недовольного отца, а затем стал в одиночестве собирать манишки, мячи и подбирать фишки. Сулейман в окружении остальных детей шел в нашу сторону. Толпа родителей обступила его, спрашивая о том, как справляются их дети, и уточняли детали грядущих сборов. Прошло несколько минут, прежде чем он освободился, утолив интерес всех родителей.

– Все запомнили? Завтра тренировки нет! – заключил он и направился к нам.

Мы поочередно обнялись с ним, и он, схватив меня за плечи, начал сдавливать так сильно, будто хотел их сомкнуть.

– О, да-а-а! – протянул он, смеясь. – Сейчас еще не хватало, чтобы ты до меня дорос!

Что бы он ни говорил, дорости до него мне не представится возможным. Рост его достигал почти двух метров, и груды мышц равномерно растекались по его огромному телу. Ему было всего двадцать семь лет, а его сыну – девять. Сулейман женился очень рано, когда еще был в школе, на девушке, которая была младше него на два года. Он, насколько я знаю, всю жизнь отдавал футболу и делал потрясающие успехи на позиции центрального защитника. Когда казалось, что его карьера должна была пойти в гору, он боролся с травмой крестообразных связок колена, которые он порвал при неудачном приземлении на одну из ног. Первая проведенная операция по их сшиванию была успешна и шесть месяцев восстановления пошли ему на пользу. Однако еще несколько месяцев спустя он, вынося мяч головой из пустых ворот, неуклюже рухнул на газон, и перед самым падением его излеченная нога в неестественном положении приняла вес всего тела на себя и сразу же свисла как неродная. Его левое колено словно упрашивало его бросить эту игру. Вновь проведенная операция была удачна, но он уже не мог играть так, как раньше, да и возраст поджимал. Все-таки двадцать четыре года в футболе – серьезный возраст, в котором футболисты уже состоятельны. Рецидивы травм редко напрямую зависят от физических кондиций человека: бывает и так, что игрок не травмируется, как ни крути. Речь не о мелких повреждениях, которые неминуемо застают каждого, а о серьезных травмах. Но бывает и такое, что физически очень крепкий человек регулярно становится жертвой какой-либо болячки до тех пор, пока она полностью не овладеет им. Я был тем, у которого никогда не было серьезных проблем, из-за которых пришлось бы бросать спорт; Сулейман же, несмотря на преследовавшие его проблемы, быстро нашел себя в тренерской деятельности и взял под опеку группу тринадцатилетних подростков, которые были оставлены предыдущим тренером. Сейчас они почти мои ровесники, и я вполне мог отправиться в эту команду, что неоднократно мне предлагал сам Сулейман. Мои родители настояли на ином варианте. Когда сын Сулеймана – Юсуп – начал ходить на футбол, уже авторитетный тренер имел полное право на успех в ходатайстве о том, чтобы взять себе определенную группу по определенной причине. Когда его просьба была рассмотрена и воплощена в жизнь, он оказался крайне строг к своему сыну исключительно потому, что хотел сделать его настоящим спортсменом. Он этим грезил.

– Почему это завтра у тебя тренировки не будет? – спросил *ваша* и Сулейман пощадил меня, ослабив свою стальную хватку.

– Расул в ЧГУ позвал по какому-то особо важному вопросу, но, если меня попросят быть физруком – я откажусь.

– А зачем тебе туда идти? – подключился Амир. – Мог просто сказать, что не придешь.

– Такой ты умный, – засмеялся Сулейман, – Расул мне сильно навстречу шел, когда я там заочно учился. Время вернуть должок. Но, опять же, только если меня не попросят стать преподавателем физкультуры...

Внезапно Сулейман оглядел нас троих пристальным взглядом и радостно выпалил:

– На *ифтар* вы сегодня ко мне придете! *Эта* манты приготовит!

– Манты – это хорошо, – произнес я, мечтая о своем самом любимом блюде.

– Тогда договорились. Но ты нас сейчас очень тонко спровадил, как я понял, – тряхнул головой *ваша*.

– Висайт, не говори так, – басистый голос Сулеймана выдавал обиду. – У меня только что тренировка была и есть дела.

– Да ладно, – отмахнулся *ваша*, – я всего лишь тебе твоего племянника показать привез! Сулейман снова крепко сжал мои плечи и улыбнулся своему старшему брату:

– Это ты не зря сделал!

После ужина у Сулеймана мы поехали домой, а затем вместе с Амиром отправились в центр города, чтобы прогуляться. Мы ходили по Проспекту, прошли по многолюдному Бульвару, гуляли в парке рядом с высотками «Грозный-сити». Пригласив меня присесть на скамейке близ этих «башен», он снова завел тему о своей свадьбе, но в этот раз я уже особенно не слушал, потому что распознавал в его речах ложь. Он недоговаривал, уклонялся от прямых заявлений, но я видел чувство вины и истерзанную совестью душу. Сложилось стойкое ощущение, что он намекает мне на то, что пройдет немного времени, и он уже сам все в подробностях мне поведаст. Мне не были интересны все подробности произошедшего, да и отчитывать я его не собирался. *Больше* не собирался. Я, честно говоря, даже зла на него за это не держал. Все это было обидно, когда я был в Москве, а он – тут. Теперь же, когда он сидел так близко и говорил со мной, мне показалось неуместным, что я и вовсе когда-то на него обижался.

Было темно, над городом медленно расстилалась ночь. Высотки вовсю заиграли различными цветами: грани самого высокого здания с большущими часами освещались всеми возможными цветами, то резко переходя с одного на другой, то плавно переливаясь схожими оттенками. Другая высотка, что пониже, являлась отелем, и макушка ее представляла ярко-синий купол, к которому бесконечно поднимались капли зеленого света. Еще одно высотное здание точно так же было освещено зелеными мерцающими цветами в гранях строения. Эти цветочные танцы разгоняли темноту, а прекрасно подсвеченная Мечеть добавляла композиции уюта и ощущение праздника. Поймал себя на мысли, что это идеальная натура для художника. Просто смотри и рисуй.

– Я не могу сказать, что пожалел, ведь это было желание мамы, – не унимался Амир, – но мне совестно, ведь она явно не представляла это настолько скоропостижным, что большинства родных даже на свадьбе не будет.

– Ничего страшного тут нет, меня это уже не обижает, – я поморщил нос, пытаясь показать, что считаю все это пустяком.

– Я рад, что ты меня понял.

Отвлечись от созерцания красочных видов, я повернулся к Амиру и улыбнулся.

– Ну а как же еще? Мы же братья.

Глава 3

Кошмарное завершение отличного дня

В ночи сильнее всего прочего меня заботило то, что именно я скажу завтра в университете, и как все это будет выглядеть, ведь отец ничего мне не объяснил, сказав лишь: «Иди и покажись директору». Вспоминая о том, как прошлым летом я сопровождал своего знакомого в ГНТУ по его делам, я сильно не хотел куда-либо идти. Там творился жуткий кошмар в период подачи документов, и что-то мне подсказывало, что в ЧГУ будет не меньший ажиотаж. Я вспомнил об Арби и мне стало жаль его за то, какие свирепые очереди ему придется выстаивать, но в этот же момент в голову пришла мысль, что надо бы позвать его вместе с собой: и мне скучно не будет, и ему услугу окажу. Так несмотря на то, что мы отложили нашу возможную встречу примерно на неделю, я решил, что уже следующим утром свяжусь с ним.

Я начал читать про себя *суры* из *Кур`ана*, которые желательно повторять перед сном и, занятый их чтением, я не заметил, как уснул.

Проснувшись, я услышал, как на моем смартфоне звучит призыв на утреннюю молитву. Первое, о чем я подумал – что я не успел на *схур*, ведь утренняя молитва знаменует начало поста. Раздосадованный, я встал, нацепил домашние штаны и, протерев глаза, спустился по лестнице в ванную, чтобы совершить омовение. Несмотря на лето и дикую дневную жару Грозного, по утрам и вечерам тут было очень прохладно, особенно когда выходишь из ванной с влажными руками, ногами и головой. Приоткрыв стеклянную дверь, затемнявшую внешний мир, я увидел, что не такой уж он и темный, – пускай солнце еще не взошло – и мокрой ногой ступил на холодное крыльцо. Оглядев еще не проснувшийся город, что падал в поле моего зрения, я полной грудью вдохнул свежий утренний, чистейший – как стакан родниковой воды – воздух. Закрыв глаза, я вскинул руки, изнеженно потягиваясь, и получил приятный импульс бодрости по телу. Напоследок еще пару раз жадно наполнив грудь, я вошел обратно в дом и скользкими ногами взбежал по лестнице вверх. За окном раздался *азан* уже из Мечети. Очень красиво разливаясь по городу, он призывал людей оставить сон и совершить обязательную утреннюю молитву. Я подметил для себя и запомнил, что после *азана* на моем смартфоне стоит немного подождать, ибо он, как оказалось, немного спешит. Все же Мечети я доверял больше.

Я взял сложенный коврик для *намаза* с извивающегося подлокотника скамейки на втором этаже и, войдя в свою комнату, постелил его в направлении *Каабы*. Помолившись, я вернул коврик на скамейку и увидел, как дергается ручка двери напротив: оттуда вышел Амир, потирая глаза.

– Я надеюсь, ты собирался меня будить? – хриплым сонным голосом спросил он.

– Если честно, то нет. Я был уверен, что ты сам проснешься.

– Мужик.

– Ну а я пойду еще немного посплю.

– Давай, – он все еще потирал глаза, спускаясь по лестнице. – Эй, подожди, – Амир остановился. – Ты поел ночью?

– Нет.

– Походу мы все упустили этот момент.

– Ну, что уж теперь. Потерпим.

– Потерпим, – ухмыльнулся он и скрылся за лестницей.

Я пытался уснуть, но у меня уже не получалось. Мне почему-то стало очень тоскливо в этом доме. Я любил бывать здесь, мне всегда было комфортно находиться тут в качестве гостя. Теперь же я был тут, вроде как, постоянным жителем на ближайшие пять лет. Я чувствовал

себя неуместным, а еще на меня давило присутствие *ваши*. Конечно, я очень любил своего дядю и уважал, но он казался некой несущей глыбой. Находясь в его доме, мне казалось, будто он стоит позади каждой пришедшей в мою голову фантазии. Все мои мысли – некоторые нелепые мечты, абсолютно сформулированные цели и смелые надежды – все это становилось чем-то стесняющим, позорящим, компрометирующим меня, когда проходило через призму дяди Висайта. Бывают люди, чья энергия, чье влияние преследует тебя, когда ты находишься с ними под одной крышей. Это чувство давит тебе на грудь и постепенно перекрывает горло. В голове образовывается туман, и ты начинаешь нервничать, будучи неспособным расслабиться. Даже лежа на кровати в предоставленной мне комнате, я ощущал себя неправильно и виновато, и думал, что он вот-вот зайдет сюда, а я буду вынужден встать. Хотя казалось бы – мне должно быть тут чрезвычайно комфортно, ведь все жильцы этого дома – этакая пародия на моих московских домочадцев. В роли папы выступал *ваша*, в роли мамы – Селима, в роли Лорса – Амир, а в роли Люлюки – Алима. Но это были не они, и ночевал я не в своих родных четырех стенах, а в комнате, которая ждет, пока подрастет ее подлинная хозяйка.

Я созвонился с Арби и поехал на встречу к нему на такси, долго отговаривая Амира и Висайта от того, чтобы они подвезли меня. В такси я снова позвонил своему будущему однокурснику, и он сказал, что будет ждать на остановке у «Гранд Парка» через пять минут. Когда мы подъехали к месту назначения, Арби уже стоял и хмуро сощурил свои глаза, вглядываясь во все проезжающие машины. Увидев меня в одной из них, он направился к нам.

– *Ас-салям* 'алейкум, – протянул руку я.

– *Уа 'алейкум ас-салям!* – его рукопожатие было очень крепким.

Я из чувства такта уговаривал его сесть вперед, но он отказался и в итоге мы оба сели сзади.

– Ты знаешь точный адрес места, куда нам надо? – спросил я. – А то я совсем забыл задать главный вопрос своему отцу, с которого вообще нужно было начинать.

– Бульвар Дудаева, дом семнадцать, – обратился он к таксисту.

Солнце стояло не так уж и высоко, но все равно жгло глаза, а от духоты я уже успел целиком вспотеть. Дряхлая машина такси была нагрета настолько, что выставить локти за спущенное окошко без ожогов было просто невозможно.

На Арби было темно-зеленое поло и тонкие льняные темно-бежевые брюки, а на ногах легкие кеды. Я коротко оглядел себя – все темное и грубое. Плотные штаны, от которых в такую жару прели ноги, длинная черная футболка и массивные темно-синие кроссовки с замшей на носках. Арби показался разумно подходящим к каждому аспекту своей жизни человеком, одевшись по погоде, в то время как я оделся так, словно на дворе стоит начало осени.

– Зачем мы едем туда, Саид? Ты сказал, что расскажешь по дороге.

– Да, точно. В общем, у моего отца немало знакомых и друзей, в том числе и полезных. Говорят, он в свое время очень многим помог и многие остались его должниками, хоть он ни от кого ничего и не требует. Они сами при удобном случае пытаются оказать ему помощь, подсобрать где-то делом или своими связями и знакомствами. Один из таких его «должников» – директор Медицинского Института. Мы можем прийти к нему лично с документами и освободимся таким образом от того, чтобы стоять в очередях.

Водитель оскалил золотые передние зубы в улыбке и бросил на нас короткий взгляд через зеркало заднего вида.

– По-чеченски почему не говорите? – спросил он с сильным, но в то же время приятным акцентом.

– Никаких проблем, – улыбнулся Арби.

Дальше мы говорили только на чеченском языке.

– Так вот, – продолжал я. – Мне показалось, что я могу взять тебя туда с собой, чтобы ты не стоял и не парился в очереди.

– От такого я точно не откажусь, – он учтиво кивнул. – Если это не будет проблемой, то я был бы тебе очень благодарен.

– Я думаю, что никаких проблем не возникнет. Я же не толпу с собой притащу.

– Ты отцу сказал?

– Нет, а зачем?

– Он может посчитать, что это плохая затея, – стыдливо сказал Арби.

– Нет, тут никаких проблем не будет. Если что – я отвечаю. Но, опять же, никаких проблем.

Доехав и выйдя из такси, мы оказались у железных ворот с облезлой зеленой краской на прутьях. Молодые люди цепочкой продвигались от ворот в сторону учебных корпусов.

– И куда нам? – спросил Арби.

Я растерянно оглядывался, пытаюсь понять, где тут приемная комиссия. Спрашивать никого вокруг я не решался. Хотя я и любил всех этих людей искренней, бескорыстной любовью, я всегда считал себя чужим среди них. Даже не столько чужим, сколько нежелательным.

– Туда, – сказал я, решив, что нам нужно следовать за цепочкой, что огибала ближайшее к соседней улице здание.

Пройдя немного, мы стали различать силуэт таблички, на которой большими буквами было напечатано «ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ». Картина была очень суетливой. Молодые ребята, сидящие на ступеньках, с прижатыми телефонами к одному уху, и рукой к другому; девушки, размахивавшие перед своими лицами сложенными в файле документами, отгоняя летний зной; крупные грузные мамы в длинных платьях и испаринами на лбах.

Я чуть потянул и растряс футболку над грудью, пытаюсь охладиться.

– Ты бы в куртке еще пришел, – повел бровью Арби. – Зачем так утеплился?

– Утеплился? – хохотнул я. – Ты меня очень плохо знаешь. Я вообще почти не замерзаю никогда, и даже зимой хожу налегке.

– Значит, просто черное любишь?

– Да. Черные футболки – моя слабость.

Мы стали просачиваться через толпу гудящих абитуриентов и их родителей. Поначалу я пытался что-то бормотать в оправдание нашей наглости, но быстро понял, что никто не обращает на нас никакого внимания. Когда мы вошли в холл, то обнаружили, что людей здесь намного больше. Я стал оглядываться, прикидывая, кто мог бы помочь нам разузнать, где найти директора Медицинского Института. Лица посетителей были настолько напряженными, а лица принимающих были настолько суровыми, что я глубоко вздохнул: придется опять разговаривать с необоснованной позиции виноватого. Арби как хвостик ходил за мной, и я все ждал, когда он начнет что-нибудь расспрашивать, дополнительно сбивая меня с толку и раздражая. Но он молчал. Я уже было поднес палец к плечу стоявшего передо мной мужчины из приемной комиссии, как вдруг выхватил образ, не похожий на другие в этом суетливом месте. Единственное лицо в помещении, не выражавшее стресса. Эта молодая женщина, скрестив руки на груди, шла очень быстро. Промелькнув в коридоре, она скрылась за стеной.

– Пойдем! – поторопил я Арби.

Мы трусцой взбежали по лестнице и направились за женщиной. Она почти бежала, и мне пришлось буквально ее догонять, а ситуация в моих глазах стала потихоньку терять целесообразность. Но я зашел слишком далеко, окликнув ее.

– *Йиша*²⁰! – позвал я.

²⁰ *Йиша!* – «Сестра!» (чеч.), аналогично слову «*ваша*» используется по отношению к посторонним молодым женщинам, но к родной тете этим словом не обращаются.

Она обернулась, и я обрадовался, что на ее лице действительно нет теней раздражения или усталости. Она была взбудоражена и возбуждена, явно из-за чего-то переживая или чего-то боясь. Крупные подведенные карие глаза на красивом лице с некой опаской осматривали нас с Арби.

– Да? – отозвалась она с прислоненным к уху телефоном.

Мы с Арби нагнали ее.

– Извините, я не видел, что вы говорите по телефону.

– Ничего. Какой-то вопрос? – отвечала она с небольшой одышкой.

Она выглядела не старше тридцати. На ней был медицинский халат, а рыжие волосы накрывал платок. У нее были тонкие выразительные губы и очерченные скулы.

– Мы хотели узнать, где можно найти директора? Нам нужен директор...

– На втором этаже свернете направо, пройдете до упора, и потом налево. Там будет дверь с табличкой... ну, сами увидите.

– Как к нему обращаться? – подсуетился Арби.

– Расул Ахмедович, – ответила она, коротко взглянув нам за плечо. Улыбнувшись, она спешно удалилась.

Выдохнув с облегчением, я, дождавшись, когда она отойдет от нас на достаточное расстояние, подмигнул Арби.

– Красивая, да? Очень даже.

– Красивая, – повторил он.

– Кстати, я знал, как зовут директора.

Арби только пожал плечами, и мы поднялись по лестнице на второй этаж, разминувшись с пролетевшим мимо нас мужчиной в белом халате, который чуть меня не сбил. Мы дошли до нужной двери с надписью «Директор

Медицинского Института: Батаев Расул Ахмедович». Она была приоткрыта и по доносящимся оттуда голосам я понял, что там проходит что-то вроде собрания.

– Посидим где-нибудь тогда? – рассеяно предложил я, вспомнив, что видел буфет на первом этаже.

– Да можем и тут постоять, если хочешь. Мало ли, упустим его – и приходили зря, считай.

Мы прождали какое-то время, и это было довольно неловко. Несмотря на то, что нам удалось поладить сразу же после знакомства, мы все еще были на стадии притирки. Первое впечатление вполне может оказаться обманчивым как для него, так и для меня. В глаза сразу бросалось некое сходство в поведении, ведь иной непохожий на меня человек стал бы много разговаривать, пытаясь заполнить эти некомфортные паузы. Люди редко осознают – или же их редко волнует – что меня намного сильнее тяготит пустая болтовня, нежели нависшая тишина. Видимо, с Арби так же.

Голоса из-за двери стали приближаться, и оттуда вышло с дюжину мужчин и женщин. Судя по халатам и костюмам, я решил, что это преподаватели института. Проводив их всех взглядом, я осторожно заглянул в кабинет, и увидел, что кто-то там все же остался. Приглядевшись, я узнал в собеседнике Расула Ахмедовича своего дядю Сулеймана.

– ...потому что в этом году его хотят сделать максимально серьезным! Тот, кто это придумал, на самом деле, большой энтузиаст... – говорил Расул Ахмедович и, едва завидев меня, отвлекся от разговора. – Чем могу помочь?

Сулейман обернулся.

– Да это же Саид! – громогласно объявил он.

– Ничего себе! – тотчас вскочил Расул Ахмедович. – Это Саид?! Вот этот вот здоровый мужик?! – он подошел ко мне и приобнял по-чеченски. – Да уж, не ожидал я увидеть такого здоровяка!

– Да не такой уж я и здоровяк, – смущенно улыбался я, приспустив глаза.

– А что поделать? Я-то видел тебя вот таким малышом в последний раз! – он установил ладонь на уровне своих коленей. – А теперь ты больше меня!

– Ну, Расул, быть больше тебя не так-то сложно! – хохотнул Сулейман и с оглушительным треском схватил меня за плечи.

– Это Арби, – представил своего спутника я.

Арби тихонько вошел за мной в кабинет и поздоровался с ними. Сулейман вдруг заторопился, вероятно поняв, по какому делу я пришел.

– Расул, ты мне и одного слова не дал сказать, наверное, боялся, что если я не дослушаю тебя, то обязательно откажусь. Но как только я услышал про эту идею, у меня не возникло никаких сомнений в том, что я хочу в этом участвовать!

Я не понимал, о чем они говорят, но увидел, как Расул Ахмедович удовлетворенно выдохнул:

– Точно? Ты уверен?

– Да, мне только нужно будет немного подправить свое расписание, чтобы не возникало никаких проблем.

– Отлично! Только постарайся, чтобы это совпало со сроками начала сезона. Я ведь могу на тебя рассчитывать?

– ДА! – провозгласил Сулейман своим громким раскатистым голосом. – Ладно! Вы тогда тут общайтесь, а я пойду! Расул, – он поочередно обнимался с нами. – Не грузи их так, как грузил меня, ладно? Они тебе не скажут, но ты абсолютно невыносим!

Они рассмеялись, и Сулейман вышел. Я был удивлен их отношениями, ведь мой дядя был гораздо моложе директора, с которым общался как с ровесником. Было очевидным, что они знакомы с давних времен.

Расул Ахмедович был мужчиной в возрасте, старше моего отца. У него были прямоугольные очки в тонкой оправе, а на стройные руки, ноги, и выпирающий под рубашкой живот был надет строгий серый костюм. Он был гладко выбрит, а на его голове прямо посреди поляны седых волос обосновалась залысина.

– Так, садитесь, – устраиваясь в своем кресле, указывал нам на стулья он. – Напомнишь мне, Саид, кем вы с Арби друг другу приходитеесь?

Он говорил уже серьезно, деловито, как если бы мой дедушка рассказывал о том, как правильно лечить простуду картофельными ингаляциями.

– Это... – я подумал, что было бы нагло вот так привести с собой друга, и потому меня в какой-то момент подмывало сказать, что это мой родственник. Лгать я все же не взялся. – Это мой друг.

Расул Ахмедович снял очки, и, улыбнувшись, сложил руки на столе, как первоклассник за партой:

– Понял. У вас с собой все, что нужно?

– Да, – ответил я.

Мы положили на стол свои документы в файлах. Надев очки, он взялся изучать. Глядя на копию паспорта Арби, он задумчиво произнес:

– Абдуллах не говорил, что с тобой будет друг.

– А он и не знал. Я и сам не знал, что Арби будет поступать сюда. А потом решил, что неплохо будет взять его с собой.

– И правильно решил! – улыбнулся он. – Только, надеюсь, у тебя больше нет друзей, поступающих в наш институт.

Это было довольно хлестко, хоть и подавалось дружелюбно, но перед Арби мне стало немного стыдно.

– Так как твой *деваши* попросил меня вас не грузить, могу лишь сказать, что вы, считайте, уже студенты ЧГУ! Поздравляю вас! – торжественно заявил он и снова снял очки.

– *Дел рез хийл*, – хором сказали мы с Арби.

Я был удивлен тому, как быстро все прошло. Спустя пару минут после того, как мы вошли в кабинет, мы с Арби встали и направились к двери, а директор, держа руки в карманах, провожал нас.

– Дома все хорошо? – спросил он, положив руку мне на спину. – Как отец? Мама?

– Да, все нормально, слава Богу.

– Тебя он сюда отправил, – недовольно нахмурился он. – А сам когда объявится?! Столько раз сюда приезжал, так и не увиделись мы с ним.

– Ну, вы оба уже занятые люди, а отец мой приезжает стихийно в основном. Последний раз он был тут, когда...

– Да, – сочувственно кивнул Расул Ахмедович. – У Висайта случилось горе. Это было ужасно. Мы ведь все с детства знакомы, я тоже знал его жену. Мы все в одной школе учились.

– Да, папа рассказывал. Он еще говорил о том, как вы всех пытались утащить за собой в мединститут.

– Ха! – нервно рассмеялся директор. – Жук! Он, может, никогда этого не покажет, но будь уверен, что он жалеет, что не послушался меня! – он утер глаза. – Ладно, Саид, Арби, еще не раз увидимся с вами, больше не грузу!

После того, как наша аудиенция у директора завершилась, мы спустились и были вынуждены вновь протискиваться сквозь столпившихся у входа в корпус абитуриентов.

– Ты просто не представляешь, как я благодарен, что ты помог мне избежать этих очередей, – сдержано говорил Арби, окидывая взглядом толкучку.

– Пустяки, – ответил я. – Ничего особенного в этом нет.

– Саид! – услышал я громогласного Сулеймана.

Он стоял, скрестив руки на груди и опираясь на свой заведенный автомобиль. Его широкая белая улыбка, казалось, отражает и отблескивает в лучах палящего солнца. Он почти всегда носил спортивный костюм, в котором не будет холодно в середине осени, пусть на улице и разгар лета.

– Я чуть не уехал, но потом решил, что хочу рассказать вам, о чем я общался с Расулом!

Автомобиль стоял прямо у шлагбаума, а парень, дежуривший на пропускном пункте, терпеливо ждал, когда Сулейман уедет.

– О чем же? – вопросительно уставился я на него.

– Он рассказал, что в этом учебном году будет организован какой-то обалдеть какой серьезный футбольный турнир. Участвуют три университета. Сначала заруба будет между факультетами в каждом вузе. То есть чемпионом вуза будет команда только одного факультета.

Я глянул за спину Сулейману – парень, держа палец над кнопкой шлагбаума, натянуто мне улыбнулся.

– А дальше будут полуфиналы, где зарубятся уже разные институты. Но институтов-то у нас тут всего три, поэтому ерунда какая-то получается. Либо двум командам позволят представлять один вуз – что очень тупо даже звучит – либо все соперники проведут между собой по два матча. Кстати, есть возможность, что финал будет проходить на главном стадионе, но это еще обсуждается.

Признаться, такого шквала информации я от него не ждал. Услышанное страшно взволновало меня, ведь я всегда очень сильно любил футбол.

– Балдеж, да? Ты много лет занимался футболом, Саид, и тебе должно это понравиться! – самодовольно вещал он. – А ты как, Арби? Интересно? Играешь?

– Играть умею, только я никогда не занимался.

– Ну, что скажешь, Саид?

– Да я просто поверить не могу, что здесь будет проводиться что-то подобное!

Сулейман хлопнул в ладоши, хвастливо приподняв подбородок:

– Я не сказал главное! Расул попросил меня тренировать какой-нибудь факультет из Медицинского Института! Но я еще не выбрал и не дал свой ответ.

– Все настолько серьезно, что у нас еще тренера будут?

– Совершенно верно! Ну, что? Будешь рад, если тебя будет тренировать твой дядя?

– Да, конечно! А что с твоей группой?

– Что-нибудь придумаем, нестрашно. Буду совмещать или меня кем-нибудь заменят.

– Понятно. Ну, – широко улыбнулся я. – Мы поступаем на факультет стоматологии, так что выбирай его!

– Решено! – он по-ребячески потер руки и заговорил на чеченском. – Какие планы? Давайте домой подброшу.

– Давай, – быстро среагировал я, подмигнув парню, что уже устал дожидаться нас за пультом шлагбаума. – Садись, Арби.

Адресом Арби была улица Трудовая, дом сорок три, и я отметил, что она крайне уютная. Она располагалась прямо за многолюдным «Гранд Парком», но находилась как бы на отшибе от него, оканчиваясь крутым склоном над мелководной Сунжей.

Вероятно уюта добавляла атмосфера миниатюрного городка, где всего хватает. Длинный пятиэтажный дом, в котором жил Арби, нависал над проезжей частью, а со стороны двора – по всей длине сорок третьего дома – стояло еще четыре здания. Три из них также были жилыми, а одно – крайнее, что располагалось ближе к Сунже – было медицинским центром. В самом сорок третьем доме на первом этаже последнего подъезда был продуктовый магазин, и я приглядел еще один позади медицинского центра. Тут были и банкоматы прямо посреди улицы, а, пройдя вдоль одного из домов, стоящих напротив дома Арби, можно было наткнуться как на палатки с фастфудом, так и на окошки с шаурмой. Такие улицы меня привлекают больше, чем крупные известные достопримечательности. А жить здесь, вероятно, очень атмосферно. Я второй раз за утро поставил себе цель посетить подмеченное место в городе.

Провожая Арби, я договорился встретиться с ним вечером после *ифтара*.

– Давай сами дома сделаем разговение водой и финиками, а вот когда увидимся, тогда и наедемся, – предложил я.

– Я стараюсь сильно не наедаться, но заметано.

Когда Сулейман привез меня к дому *ваши*, я стал приглашать его зайти, но он отнекивался и только просил передать приветствие всем домашним.

Ваши сдержанно, но с интересом воспринял новость о том, что Сулейман будет тренировать меня в университетской футбольной команде. А вот новость о серьезном футбольном турнире удивила его сильнее.

– Неплохо-неплохо, только вряд ли вам будут платить, как футболистам, тогда и смысла этим заниматься нет, – говорил он.

– Да ладно тебе. Интересно же все равно. Амир, вроде как, тоже играет в футбол у себя. . .

– Да, в ГГНТУ у них секция есть, играют. Видимо, тоже будут участвовать. Глядишь – друг против друга еще попадетесь.

– Ну тут загадывать рано. . . а где он, кстати?

– Они с Селимой поехали в магазин.

– Понял, *ваша*, я пойду посплю немного. Разбудишь меня на *намаз*?

Сон во время поста – дозволенная и приятная мера, позволяющая не голодать большую часть времени. Такая роскошь, конечно, была доступна не всем, ведь большинство людей занято либо домашними делами, либо работой. Дядя Висайт в месяц Рамадан всегда брал себе отпуск. Он вообще когда угодно мог себе его взять, потому что занимал на работе руководящую должность. Где и кем он работал меня никогда не интересовало, да и окружающие сами об этом не говорили, так что эта тема теряла для меня какой-либо интерес.

В этот священный месяц я довольно часто спал днем, а утверждали, что в будущем я еще успею сполна ощутить все испытания поста, когда не буду столь беззаботен, как сейчас. Постясь, я не мог сказать, что испытывал тяжелую жажду. Я по большей части испытывал голод, потому что всегда любил поесть, из-за чего в детстве был полным ребенком. Обмен веществ, доставшийся мне от отца, мог бы помочь мне сохранить полноту и сегодня, если бы я не взялся за себя три года назад. Лишние часы в спортзале на занятиях по футболу, а также преимущественно правильное питание позволяли мне держать себя в хорошей физической форме. Я был стройным и крепким, с объемными мышцами груди и плеч, но никогда не ставил себе цели выглядеть красиво или внушительно – я лишь хотел быть в крепком и здоровом теле. Мне нравилось это наивное ощущение постоянного пребывания наготове. Часто в автобусах сквозь мои мысли проносились различные возможные сценарии: автобус заваливается и грохается набок, а я благодаря своей сноровке и физподготовке по одному вызволяю застрявших пассажиров; бандиты захватывают всех пассажиров в заложники и во главе я – их спаситель, способный на быстрые атаки и грамотно использующий сильные ноги, выбивая автоматы у них из рук, и всякое такое. Расскажи я кому такое, точно стал бы посмешищем, но самому себе я представлялся очень крутым и сильным.

Проснулся я от звука *азана* на моем телефоне. Я сел в запроваженной кровати и пусто смотрел перед собой, вспоминая, где я нахожусь и какой сегодня день. Я не выспался. Хотелось поспать еще, но было нельзя, и поэтому я лишь прилег обратно, глядя в потолок. В комнату бесцеремонно вошел *ваша* и хотел было начать меня будить, но заметил, что я не сплю. Когда он скрылся за дверью я встал, протер глаза и посмотрел в зеркало. Оттуда на меня глядело два покрасневших голубых глаза под нахмуренными густыми угловатыми бровями. Волосы были взлохмачены недавним сном, а нос немного помят из-за того, что спал я, погрузив лицо в подушку. На щеках, над и под губами прослеживалась редкая, ранняя и совсем еще зеленая щетина, которую пока и щетиной не назовешь.

Зевнув и потеряв шею, я спустился вниз, застав домашних в хлопотах на кухне.

– *Ваши*, что ты делаешь? Давай помогу, – сказал я хриплым голосом, пытаясь перехватить у него из рук стулья, которые он расставлял. – Зачем их так много?

– У нас будут гости, – улыбнулась Селима, спешившая разложить еду на столе.

– Кто? Сулейман? *Йох деца*?

– Да какой там, – послышалось бурчание Амира из кухни, который выкладывал очередную партию продуктов из пакетов на кухонном столе. – Друзья папины.

Ваши еще при жизни своей жены всегда помогал ей по дому. Тем более, если он принимал *своих* гостей. Он не позволял своей жене уставать из-за того, что он позвал к себе друзей. Теперь ее с ним нет, но привычки остались: он никогда не брезговал помощью по дому.

– Ты зануда, – весело отвечал он Амиру. – Тебе тоже никто не запрещает кого-то сюда приглашать!

– Я никогда никого не вожу!

– Я сказал, что водишь? – рассмеялся *ваши*. – Я только сказал, что тебе это не запрещено!

Предчувствуя их недовольство тем, что на *ифтар* я не останусь, я очень неловко, неаккуратно заговорил:

– Я бы хотел... я, наверное, хотел бы выйти... я только финики поем, ладно?

– В смысле? – продолжая копошиться в пакетах, спросил Амир.

– Ну я только воды попью и фиников поем, потому что потом поеду встретиться с другом.

С ним и поедим.

– Ну, валяй. Дело твое.

Селима цокнула, недовольно взглянув на Амира.

– С нами тебе уже не интересно? – улыбаясь, спрашивал *ваши*.

Увидев, как он подвязывает подстилки к стульям, я решил не ждать его разрешения помочь, и самостоятельно забрал у него несколько штук.

– Интересно, конечно, – я присел, обхватывая веревками спинку стула. – Просто это мой новый друг, с которым мне еще учиться. Познакомился бы с ним поближе.

– Иди, иди, все равно у нас впереди не один совместный *ифтар*, дай Бог.

Когда подошло время вечернего *намаза*, я пожевал фиников, выпил стакан воды, помолился, а потом выбежал из дома к ожидавшему меня такси. Арби написал мне:

Едешь? 19:10

Да. Буду через 7-8 минут. 19:11

Второй раз за день я застал Арби ожидающим меня у «Гранд Парка». Он стоял на белых ступеньках, облокотившись на перила, и держался очень робко. Стоя прямо у центрального входа в торговый центр, он глядел прямо перед собой, не рассматривая окружающих. Руки были сложены и сцеплены в пальцах, а подбородок приспущен вниз. Он выглядел так, как чеченские мужья выглядят в гостях у родственников своих жен.

– Если тебе так безрадостно со мной видется, ты мог бы просто об этом сообщить, – весело окликнул его я, подойдя к нему.

– С чего ты так решил? – усмехнулся он.

Мы поздоровались.

– Стоишь такой грустный.

– Я не грустный, а задумчивый, – ухмыльнулся Арби.

Что снаружи, что внутри самого торгового центра было так много людей, что казалось, будто тут собрался весь город. В «Гранд Парке» всегда было полно народу, но в праздничные дни тут небывалый ажиотаж. Мне всегда казалось, что в карусели мелькавших вокруг лиц я вижу некоторые знакомые мне, но такое явление для Грозного всегда было столь же нормальным, как, например, дышать носом.

– Что будем есть? – спросил я, когда мы поднимались по эскалатору.

– Не знаю. Ты выбирай.

– Я достаточно всеяден, – пожал плечами я. – Так что выбрать тебе.

– Так и я тоже, – ухмыльнулся Арби.

Он вел себя в точности, как вел бы себя и я, но почему-то изначально наше взаимодействие складывалось так, будто он мой гость. Мне не нравилась позиция нападающего: я всегда любил быть тем, кто отбивается от любезностей, а не придумывает их.

– Ну, смотри. Я в основном ем дома и стараюсь есть правильно, но, приезжая в Грозный, я всегда первым делом ем столько фастфуда, сколько хватит, чтобы мне это надоело...

– Потому что в Москве мало *халяльного* фастфуда? – повел бровью он.

– Да его там вообще нет, – подтвердил я. – В общем: гастритом не страдаешь?

– Нет.

– Тогда бургеры.

Он не стал отпираться, только развел руки.

В ресторанном дворике на третьем этаже расположилось множество стоек с самой разной кухней: тут и тандыр, и шашлычная, и суши, и национальная кухня нашей и соседних республик, и замороженные йогурты с прочими сладостями. Вкусно поесть чеченцы любили всегда.

– А вот и бургеры, – я ткнул пальцем в меню, висевшем над одной из стоек.

– Саид, если что, то платить буду я.

– Если «что» – ладно. А если «ничего» – то я. Сейчас именно «ничего», – отмахнулся я.

Он рассмеялся:

- Нет-нет, без условий. Я буду платить.
- Интересно, кто тебе это сказал?
- Я ведь тебя сюда позвал.
- По-моему, тебя пригласил именно я.
- С чего ты взял?

Я и впрямь забыл, кто кого приглашал, поэтому решил искать другие аргументы:

- Ты мне уже оказал услугу, разбудив в аэропорту.
- А ты мне оказал услугу, взяв с собой к директору.

Мы безмолвно постояли, глядя друг другу в глаза, и в них читалось только одно: не проиграть.

– Арби, я голодный, я только фиников поел и воды попил, так что давай не будем тормозить. Я заплачу, и мы спокойно поедем.

– А я и фиников не ел, и воды не пил. Так что да, давай ты не будешь тормозить, и дашь мне все сделать, как надо.

- Дерзко.
- Ты сам это начал.

Неловкость и расшаркивания начинали отступать: совместное веселье всегда сильно сближает. Мы стояли у стойки и продолжали спорить под смешки кассирши.

- Сзади нас уже очередь образовалась! – сказал я.
- Так мы еще даже заказ не сделали из-за тебя.
- Из-за меня?!

Он повернулся к молодой девушке в фирменном фартучке с названием заведения и озвучил два комбо-обеда с бургерами и деревенской картошкой.

– А мне еще добавь, пожалуйста, ролл с курицей, – подытожил я.

Девушка ввела нужные позиции на своем экране.

- Что-нибудь еще? – словно намеренно выдавив высокий голосок, спросила она.
- Нет, сколько с меня? – я достал свой небольшой замшевый кошелек.

– Извини, не слушай его, он хотел сказать «сколько с Арби?», – он тоже завозился в кармане, доставая купюру.

Девушка озвучила сумму, и мы с ним одновременно выбросили руки, выставив свои купюры на стойку.

- Ну и какую мне брать? – давилась со смеху кассирша.
- Зависит от тебя, – улыбнулся Арби.
- Я возьму у тебя, потому что услышала твое имя, – обратилась она к нему.

Я нахмурился.

- То есть в этом было дело? Тогда меня зовут Саид.
- Ну, все-все, – она прикрывала рот рукой, смеясь, – пропустите следующих.
- Это твоя первая и последняя победа надо мной, – холодно сказал я Арби.

Мы отошли в сторону, а к кассе вышли две женщины в возрасте с маленькой девочкой.

– *Халам дол шу шигъ*²¹, – с напускным и шутивным недовольством произнесла одна из них.

– Ничего, было интересно, – подмигнула нам вторая. – Я болела за беленького.

Подавив смешок, мы с Арби нашли только что освободившийся столик. Предыдущие посетители – группа шумных парней – забрали свои подносы и направились к урне.

- В следующий раз тебе будет нечем оправдать свое право на то, чтобы платить.
- Да это пустяки, просто отпусти эту ситуацию, – улыбался он.

²¹ *Халам дол шу шигъ* – «Долго же вы возитесь» (чеч.)

– *Дал сах дойл*²², – серьезно поблагодарил я.

– *Ханал хийл*²³, – рассеянно сказал он, чуть повертывая в руках чек с номером нашего заказа.

В Рамадан – то есть в праздничные дни – город жил очень интенсивной, насыщенной жизнью. Торговые центры, центральные площади и проспекты, а также маленькие и бедноватые улицы наполнялись народом, что пребывал в радостном, приподнятом настроении. Все наряжались в свои лучшие выходные одежды и прогуливались со своими семьями. Жизнь становилась вечерней, ведь именно вечером, когда заходит солнце, появляется возможность порадовать себя одним из основных удовольствий мирской жизни – вкусной едой.

– Ты сказал, что правильно питаешься? – спросил Арби, коротко кивнув на меня.

– Стараюсь. Но, если говорить в общем и целом, то да.

– А футболом ты больше не занимаешься? Не думал совмещать с медициной?

– Нет. Я и не представляю, как это совмещать.

– Ты ведь профессионально занимался?

Я усмехнулся.

– Ох, еще как. Даже ланы на жизнь я строил футбольные, грезил карьерой.

– А бокс, борьба?

– Это все тоже было, конечно, но только для того, чтобы уметь.

– Точно, ты ведь, кажется, все это мне уже рассказывал, извини.

– Да ничего, ты не обязан помнить. А с тобой все нормально?

Он поднял на меня свой взгляд, пристально и хмуро выглядывая подвох, которого не было.

– Да... – неуверенно ответил он. – Почему спрашиваешь?

– Ты какой-то несобранный, – заметил я.

– А, – он выдавил ухмылку. – Так я ведь голодный. Как будто ты сам этого не понимаешь.

Он уклонялся от ответа, и я хорошо знал, что это такое, так что допытываться не стал. Девушка за стойкой окликнула нас, и мы с Арби встали со своих мест.

– Ну уж нет! Все оплатил, так теперь хоть сиди спокойно, а я все принесу.

Он лишь поднял руки, не собираясь перечить.

Когда ешь после длительного голодания, вкус ощущается совсем иначе. Рецепторы ликуют, обрабатывая пищу, которую ты вкушаешь, а мозгу кажется, что ты способен есть и есть без остановки.

– Да, поесть я люблю, – оправдывался, пережевывая бургер.

– Да? – Арби запивал еду газировкой. – А по тебе не скажешь.

– Надеюсь, ты не хочешь сказать, что я тощий.

– Нет, ты не такой тощий, как я, но и не выглядишь человеком, который любит поесть.

– Любить поесть – не значит есть много.

– Не спорю.

– Да и ты не тощий. Ты явно жилистый, так что давай без самокритики.

– А кто сказал, что я недоволен тем, что я тощий? – его ожившие брови давали понять, что настроение у него и впрямь поднялось. – Я двенадцать лет занимался дзюдо. Мы на тренировках очень много бегали.

– Обмен веществ – наследственное. Вряд ли бег сильно влияет на телосложение.

– Но на здоровье влияет точно.

– Безусловно.

²² *Дал сах дойл* – «Пусть Бог Воздаст» (чеч.)

²³ *Ханал хийл* – «И тебе» (чеч.)

Мы немного помолчали, усиленно принявшись за еду. Наедаться я не любил, потому что ненавидел ощущение тяжести, но после голодания бывает трудно уследить этот момент, потому наелся я в этот раз знатно. Я глядел по сторонам, и взгляд упал на очень милого ребенка, которого молодая мама кормила каким-то фруктовым пюре из баночки: пока молодой отец развлекал ребенка рожицами, мама подносила крохотную ложечку ко рту малыша. Я просиял, созерцая эту картину, и увидел, что Арби тоже смотрит на них.

– В самолете ты говорил об обстоятельствах, которые тебя привели в Грозный, – прожевав, спросил я у Арби. – Что за обстоятельства? Если это не секрет.

Он повернулся.

– Знаешь, наверное, секрет, – не постеснялся пресечь он, чем сразу приумножил моего уважения. – Дело в том, что я на самом деле не так представлял свой переезд и проживание тут. В моих мыслях и планах все было иначе. Но случилось, как случилось. Не все зависит от меня, – он открепил салфетку от стопки, утерев ею рот. – Есть что-то, чего я не хотел бы обсуждать ни с кем.

– Я хорошо понимаю это, – кивнул я, глотнув холодного чая из соломки. – Твое дело, конечно. Может, тогда ты сможешь поведать, что не так с твоим, как ты сказал, «проживанием тут»?

– Ну... смотри, ты ведь поселился с дядей и двоюродным братом?

– Да.

– Но тебе было бы комфортнее, будь тут твои родители?

– Конечно.

– Вот и мне не хочется никого напрягать из своей родни, пускай я и знаю, что они примут меня с распростертыми объятиями. Слава Богу, что у меня тут есть родительская пустая квартира, и я могу жить в ней, но одному мне бывает скучно. Будь здесь и мои родители – все было бы отлично.

– А друзей у тебя тут нет, к кому бы ты мог заехать пожить?

– У меня в целом не так много друзей, и ни один из них не живет в Чечне. Я вырос не здесь, а когда приезжал погостить – связей не выстраивал.

– Арби, ты замечаешь, как много между нами сходств? Не знаю, видишь ли ты это, но я прямо поражаюсь, – мне было очень неловко это говорить.

– Это неловко слышать, – озвучил он. – Но да, замечаю.

– Говоришь, что живешь один? Тут, на Трудовой?

– Да.

Внезапно мне в голову пришла одна идея, которая стала обволакивать мой разум и очень стремительно заполнила собой все мои мысли; состыковалась с пробелами, переживаниями и ощущениям дискомфорта, которые я уже успел испытать, и к которым готовился в будущем: я хочу поселиться у него. Это могло бы сильно все для меня упростить, это могло помочь мне обрести самостоятельность. Я бы не уставал от гнетущих, раздражающих помыслов о том, что я нежеланен в доме *ваши*, что я мешаю семейной жизни Амира и Селимы, что я приехал и просто навязался людям, у которых свои жизни и свои дела.

– Может быть, – пожимая плечами, то убирая руки со стола, то снова складывая их на него, обременено заговорил Арби. – Если тебе это ничего не усложнит, или если это не обидит твоих родственников, и, конечно же, что важнее – если ты сам этого хочешь – ты мог бы заселиться у меня. Вместе веселее, да и ты, как я вижу на первый взгляд, парень без лишнего, – он выглядел нерешительно и уверенно одновременно. Арби оставлял ровно такое впечатление.

Я медленно поднял взгляд на него. Мне уже откровенно не верилось в происходящее, потому что по первой наша с ним связь казалась уже просто невероятной. Тяжело игнорировать сходство с человеком, который озвучивает мысли, которые только-только посетили твой разум. Тем не менее, будто бы боясь спугнуть его настрой, я говорил очень спокойно и осторожно:

– Это отличная идея. Если ты предлагаешь это не из вежливости – надеюсь, что я откажусь, – то я согласен.

– *Давала*²⁴, – воодушевленно махнул он. – Мы ведь еще не доросли до того, чтобы предлагать такие вещи только лишь из вежливости, не думаешь?

– Верно, – подтвердил я.

Закончив с едой, мы стали собирать свой мусор и опустошили свои подносы у урны. Проходя мимо стойки, мы поблагодарили кассиршу под смущенной улыбкой ее порозовевших щек, и направились в уборную, чтобы помыть руки.

– Можешь сейчас зайти ко мне, если хочешь, – говорил Арби, намыливая руки над раковиной, глядя на меня через зеркало. – Ознакомишься, так сказать. Мало ли, может тебе не захочется там жить.

– Я зайду просто из интереса. Не знаю, что там должно быть такого, чтобы такой непривередливый человек, как я, решил передумать.

Он лишь пожал плечами и мы спустились вниз. На выходе образовался небольшой затор: кто-то уронил столик с детскими игрушками, которыми неподалеку от входа торговала дородная взрослая женщина в платке. Ей уже помогало несколько мужчин и толпа ребятни, потому мы с Арби отошли в сторонку, облокотившись о перила на крыльце, и осматривались вокруг.

– Это удивительно, – сказал я, наблюдая за веселящейся молодежью.

– Что? – спросил Арби.

– В момент, когда ты предложил поселиться у тебя, я размышлял над тем, чтобы предложить то же самое.

– Да ну? – он посмотрел на меня. – Здорово, что я не навязал тебе это. Рад, что не придется зависать в четырех стенах одному.

– Да уж, осталось только пройти через испытание моим дядей, – улыбнулся я и опустил взгляд на двух парней из той компании ребят, что занимали столик в ресторанном дворике до нас.

Один из них – тот, что покрупнее, – обтянутый белой футболкой, стоял ко мне лицом и смотрел прямо на меня. Что-то сказав своему собеседнику, он кивнул в мою сторону и оглушительно расхохотался. Его смех из-за шума вокруг было слышно не так хорошо, но, судя по до предела напрягшейся шее, он просто разрывался. Тот, что стоял напротив него, повернулся ко мне, обнажив зубы в небольшой снисходительной улыбке, и отвернулся обратно.

В моей голове все замерло и затихло. Казалось, будто все, что происходило с самого первого раза, когда мне в голову пришла мысль переехать сюда – шло именно к этой насмешке двух совершенно не знакомых мне парней надо мной. Я понятия не имел, что их так развеселило, но только понимал, что они совершили большую ошибку. На большую ошибку собирался пойти и я. В такие моменты ноги всегда несут меня сами, пускай я и пытаюсь себя отговорить.

Это было мне. Они смеются надо мной вот так, при всех. Нагло и неприкрыто, видя, что я на них смотрю.

Я понимал, что это могло быть простым совпадением.

Но он кивнул прямо на меня. Даже не на рядом стоящего Арби.

Я пытался проворачивать в голове моменты, когда и я мог выглядеть так, словно над кем-то смеюсь, при этом не подразумевая ничего плохого.

Он смотрел мне прямо в глаза. Или я хочу, чтобы любой мог вот так безнаказанно надо мной смеяться?

Меня посетила уверенность, что это точно какое-то недоразумение.

Одной наглости в его взгляде достаточно, чтобы действовать.

²⁴ *Давала* – дословно «Отойди», но часто используется в значениях «Да ладно тебе/Хватит/Прекрати» (чеч.)

Арби что-то говорил мне, но я отклеился от перил, сбежав вниз по лестнице. Мой нахмуренный взгляд был устремлен прямо в здоровяка. Моя челюсть, пытаясь справиться со злобой, скользила по зубам взад-вперед. Я шел на него спокойно, размеренно, не замечая никаких преград: их почти и не было – все словно сами расступались передо мной, а кто-то успевал засмотреться на меня, увидев мои намерения. Я услышал озадаченный голос Арби и почувствовал его руку на плече, но, дернувшись, снял ее с себя.

Ну же, почему ты теперь на меня не смотришь?

Я был уверен на все сто, что он уже давно завидел мое приближение краем глаза, но продолжает упорно делать вид, что не замечает меня, и что очень сильно увлечен разговором со своим собеседником. Так делают, когда боятся.

– Саид!

В момент, когда я услышал оклик Арби, я уже подошел к тем парням слишком близко, чтобы кто-то смог меня остановить. Здоровяк лишь сейчас одарил меня своим вниманием, и я тут же отпихнул его от собеседника, чтобы вывести себя на чистый удар. Он немного засеменял, попятившись, и ошарашенно на меня взирал, и в этот момент, вложив всю возникшую как из ниоткуда ненависть и злобу, презрение и глубочайший гнев, я ударил его в челюсть правым боковым настолько сильно, что он, будто грубо подкошенный стебель подсолнуха, рухнул на землю. Зрелище всегда страшноватое.

Для меня всегда было странным то, как вообще могут в человеке совмещаться и главенствовать два ровно противоположных качества – неконтролируемый гнев и такой же, практически бесконтрольный порыв совести. В моих делах и ощущениях это всегда выражалось в практически аномальном отношении к происходящему. Вот я его ударил, вот он рухнул прямо на мраморные плиты крыльца, вот он не может ни на чем сфокусировать свое зрение, а напротив – я, вдруг решивший оскорбиться его смехом. Мне стало ужасно жаль этого человека за то, что он пал жертвой моей необузданной ярости, с которой я просто не сумел справиться.

Самым паршивым в таких ситуациях было то, что я, вопреки своим сменившимся чувствам – как выглянувшее солнце из-за туч после ливня – был будто бы обязан обществу держаться той планки, которую сам же установил. Мне хотелось подбежать к нему и помочь, но теперь я сохранял злобный, гневный и опасный вид.

После того, как он упал и перевернулся на спину, поднялась жуткая суета. Все, кто находились в непосредственной близости, в одночасье стали участниками происходящих событий. Женщины и девушки завизжали и запищали, а абсолютно каждый мужчина и парень на огромной скорости подлетел к нам. Они толпой схватили меня, уводя в сторону, и оттащивали второго парня, стоявшего с тем, которого я вырубил. Он явно пытался добраться до меня. Тут во мне опять что-то крутанулось, будто бы тумблер снова переключился на другой показатель, и я стал рваться в его сторону. Меня раздражало, что после всего произошедшего он еще пытается ко мне подойти.

– Отпустите! – кричал я на чеченском тем миротворцам, что столпились вокруг меня. – **ОТПУСТИТЕ, Я ВАМ СКАЗАЛ!**

Я видел, как Арби с недюжинной силой успешно растаскивает толпу, и я тут же подкараулил момент и вывернулся из рук совсем молодого юнца, который думал, что сумеет удержать меня в одиночку.

– *Халац и! Халац и²⁵!* – закричали вдруг люди вокруг.

Я подлетел к другу здоровяка и неаккуратно, но сильно выбросил кулак, но только из-за всех тех, кто окружал его, угодил лишь ему в плечо. Он остервенело задергался, приседая и выпрямляясь, чтобы высвободиться от оков, но у него ничего не получалось.

²⁵ *Халац и!* – «Хватайте его!» (чеч.)

– *Хьо ху до гьертти ву*²⁶? – нарочно нагло высмеивал я его потуги.

На меня снова чуть не навалилась толпа, но Арби, сурово взирая на всех, отталкивал их и говорил, что сам со мной разберется, и что никому лезть не надо.

– Все, Саид, – пытался успокоить меня он, крепко удерживая мои плечи и отводя подальше. – Что там такого случилось?

– Потом, – переводя дыхание, отвечал я. – Отпусти, отпусти меня, я ничего не буду делать.

Он ослабил хватку, но оставил руку у меня на лопатках. На нас двигались опоздавшие зеваки, которые спрашивали, что произошло и кто дерется.

– Уже никто, – ответил я, пытаясь проглотить загустевшую слюну.

– Пойдем сюда, – Арби указал мне за угол здания торгового центра.

Я оглянулся и увидел, что нас провожают, замедляя шаг, несколько мужчин, будто бы удостоверяясь, что продолжения драки не будет. Мы остановились у торца здания, и я присел на бетонный выступ, осматривая ноющий покрасневший кулак. Ударил я его очень сильно. Настолько, что мог повредить кости руки, но понять это будет легко: если не будет распухать – значит, ничего не сломал.

– Что у вас случилось, Саид? – вид у Арби был очень недовольный и даже раздосадованный. – Что, это твой какой-то давний враг, которому ты решил отомстить только сейчас?

Я осознал, если я скажу все, как есть, я буду выглядеть просто законченным глупцом. Но совершенного не воротишь.

– Мне просто показалось...

В этот момент из-за спины появился один из постовых. Эти люди в камуфляже всегда стояли вдоль центральных улиц. Вооруженные, они круглосуточно патрулировали улицы, сменяя друг друга. Конечно, такая суета на крыльце «Гранд Парка» не могла не привлечь их внимания.

– Что случилось, почему ты его ударил? – спросил высоченный смуглый мужчина с темными мешками под глазами и черной бородой.

Я смотрел на него с сожалением и стыдом за то, что мне нечего ему ответить. Кроме того, что на такой вопрос практически никогда не бывает достойного ответа – мой ответ мог вообще выставить меня идиотом. Глубоко вздохнув и дернув поднятой кверху ладонью, я все же решил сказать, как есть:

– Я стоял... а он стоял тоже... и он на меня смотрел, что-то говорил и смеялся.

Арби, нахмурившись еще сильнее, уставился на меня, а постовой, явно смущенный услышанным, иронично улыбнулся:

– Ты бьешь всех, кто смеется, или всех, кто на тебя смотрит?

– Нет, – дрогнул я в нервной усмешке. – Мне показалось, что он смеется надо мной.

– Ты у него спросил, над чем он смеялся?

– Нет.

– А вдруг он смеялся не над тобой?

Теперь мне только так и казалось.

– Мне так не кажется, – твердо сказал я.

Арби заговорил с постовым, а я опустил голову, вперив взгляд в асфальт.

Как же это было глупо и неотесанно. Как же это было неправильно. Действительно – я ведь мог просто спросить, над чем он смеялся. Мы могли бы поговорить об этом. Он бы сказал, в чем дело, мы бы дали по рукам и разошлись, подружившись. Но дело в том, что я никогда не умел разбираться в таких ситуациях на словах. Все эти «Что, проблемы?» или «Ты мне что-то сказать хочешь?» – это все не для меня. Я всегда поступал по принципу «задели – ударь», и

²⁶ *Хьо ху до гьертти ву?* – «Ты что сделать пытаешься?» (чеч.)

никогда, помимо самих этих моментов помутнения, я не считал это правильным выходом из ситуации. Никогда, даже если противник был объективно виноват – я не злорадствовал и не считал себя хотя бы правым.

Да и я знаю таких, как он. Ведь подойди я к нему с расспросами и заведи с ним разговор, он бы стал на правах новоиспеченного товарища позволять себе какие-то вольности – прощупывая почву, – после которых я бы все равно так или иначе его ударил.

Договорив с Арби, постовой кивнул нам и ушел. Люди поочередно подходили к углу здания, посматривали на меня и удалялись – их мгновениями позже сменяли другие зеваки. Чеченцы любят суету, и я мог бы с уверенностью сказать, что где-то в глубине души они огорчены, что все закончилось.

Арби присел напротив меня. Он смотрел по сторонам, покачивая головой, отчего мне становилось только хуже.

– Саид, а что это было вообще? – спросил наконец он.

– Сам не знаю, Арби. Я понимаю, как это могло выглядеть...

– У нас было отличное настроение и в целом сегодня хороший день. И что ты сделал? Еще и в месяц Рамадан.

– Я просто не смог себя контр...

Из-за угла появился тот, второй. Его глаза были широко раскрыты в безумевшем взгляде, а волосы были взъерошены. Он пошел к нам, и мы с Арби встали. Я был наготове вмазать ему хорошенько, но уже защищаясь, а Арби сразу двинулся на него.

– Уходи, – хлестко сказал Арби, став прямо у него на пути.

Тот не остановился даже когда Арби установил руку у него на груди.

– Я же сказал, уходи, – повторил Арби.

– Я ничего не собираюсь делать! – ответил наконец он, подойдя достаточно близко ко мне.

– Что нужно? – спросил я, попытавшись отодвинуть стоявшего между нами Арби.

– Что это было? – не отходя от шока, спросил меня парень.

– Вы все по очереди будете у меня это спрашивать?

– Ты знаешь Мовсара? – продолжал спрашивать он.

– Какого Мовсара?

Парень замер, в недовольстве поджав губы:

– Ты даже имени его не знаешь?

– Послушай, – я подошел к нему поближе, злобно его осматривая. – Ты что-то хочешь сделать или нет? Если да – то делай, а если нет – иди помогай другу.

– Он мне не друг, я вообще с ним час назад познакомился. Но то, что ты сделал – это как вообще понимать? Так дела тут не делаются, я по тебе вижу, что ты не местный. Не знаешь, наверное.

Ох, как меня это раздражало.

– Подожди, – заговорил я на чеченском, в этот раз успешно отодвинув Арби. – Местный, не местный, ты сейчас что сказать пытаешься?

– Я с тобой не ругаться пришел, я хочу понять, что случилось.

– Если ты не знаешь, что случилось, значит, это не твое дело.

Мы стояли, глядя друг другу в глаза. Мои выражали суровую решимость, а его были полны искреннего недоумения. Я увидел, что он не желает мне зла.

У него были яркие янтарные глаза и светло-русые волосы. Он был шире меня в плечах и чуть выше ростом. На щеках его проступала светлая щетина, а нос у него был прямым, но с небольшой горбинкой. Уголки тонких губ будто отражали призрак полуулыбки даже сейчас, когда он был на взводе, а глаза были немного сощурены в углах, что сразу произвело впечатление о нем как о человеке спокойном и рассудительном.

– В общем, ладно. Мое имя – Джохар.

– Я – Саид, а это – Арби.

Я всегда в такие моменты словно видел себя со стороны. Когда я на эмоциях или на каких-то разборках, даже говоря совершенно безобидные вещи, я выгляжу угрожающе. И это смешно. Как сейчас, метая пальцы на себя и Арби, стоя прямо перед Джохаром, я будто бы чем-то ему угрожал.

– Будем знакомы, – он пожал нам руки. – С Мовсаром все нормально, если интересно, но к врачу я его сейчас отвезу.

– Зачем? – встрепенулся я.

– Он ударился головой, она у него кружится, – недовольно глядел на меня Джохар. – Наверное, сотрясение. Ладно, мне надо поспешить.

– Подожди, – окликнул его я, когда он почти скрылся за углом. – Оставь свой номер, чтобы я был в курсе, что с ним.

Он удивленно воззрился на меня, но номерами мы обменялись.

Когда мы с Арби, пройдя сотню метров с небольшим вдоль квартала, вышли на улицу Трудовая, меня вновь захлестнул ее уют. Был вечер, и ощущение веселого празднества тут проявлялось даже в большей степени, чем на шумных центральных улицах. Тут все было реальным, домашним, без выставочных и витринных выкрутасов. У каждого из восьми подъездов стояли лавочки, и на каждой из них сидели самые разные компании: бабушки в домашних платьях, приглядывающие за носящимися по улице босоногими внучатами; бородатые старики с тросточками, мирно и тихо – точно престарелые волки, следящие за своей территорией – сидят с четками в руках, нашептывая *зикр*; молодые ребята в шлепках и с кепками на макушке, которым не хватает места на лавочке, и младшим из них приходится сидеть на корточках; девушка на свидании с парнем, держащая под руку двух своих сестер, а смущенный, но при этом напускающий на себя хамоватый и дерзкий вид кавалер стоит напротив, держа одну руку на своем крутом автомобиле, словно пытаясь таким образом придать себе больше уверенности; парни и девушки, расхаживающие по улице туда-сюда с телефонами у уха и боязливо оглядывающиеся вокруг, чтобы их никто не услышал.

Машины такси то и дело прибывали на эту улицу, либо выпуская мужчин и женщин у подъездов, либо увозя их.

– Тут прямо карнавал, – заметил я.

– Да, шумная улица.

Настроения у Арби не было, и мне показалось, что лучше бы сегодня мне сразу поехать домой.

– Арби, давай я сейчас домой поеду.

– Почему? Мы почти дошли.

– Я в не лучшем расположении духа. Да и ты, наверное, тоже.

– Со мной все нормально, просто это была адреналиновая ситуация, сам понимаешь.

– Да. И все же, день испорчен.

– Согласен, но это не означает, что теперь нужно заикливаться на этом. Ты поддался эмоциям, поступил неправильно. Что – теперь не жить тебе?

Он говорил ровно то, что и я говорил бы. Я поймал себя на мысли, что все то время, что мы будем дружить, я буду всякий раз поражаться тому, сколь сильно мы с ним, все-таки, похожи.

Поразительное дело. Я относился к дружбе очень скептически, а теперь рассуждаю на тему того, что кто-то смог бы стать мне хорошим другом. Странно было предполагать, что во всем мире, в котором миллиарды людей, я не сумею найти человека, которого смогу назвать другом. Арби был не просто кандидатом на это место – это уже я надеялся сделаться ему другом.

– Я бы не хотел, чтобы кто-то думал, что я на самом деле такой. Что от меня можно ожидать чего угодно.

– Ничего особенно ужасного не случилось, просто ты слишком форсировал эту драку. Обычно сперва в ход идут хоть какие-то слова, – заключил он, улыбнувшись и кивнув кому-то из соседей. – Нам сюда.

Мы вошли в четвертый подъезд. Внутри не работали лампочки, и мы почти вслепую поднялись на четвертый этаж. Его квартира располагалась справа на лестничной площадке. Он крутанул замок и отворил дверь, издавшую царапающий барабанные перепонки визг.

– Вот сюда.

Арби включил свет в прихожей, и я увидел очень приятную и весьма просторную квартиру в современной отделке. Прямо напротив входной двери находилась первая комната, а слева через широкий дверной косяк с двумя распахнутыми дверями – которые, как казалось, никогда не закрывались – открывалась большая гостиная. Справа от прихожей уходил коридор – вдоль которого была дверь в ванную комнату – и упирался в кухню с балконом.

– Тут красиво! – воскликнул я. – А сколько комнат?

– Три, – сказал Арби, снимая обувь.

– Две я увидел, а где третья?

Он повел меня по квартире, показывая, где что находится. Меня удивило то, что ремонт здесь был, по всей видимости, сделан не так давно.

– Я думал, что вы тут толком не жили.

– А мы тут и не жили. Просто отец не любит оставлять что-то недоделанным, поэтому он тут все обставил.

– Здорово.

Он проводил меня в гостиную. Сразу справа была еще одна комната, которую Арби указал как свою. У окна гостиной стоял большой деревянный лакированный стол с закругленными углами, что придавало ему форму неполноценного овала. Справа, у стены, граничащей с комнатой Арби, на черной стеклянной тумбе располагался большой плоский телевизор, а под ним на полках тумбы лежали телевизионная приставка и, как я понял, интернет-роутер. Красивый узорчатый сиренево-серебристый ковер был выстлан под длинным серым диваном по другую сторону гостиной. Свободные от ковра углы обнажали линолеум древесного цвета, укрывавший пол во всей квартире. Под столом у окна я заметил движение.

– Да ну! У тебя есть кошка?! – восхитился я.

Кошка выглянула из-под стола и вышла на свет. По размерам я понял, что это кот. Огромный, роскошный, величественный темно-серый – почти синий – короткошерстный британец. Огромные миндальные глаза самого шоколадного цвета из существующих, то ли надменно, то ли оценивающе меня оглядывали.

– Ну прямо снежный барс, – я хотел было подойти к нему, но при первом же моем шаге он попятился, и я решил не торопиться.

– Да, я его очень люблю. Помнишь, после самолета вы отвезли меня на Розы Люксембург?

– Да.

– Я ездил в том числе и за ним. Это мой кот.

– Сколько ему лет?

– Семь, кажется. Точно не скажу.

– Взрослый. А кличка есть?

– Боксер.

– Откликается?

– Да.

– А порода какая классная... ладно, я еще успею с ним поиграться.

Мы пошли дальше. Он провел меня на кухню, обустроенную красивым серым гарнитуром с декоративно обрисованными прожилками. За плотными белыми занавесками, свисающими до пола, вела дверь на незастекленный балкон, а по центру кухни – у стены – стоял накрытый белой скатертью стол. За столом было четыре больших белых стула с высокими спинками. Далее он повел меня в комнату, которую я увидел первой, что была напротив входной двери. Именно ее он и собирался предоставить мне. Ровно так же, как и вся остальная квартира, она была полностью обустроена всей необходимой мебелью. Тут – слева от входа комнату – стоял шкаф-купе с тремя зеркальными дверьми, а рядом еще и обувной шкафчик с тремя выкатывающимися полками. Здесь был и диван, стоявший справа со стороны двери, а у окна с видом на Трудовую улицу – рабочий стол с выдвижными ящиками. Позади рабочего стола стоял массивный комод.

– Помимо того, что квартира и впрямь очень хорошая, ты сыграл на ожиданиях, – улыбнулся я. – Когда скромно предположил, что мне не понравится. Я в настоящем восторге.

– Я очень рад, – учтиво кивнул он. – Показать свою комнату?

Я кивнул, и он показал самую отдаленную по планировке комнату, что была того же размера, что и предыдущая. Она также имела практически зеркальную обстановку относительно окна, открывавшего вид проезжей части и длинного дома соседней улицы: тоже шкаф-купе, тоже рабочий стол (только тут он был не подле дивана, как в другой комнате, а напротив него), а также комод. Не было лишь высокой обувной тумбы.

– Тут уютно. Вообще на Трудовой очень уютная атмосфера. Здесь приятно находиться.

– Не могу не согласиться, – пожал плечами Арби.

– А это что?.. – спросил я, указав пальцем ему за спину.

За ним на стене было несколько коротких горизонтальных сечек на обоях, идущих вертикально друг за другом.

– Это? – неловко оглянулся он. – Это я свой рост фиксировал, пока мы тут ремонт делали. Тут, вроде как, три отметины, – задумчиво произнес он, проводя пальцем по сечкам. – Да, три. Последнюю делал года полтора назад.

– Давай еще одну поставим? – предложил я. – Интересно сравнить.

– Давай, – он потянулся к выдвижному ящику рабочего стола и достал канцелярский нож. – Держи.

Приняв нож у него из рук, я выдвинул лезвие и провел по стене ровно по уровню макушки вставшего у нее Арби. Он был выше, чем полтора года назад.

– Давай меня теперь! – мне вдруг стало интересно, насколько мы с ним отличаемся по росту.

Он повторил ту же операцию уже со мной, и немного нахмурился, сделав метку на стене в первый раз.

– Давай-ка чуть в сторону, – попросил он.

Я сделал шаг влево, и он снова провел ножом по обоям над моей головой.

– Ага, значит, так. Ну, смотри. Ты весь день этому удивляешься.

Повернувшись, я увидел, что у нас с ним одинаковые показатели. Один в один. Проведя в первый раз, он, видимо, угодил прямо в ту же отметку, которую мгновениями ранее сделал ему я. Проведя второй раз чуть подальше от первой сечки, новая осталась на том же уровне.

Я резко обернулся к нему.

– ТЫ СЕРЬЕЗНО? – громко удивлялся я.

– Да, – он рассмеялся. – Абсолютно. Могу и в третий раз ножом над твоей головой поводить.

– Это удивительно. Может, мы разделенные при рождении близнецы?

– Если бы я не был так сильно похож на своего отца, я мог бы предположить и это.

Мы снова засмеялись, и на наш шум пришел кот, все еще недоверчиво глядя на меня. Он ступил в комнату и смотрел мне в глаза, не отрываясь, а мы с Арби молча за ним наблюдали. Медленно, но целенаправленно двигаясь ко мне – будто бы охотясь и готовясь к броску – он вдруг коротко мяукнул и боднул мои ноги своей мордочкой, обтираясь шерстью о мои штанины.

– А, ну вот теперь все, – развел руки Арби. – Боксер тебя одобрил. Дело осталось за тобой. Готов составить нам компанию?

– Готов. Только теперь надо узнать, будет ли готов мой дядя.

Глава 4

Еще один суетный день

Поначалу мне было боязно даже заикаться о том решении, которое я принял. Невольно в моей голове проводилась параллель с тем временем, когда я, сомневаясь по поводу и без, заставлял себя рассказать родителям о желании переехать в Грозный. *Ваши* и Амир ничего не подозревали, а мне уже становилось очень тоскливо находиться в их доме. То самое чувство, когда мысленно ты уже в другом месте, торопишься куда-то, опаздываешь, и сидишь весь как на иголках, будто уже собрал чемоданы и ждешь такси. Я слонялся по дому, уставая от безделья. Я помогал Селиме в быту, будто бы зарабатывая очки благосклонности моего дяди ко мне. Пропылесосил кухню и гостиную, несколько раз вынес мусор, а потом помог *ваше* в подвале, разбирая с ним хлам.

Разговаривая с Лорсом по видеосвязи, я чувствовал, что мне его очень не хватает. Он увлеченно рассказывал про свои тренировки, а мама, сидевшая рядом, с укоризной взирала на меня, сощуривая глаза в экран телефона Лорса.

– «И как тебе там? Все нравится?» – спрашивала она.

– Да, – сухо отвечал я.

– «Не скучаешь по нам?»

– Как по вам не скучать?

– «А уезжал зачем?»

– Ну, мам, – расплылся в улыбке я. – Хватит. Если ты будешь мной недовольна, у меня тут ничего не получится.

– «Дай Бог, все у тебя будет получаться».

– Дай Бог. А где папа?

– «На работе».

– Ладно, я тогда созвонюсь с ним. Не теряемся, я на связи.

Лорс поспешил выхватить у мамы телефон из рук.

– «Саид! Саид!» – пищал он. – «Ты уже ушел?»

– Нет, Лорс, я тут.

– «Мне папа знаешь, что сказал?»

– Что?

– «Чтобы я сразу всех побил на своей секции, чтобы все знали, что я главный».

Я криво улыбнулся.

– Папа иногда может ошибаться. Всех бить не надо. Бей только так, чтобы не дать никому бить себя.

Мы завершили вызов, и я решил, что мне нужно созвониться с Джохаром и узнать, как себя чувствует Мовсар.

– «Алло».

– Джохар, *ас-саляму 'алейкум*, это Саид. Я вчера у тебя номер взял.

– «*Уа 'алейкум ас-салям*. Да, я помню, как у тебя дела?»

– Все нормально. А у Мовсара как? Все-таки сотрясение?

– «Да, сотрясение мозга, сказали. Чуть отлежится и будет как новенький. Из-за тебя мы с ним теперь как близкие друзья».

– Ладно... Джохар, это, наверное, уже поздно спрашивать, но все же. Что он тогда сказал и над чем смеялся?

– «Я даже не могу припомнить ничего такого, что могло бы спровоцировать эту драку».

– Он кивнул в мою сторону, сказал что-то. Потом вы засмеялись.

– «Это я помню. Но там не было ничего в твой адрес. Да и какая теперь разница? Ты же не хочешь пойти добить его?»

– Нет. Я только хотел почувствовать себя менее паршиво.

Договорив с ним, я решил позвонить еще и папе, чтобы посоветоваться по поводу переезда к Арби.

– «Ничего себе, наглости тебе не занимать, парень», – только и сказал он, выслушав меня.

– Пап, мне так будет намного удобнее, я буду чувствовать себя комфортно.

– «Не всегда в жизни тебе будет комфортно. Это вообще даже стыдно слышать от тебя».

– Пап, не играй сурового отца, ты же не такой. Будь ты таким, мы бы с тобой не общались.

– «Кого хочу, того и играю», – хладнокровно, почти злобно сказал он.

Мы помолчали, а потом оба прыснули в смехе.

– «Так. Этот Арби, он сам откуда?»

– В смысле откуда приехал или откуда у него корни?

– «Можешь ответить на оба вопроса».

– Он тоже с Шатоя, а приехал из Ростова.

– «С Шатоя? Да ладно? Понятно, и как он? Нормальный? Или местный бандит и бродяга?»

– Абсолютно такой же, как я. Только намного спокойнее.

– «Ну, хорошо. Ты парень не глупый, думаю, на тебя можно положиться. Я поговорю с *вашей*».

– Нет-нет-нет, я сам ему скажу. Не хватало еще, чтобы он решил, что я пожаловался тебе и попросил тебя решить с ним этот вопрос.

Отец гордо ухмыльнулся, согласившись.

– Мне просто нужно было твое разрешение.

– «Разрешаю».

– Маме скажешь?

– «А, то есть в ее глазах ты согласен выглядеть жалующимся цыпленком?»

– Естественно. Я и так цыпленок в ее глазах, а еще я ее боюсь и не стесняюсь этого.

Он рассмеялся, снова согласившись.

– «Ладно, все, не отвлекай меня, я занят. А. Деньги не потратил еще?»

– Да какой там. Ты переусердствовал, мне их еще надолго хватит.

– «Какой же ты удобный сын. Ладно, все, не теряйся, на связи».

Первый этап был пройден, и я здорово облегчился. Все остальное казалось плевым делом. Мне заранее стало совестливо за то, что *ваша* может подумать, что я остался чем-то недоволен в его доме.

Я дождался вечера, чтобы все домашние были в сборе, потому что не хотел выглядеть беглецом. В предоставленной мне комнате я чисто убрался и потихоньку складывал свои вещи в сумки.

На *ифтар* Селима приготовила невыносимо вкусные манты со сметанным соусом и *жижиг-галташ* для *ваши*. Я был благодарен ей, потому что с наполненными любимыми блюдами желудками Амир и *ваша* могли быть сговорчивее. Будучи в приподнятом настроении, они обсуждали учебу Амира, который сдал последний экзамен второго курса.

– Вот, а ты не хотел там учиться, – чавкал *ваша*.

– Просто не вижу особого смысла. Ты сам говорил, что потом я к тебе работать пойду, – внушительно смотрел на своего отца Амир, пережевывая еду.

– Образование есть образование, – буркнул дядя. – Так что не болтай.

– Да, – неловко и не к месту вставил я, криво улыбаясь.

– Ну а ты что, Саид? – коротко указал на меня вилкой *ваша*. – С нетерпением ждешь начала учебы? Врачом будешь!

- Да, не то слово, – все так же неловко кивал я.
- Как там твой новый друг? Арби. Отличный парень! Нормально посидели вчера? Доставая языком застрявший между зубов кусочек фарша, я повертел кулаком, осматривая костяшки. Перелома удалось избежать, так как рука не распухла и не болела.
- Да, хорошо посидели. Он тоже с Шатоя, кстати.
- *Давала!* – изумился дядя. – Серьезно?
- Да.
- Надо его к нам звать, да? Как думаешь?
- Может быть, было бы здорово.
- Скоро соберемся все и поедем в Шатой, кстати! Можно будет взять его с нами. Я уныло пожал плечами, ковыряя манты вилкой.
- А где он до этого жил?
- М-да, пап, нормально у тебя обстоят дела с причинно-следственным связями, – усмехнулся Амир.
- Ваша* недовольно взглянул на Амира.
- И что ты хочешь сказать? – развел руками он.
- Они вместе прилетели же. А где у нас жил Саид?
- Я нервно засмеялся.
- Нет, Амир, *ваша* не ошибся. Арби не в Москве жил, он лишь прилетел оттуда. А вообще он с детства жил в Ростове.
- Дядя, чуть привстав со стула, дотянулся до затылка своего сына, чтобы шлепнуть по нему.
- Вот! – одобрительно указал на меня дядя, и, искривившись, вытаращился на Амира. – Э-э-э-э-э-эх, сидит мне тут, профессор вшивый!
- Селима, сидевшая с нами за столом и тихонько ужиная, прикрыла рот рукой, скрывая бесшумный смешок.
- Так, ну и что, Саид? С кем он тут остановился? Или его родители здесь?
- *Ваша*, он тут один живет, и я вообще думал поселиться у него, – не думая выпалил я.
- Пережевывая вареное мясо, он уставился на меня улыбающимися глазами, а потом рассмеялся. Амир внимательно, словно вычитывая с меня какой-то текст, всматривался в мое лицо.
- Я серьезно, *ваша*, я уже предупредил папу, – вновь необдуманно сказал я и пожалел, что впутал отца. Ведь теперь Висайту точно покажется, что я на что-то пожаловался.
- От улыбки дяди не осталось и следа. Амир недовольно закачал головой.
- И что сказал твой отец? – *ваша* отложил вилку, сложив руки на столе.
- На втором этаже послышался плач Алимы, и Селима поспешила подняться к ней.
- Он позволил мне переехать.
- *Алелай*, – сокрушенно протянул дядя. – Саид, скажи на милость, что тебя тут не устроило?..
- Нет, дело не в том, что меня что-то не устроило!..
- ...может, тебя тут морили голодом? Или загружали работой? Или палками тебя тут били?
- Нет...
- Может, мы тебя тут гоняли по всему городу по своим делам?
- *Ваша*...
- Наверное, мы тебя игнорировали и носом от тебя воротили?
- *Ваша!* – прикрикнул я. – Зачем ты это все говоришь? Я начинаю злиться.
- Злиться начинаешь? А мне какво? Я думал, тебе все нравится, что мы тебя окружили заботой...
- Ты меня слушаешь? Я сказал, что я чем-то недоволен?

Меня ужасно разозлила его реакция. Он так драматизировал, боясь лишь исключительно за то, что о нем кто-то может сказать, что он негостеприимный хозяин. Тем не менее, я держал себя в руках, хоть и мечтал об одном – ударить по столу как можно сильнее и выйти из комнаты.

– А как еще это расценивать, Саид? – вмешался Амир.

– Я просто считаю, что будет лучше, если я начну жить самостоятельно. Я не говорю, что я вам мешаю, даже если это и так! Я просто хочу все делать сам!

– Так! – резко и грубо оборвал он. – Знаешь, что? Если твой отец тебе разрешил, тогда делай то, что считаешь нужным, – *ваша* окончательно огорчился, вновь принявшись за еду.

Я не думал, что его страх общественного мнения настолько запущен и настолько владеет его эмоциями. Казалось бы – что такого? Если бы мой племянник захотел самостоятельного существования, я бы его только поддержал. Меня бы не заботило, что об этом подумают окружающие, если бы сам я понимал, в чем дело.

Я встал из-за стола и поднялся в комнату. Заказав такси, я выволок свои вещи на лестницу и вынес их во двор к воротам. Ко мне вышел Амир.

– Не обижайся, но это очень странное решение, – сказал он, опустив руки в карманы. – Мы думали, тебе тут нравится.

– Амир, когда твой отец успокоится, заверь его, пожалуйста, в том, что я был более чем доволен тому приему, который вы мне оказали. Мне нравится бывать у вас, но жить – я чувствую, что это лишнее.

– Дело твое. Ты на него не злись, ты ведь знаешь, как ему важно, чтобы все было идеально.

– Только он сам и помешал тому, чтобы так все и было.

– Мы на днях в Шатой все поедем. Вы с ним там помиритесь, будь уверен.

За воротами захрустел гравий, и во двор просочился свет фар.

– Скажи хоть, куда это ты переезжаешь? На Розы Люксембург, куда мы его отвозили?

– Нет, намного ближе. Я тебе сброшу адрес в сообщении.

– Хорошо. Ну, давай, брат, на связи, – он сжал мне плечо.

«Что за дни?..» – думал я. То вчерашняя драка, то эта, высосанная из пальца ссора с дядей. Я был раздражен тем, как омрачилось такое полезное для моего развития событие. Воодушевившись после разговора с отцом, мой настрой был втоптан и размазан его старшим братом. Теперь я чувствовал себя страшно нелепо, сидя в этом такси со своими вещами. Пристыженный своими инициативами, я теперь и вовсе засомневался: а стоило ли мне менять привычный уклад жизни и уезжать из Москвы?

Арби был олицетворением сдержанности и спокойствия. Одним своим видом он внушал уверенность, и впервые в своей жизни я по-настоящему захотел подражать своему сверстнику. Иногда было странно осознавать, что он мой ровесник, потому что держался он крайне зрело. Арби был религиозен: когда я приехал к нему, мне пришлось немного подождать, пока он откроет дверь, а войдя в квартиру, я краем глаза заметил постеленный в направлении *Каабы* коврик для *намаза*. Молитва в одиночестве – один из признаков отсутствия лицемерия в сердце человека.

– Как все прошло? – справлялся он.

– Нормально, – убедительно кивнул я.

Мне не хотелось, чтобы он подумал, что стал причиной моих проблем с дядей. Так или иначе их причиной стал либо я, либо сам *ваша*.

– Тогда располагайся, *марша вогъийла*²⁷!

Торжественно меня приветствовав, он ознакомил меня со всем необходимым в квартире – от постельного белья до пароля от интернет-роутера. Он показал, как раскладывается в спаль-

²⁷ *Марша вогъийла!* – «Добро пожаловать!» (чеч.)

ное место диван в моей комнате, а также посоветовал рассортировать все вещи в пустые комоды и шкаф.

– Это теперь твоя комната, обставляйся так, как считаешь нужным. Если хочешь, можем перетаскать что-нибудь.

– Нет, Арби, *Дел рез хийл*, меня все устраивает.

Самым любимым местом для меня стал рабочий стол. Распутав все зарядочные шнуры, я протянул их через отверстие в столе к розеткам и разместил свой ноутбук, сложил в выдвижные ящики книги и тетради, купленные еще в Москве, а в комод позади стола аккуратно сложил одежду. В шкаф-купе я повесил свой медицинский халат, спортивную олимпийку, ветровку и клетчатые рубашки (которые были моей визитной карточкой в школе), носить которые я, судя по погоде в Грозном, смогу лишь осенью. В обувницу, где уже лежали кеды и ботинки Арби, я выложил несколько пар своих кроссовок.

Когда я разместился под чутким надзором кота, я зашел в кухню, где у плиты над кастрюлей стоял Арби, внимательно вычитывая что-то с телефона.

– Да ну, ты сам готовишь, что ли?

– Пытаюсь, да, – сказал он и вопросительно обернулся: – А что?

– Ничего. Просто я практически ничего не умею делать.

– Да и я. Но научиться придется. Не помирать же с голоду, – он пожал плечами, вновь глядя в телефон. – Или ты думал, что мы бутербродами с колбасой все время питаться будем? Сейчас нужно сделать что-то, чтобы поесть на *сухур*.

– А до этого ты что ел?

– Меня соседка подкармливает с момента, как поняла, что я живу один. Что за допрос? – вновь обернулся он, недоверчиво улыбаясь.

– Да просто хочу удостовериться, что ты не делаешь это из-за меня и через «не хочу». Якобы я гость.

– Расслабься, – ответил он.

Через какое-то время он вышел в магазин неподалеку, купив овощи, а потом приготовил борщ под дистанционным руководством своей двоюродной сестры. Этот суп мы и поели в ночи на *сухур*, после чего произошло то, что меня поразило и обрадовало.

– В Мечеть пойдешь? – спросил он, убирая тарелки в раковину.

Округлив глаза, я перевел взгляд на него и был рад, что он стоит спиной и не видит этого. Я все сильнее убеждался в том, что это тот человек, с которым мы обречены стать близкими друзьями.

– Да! – воскликнул я.

Грозный был очень приятным в ночное время. Словно перезагружаясь перед повторным безжалостным зноем, добела раскалявшим город днем, погода становилась прохладной, почти влажной. Небеса тут глубокой ночью очень часто укрывались темно-оранжевым покрывалом, как просвечивающийся сквозь столб смога пожар. Деревья, перешептываясь, благоухали освежающими ароматами, а на кустах проступала и блестела роса.

Я любил Грозный. Даже неаккуратно проросшую сквозь тротуарные плиты траву, которая не вызывала иных ассоциаций, кроме как с сорняками; ненавистный мне шум несущихся на больших скоростях автомобилей, который донимал меня в Москве, тут казался мне милым, будто это Лорс демонстрирует мне, что он умеет. Казалось, что бы тут ни произошло – оно не потревожит меня настолько, чтобы я смог раздражаться атрибутам этого города.

Людей вокруг почти не было. Пока мы с Арби шли по длинному 2-му Проспекту в сторону Мечети, на пути нам встречались только постовые. Их оружие, висевшее наперевес над брюхом, не оказывало никакого влияния на восприятие их образа. Наверное, это означало, что я ни в чем не виноват.

В Мечети было много людей, но не так, как днем. В глаза бросился тот самый молодой человек, которого я уже видел с Амиром. Как и тогда, он снова сидел среди стариков. В этот раз все было удивительнее: он рассказывал им что-то – скорее всего религиозный урок – а они, прокручивая между пальцев четки, слушали его и кивали. Мы с Арби переглянулись и решили присоединиться к слушающим. Опустившись на колени рядом с сидевшим на низком деревянном стульчике дедушкой, я почувствовал, как он сразу по-отцовски положил мне руку на плечо, продолжая нашептывать *зикр*.

– Человек наделен разумом, и этим он отличается многих других существ. Разум – это способность отличать истину от заблуждения, верное от ошибочного, хорошее от плохого, полезное от вредного. Поэтому на человека, как на разумное существо, возложена обязанность использовать этот дар для постижения смысла своей жизни и получения ответов на самые важные вопросы. А самое важное, что способен постичь наш разум – это убеждение в том, что у этого мира есть Создатель – Всемогущий Бог.

Лишь тот понимает, Кто на самом деле Бог, кто имеет о Нем истинные, правильные убеждения:

Убеждение в том, что есть Один-Единственный Творец всего, что существует, кроме Него. Он – Вечный без начала, а все остальное имеет начало, то есть появилось. Он – Неизменяющийся и Не нуждающийся ни в ком и ни в чем, а все остальное изменяется и нуждается в Том, Кто его изменяет.

Убеждение в том, что Бог – Единственный, Кто существует без начала, и Он абсолютно отличается от всего того, что имеет начало своего существования. Нельзя думать и говорить о Боге, как о созданных.

Убеждение в том, что все без исключения происходит по Предопределению Создателя. Бог определил существование каждому из созданных, то есть Он создал каждое свое творение, предопределив ему судьбу, и она неизменна – то, что суждено Богом, не меняется и непременно произойдет.

Убеждение в том, что поклонения достоин только Аллах. То есть только Бог достоин проявления наивысшей степени смирения и покорности. Так как Бог – Единственный Создатель всего: и причин, и их следствий, Он властвует над каждым Своим творением, и все принадлежит Ему.

Кроме знаний о Боге в основы исламского вероучения входит вера в Пророков Аллаха. А именно убеждение в избранности и правдивости Мухаммада – сына ‘Абдуллаха, араба по происхождению. То есть убеждение в том, что он был Пророком и Посланником Аллаха Всевышнего. И это то достаточное знание о Пророке Мухаммаде, мир Ему, которое вместе с истинными убеждениями о Боге входит в значение двух свидетельств Ислама: «Я свидетельствую, что нет создателя, кроме Одного-Единного Бога, и свидетельствую, что Мухаммад – Посланник Бога».

Урок продолжался еще какое-то время, и когда я услышал, что он сводит его к завершению, я затосковал – настолько интересно было его слушать.

Я всегда любил уроки по религии, это было привито мне моими родителями. Когда я был маленьким, они водили на меня в религиозное *медресе* получать знания, а когда я подросток – то уже сам стал регулярно их посещать. Осознание того, что я смогу и в Грозном регулярно – вот так из уст в уста, как это и необходимо – получать знания по Исламу, очень воодушевило меня и придало спокойствия.

Вознеся руки, мы читали молитву за этим молодым парнем, а когда старики вокруг стали немного отвлекаться, я решил заговорить с ним.

– *Ас-салямю ‘алейкум*, – поздоровался я, а вслед за мной это сделал и Арби.

– *Уа ‘алейкум ас-салям*, – ответил он, кивнув нам.

– Брат, ты регулярно даешь тут уроки?

- Да, – он улыбнулся мне. – Хочешь посещать?
- Очень.
- Получал знания?
- Да, слава Богу. Но не в Чечне. Я тут буквально пару дней.
- А откуда приехал? – заинтересованно вздернув подбородок, осведомился он.
- С Москвы.
- А тут надолго?
- Да, дай Бог. Поступил тут в университет и собираюсь тут учиться.
- *Дал атто бойл*²⁸, – улыбнулся он. – А куда поступил?
- В Медицинский Институт. Мой брат – Арби – тоже. Будем учиться вместе.
- *Ма ша Аллах!* – одобрительно закивал молодой учитель. – Какие вы молодцы! И ты, Арби, тоже не отсюда?
- Да. Я из Ростова.
- Это хорошо, что вы вернулись. Меня и самого тут долго не было, а вернулся я не так давно. Теперь, дай Бог, осяду тут насовсем.
- Дай Бог. Только я не возвращался, – виновато улыбнулся я. – Я тут никогда и не жил, а только гостил у родственников.
- Он приподнял руку, будто бы останавливая мою речь:
- Это неважно, брат. Все мы – чеченцы, находясь где-либо, кроме Чечни – гости. А Чечня – наш дом. Так что ты вернулся домой, даже если и не жил тут никогда.
- Соглашаясь с ним и кивая ему, я думал о том, что эти его мысли и умозаключения опирались на его опыт, на его собственные ощущения.
- Вблизи он казался даже моложе, чем поодаль, когда мне указывал на него Амир. На его голове была надета темно-синяя тюрбетейка, а на плечи был накинута красивый темно-зеленый арабский бишт с золотистой тесьмой на кромках.
- Как тебя зовут? – спросил он.
- Я – Саид. А это – Арби.
- С Арби ты меня уже познакомил, – озарился понимающей улыбкой он. – Саид, хорошо. А мое имя – Муса. Будем с вами знакомы. Приходите на уроки, когда сможете.
- Да, это я и хотел спросить. По каким дням ты их даешь?
- В любой будний день можно приходить. Откровенно говоря, у меня тут нет никакого графика, но он, вероятно, будет, потому что много людей начинают сюда ходить. Но одно могу сказать точно – по будням в первой половине дня уроки слушают в основном дети. Так что ты просто не пропадай, а я буду сообщать тебе об изменениях. Наверное, определенное расписание мы все же установим. Повторюсь: я тут недавно, так что хорошенько обосноваться еще не успел.
- Ближе ко времени утреннего *намаза* в Мечети собралось довольно много народу: по крайней мере четверть главного зала мы заполнили.
- На следующее утро я получил сообщение от своего дяди Сулеймана. Он рассказал о готовящемся отборе в команду стоматологического факультета, который пройдет на университетском футбольном поле. Я видел его, когда мы с Арби ходили к директору Медицинского Института, и еще тогда наметил себе цель пропадать там часами.
- Тогда какой у нас план? – спросил Арби.
- Поедем на отбор. Там соберутся все кандидаты. Наверное, стоит поторопиться, пока ребята со старших курсов не расхватали все места.
- Там, выходит, будут студенты нашего факультета?

²⁸ *Дал атто бойл* – «Пусть Бог Дарует удачу» (чеч.)

– Получается так.

– Это хорошо, сможем познакомиться с будущими однокурсниками.

С этим было нельзя не согласиться. Мне не терпелось познакомиться с людьми, с которыми я буду учиться. Для меня в целом было в новинку учиться в Чечне, ведь прежде я никогда этого не знал. Я был в предвкушении, но единственное, о чем я думал и чего не хотел – новых приключений. Отец наказал мне быть незаметным, быть тихим, а я уже навел суеты, еще и с таким размахом – прямо на пороге торгового комплекса в центре города, с вовлечением почти всех, кто был неподалеку.

У нас с Арби не было футбольных бутс, и мы поспешили в первый попавшийся спортивный магазин в «Гранд Парке», чтобы приобрести себе минимально необходимую экипировку. Выиграв в очередной комичной борьбе за оплату, я заказал такси по тому же адресу, что и в прошлый раз. Доехав до места, еще в машине мы увидели много бегущих по полю ребят под руководством моего дяди. Казалось, уже тут я слышу его оглушительные выкрики.

Завидев нас, Сулейман коротко махнул и указал на будку рядом с небольшим количеством зрительских мест, расположенных под прозрачным навесом в три ряда, продолжая регулировать тренировочным процессом. Будка была очень маленькой и тесной, она была завалена рюкзаками и сменной обувью. В ней пахло искусственным газоном, песком и потом.

Переодевшись первым, я вышел из будки и стал осматривать игровую площадку. Футбольное поле окружалось беговой дорожкой из резиновой крошки в пять полос, а белая краска, разделявшая эти дорожки, была почти полностью стерта. Справа за воротами – ближе к выезду с территории – находилась баскетбольная площадка за зеленым сетчатым забором.

Пройдя к полю через беговую дорожку и небольшой участок сухой пожелтевшей травы, я вышел на идеальный, свежий искусственный газон. Арби поравнялся со мной, опустившись к своим шнуркам.

– Вот мы и тут, – облегченно проговорил я про себя, осматриваясь вокруг.

Народу и впрямь было довольно много. Кто-то тренировался, устало сощуриваясь в лучах солнца, а кто-то сидел по краям, не участвуя в процессе. Тут также лежало много рюкзаков и обуви.

Сулейман, вновь повернувшись к нам со свистком в руках, жестом погнал нас совершить пробежку.

– Погнали.

Мы стали бегать вокруг поля, а я вновь ощутил эту непередаваемую умиротворенность и увлеченность, которую давали мне футбольные тренировки. Я делал все привычные упражнения, отточенные годами, а Арби повторял за мной.

Для меня футбол был чем-то большим, чем просто спорт. Тут – на поле – я всегда растворялся. Конечно, это было ничем иным, кроме как отвлечением, но эти мгновения абсолютной душевной безмятежности, добываемые физическим трудом тела, уносили на своих волнах, завлекали глубже в свои недра, будто бы убеждая тебя не возвращаться в реальность как можно дольше. Это вполне можно назвать зависимостью. Когда ты можешь часами напролет носиться по полю и бить по мячу, не взирая на усталость. Тренера не разрешали нам играть в футбол за пределами тренировочной площадки спортивной секции из-за существующей опасности получить ненужную травму, но я все равно играл. Я будто бы не мог без этого.

Мучительнее всего для меня в тренировках было то, что они были ограничены по времени. Большую их часть мы проводили в оттачивании техники, развивали выносливость, а в саму игру вступали лишь в самом конце. Каждый раз это было чем-то вроде поощрения, и сам я любил ощущение тяжелого, порой нудного труда, за щедрое вознаграждение в конце. Тем ценнее были эти игры.

Глубоко уйдя в эти свои размышления, я продолжал машинально повторять все известные мне упражнения, а очнуться мне пришлось, когда в момент разворота для бега спиной я сильно обо что-то ударился. Это был человек.

– Охренеть... – взвизгнув, тихо выругался он, когда мы оба свалились на газон. – И где теперь моя сигарета?

Вокруг пробежал смешок, кто-то издевательски захлопал в ладоши. А тот, в которого я врезался, потирая поясницу, проползал на четвереньках к выпавшей сигарете.

– Извини! – раскраснелся я, тоже утирая сильно занывший копчик и протягивая ему руку. – Я случайно.

– Да я знаю, – выпрямившись с моей помощью, усмехнулся он, подувая на сигарету. – Только ты давай осторожнее, а то я и так в футбол играть не умею, не хватало еще сломаться.

Он был самую малость ниже меня, но шире в плечах, и в целом был атлетически сложен – скорее, как боксер, нежели футболист. Руки и плечи у него были объемнее моих далеко не маленьких рук, трицепсами выдавливая синюю футболку с длинным рукавом. Короткие, аккуратно уложенные волосы и щетина у него были черными, как смола, а под длинными, но не слишком широкими бровями улыбались чуть раскосые светло-карие – почти красные, как закатная полоса горизонта – глаза.

– Да, не держи обиды. Я просто задумался.

– Ничего, – отмахнулся он. – Не местный?

Я опасался, что этот разговор вновь ведет меня к гневу.

– Да. Ты тоже? – не без доли мести, но все же по делу спросил я, потому как он был не сильно похож на местного.

Он рассмеялся.

– Нет, я целиком и полностью отсюда, – кивнул он, опустившись на газон рядом со своими друзьями и закулив сигарету.

– Не стремно тебе вот так курить? Тут ходят много взрослых людей, да и дороги вокруг. А забор – не стена. Оттуда тебя тоже видно.

Сделав затяжку, он пихнул рядом сидящего парня в бок и кивнул на меня.

– Смотри, ему не все равно, что обо мне будут говорить. А вы сидите и хоть бы кто меня поправил! – он вновь добродушно рассмеялся, и в этот раз была явная разница с тем, как смеялся Мовсар.

Сидевший рядом с ним парень, отвлекшись от тренировочного процесса, шедшего под руководством Сулеймана, устало перевел взгляд с меня на своего друга.

– Да плевать, тебя и так поносят все, кому не лень, – он говорил с совершенно нетипичным акцентом, и я решил, что он не чеченец.

– Приятно слышать, – саркастически отозвался первый.

– А вы чего не тренируетесь? – спросил успевший самостоятельно позаниматься Арби, подойдя к нам.

– Я с лечебного факультета, – ответил парень в синей футболке, указав на себя. – У нас отбор уже прошел. Я, кстати, не попал. Да и не сильно хотел. А вот этот, – он вновь пихнул второго в бок, – он вообще не с нашего факультета, курса, универа и даже не с нашего города, только живет у меня. Но я все равно взял его с собой поиграть.

– А так можно? – нахмурился я.

– Мне можно, – подмигнул он.

Арби усмехнулся.

– Что такое? – улыбнувшись в ответ на смешок, спросил курящий.

– Ты так своего друга описал, – ответил Арби, начав разминать шею круговыми движениями головы. – Примерно так можно описать и меня.

Мы вопросительно на него уставились.

– Ну, – объяснял он, обращаясь ко мне, – я тоже с другого города, ты тоже позвал меня сюда...

– Тогда уж и меня можно так описать, – перебил его я. – Ведь я тоже с другого города. А еще это я у тебя поселился, а не ты у меня.

– Ты поселился у него? Ого, это круто, – закивал парень, задумчиво сделав затяжку. – Еще круче, учитывая, что учитесь вместе. Удобно, – он выдул дым и без слюны сплюнул себе что-то под ноги. – Вы кто? Стоматологи? Педиатры? Лечебники?

– Стоматологи, – ответил я.

– Вы знаете, что ваш факультет только в этом году открылся?

– Так бывает, когда министерство образования решает добавить студентам еще вариантов для денежных профессий, – вставил его друг.

– Да, знаем.

– Классно. По сути, вы что-то типа первооткрывателей. Готовьтесь, – он сделал последнюю затяжку съжившейся сигаретой и скинул бычок на беговую дорожку. – В следующем году вам придется отбиваться от бедолаг-первокурсников.

– В смысле? – спросил Арби.

– Вас начнут донимать расспросами о преподавателях, о предметах, какие экзамены тяжелые, а какие – нет. Всякое такое. Кстати, запомните имя Макаев Рамди Аминович. Этот тип вам нервы живо сожрет.

– Понятно, – я заканчивал разговор, который и начал-то лишь из вежливости к пострадавшему от меня парню. – Ладно, пойдем мы дальше тренироваться. И кстати я – Саид, а это – Арби.

– Я – Ибрагим, – сказал он, привстав и пожав нам руки. – А это – Ренат.

Тот уже увлекся разговором с остальными ребятами.

– Будем знакомы, – кивнули мы с Арби, побежав на второй круг.

После разминки Сулейман скомандовал нам присоединиться к остальным ребятам, и мы еще немного потренировались с мячом.

– Ну! – крикнул мой дядя, громко хлопнув в ладоши. – Теперь будем смотреть, что вы можете показать в самой игре!

Он был одет в спортивный костюм, в котором не будет холодно зимой, и от одного этого вида мне становилось дурно и душно.

– Я вас в команду уже и так запишу, но хорошо, что вы пришли. Лишних вопросов не будет, – подойдя к нам, он установил по руке у нас на плечах.

– Как тебе пацаны? – запыхался я. – Хорошо играют?

– *Давал*, – он выпятил нижнюю губу, кивая. – Некоторые тут вообще талантище, не понимаю, что они забыли в медицинском институте.

Он подозвал к себе всех, и стал распределять нас на две команды, оставив одних в своих футболках, а другим кидая кислотно-желтые манишки.

– Играем на все поле, одиннадцать на одиннадцать!

– Нас тут больше, – шурясь от солнца, подметил невысокий полный паренек с манишкой в руках.

– Поиграть успеют все, не бойся! Так! – он снова громко хлопнул, докидывая последние манишки. – Асхаб, Хасан, Заурбек, Али...

– Он уже запомнил их имена? – удивленно прошептал Арби.

– Он ведь регулярно держит свою память в тонусе, тренируя малышку.

Мы с Арби попали в команду без манишек, и Сулейман определил нам и остальным наши позиции на поле.

– Усман, давай в защиту слева, Хусейн – направо, в центре... – он потрепал бороду на подбородке, глядя на нас. – Давайте, Арби, Саид – в центре защиты. Бауди – в нападение, Малик – в пару к нему...

Я не был защитником, а играть на последнем рубеже обороны было не самой надежной задачей для меня. Я играл в центре поля и привык руководить игрой, имея подстраховку сзади. Теперь же этой подстраховкой выпало быть мне, но я не стал спорить: мне просто хотелось играть.

– Чего так загрузился? – пихнул мое плечо Арби. – Что-то не так?

– Все нормально, задумался просто... тебе удобно в защите?

Сулейман скомандовал занять свои места по обе стороны центрального круга.

– Да мне на самом деле без разницы, – пятась к воротам и разминая ноги говорил Арби. – Толкаюсь хорошо. Наверное, это то, что нужно. – Он кивнул на меня. – А тебе в защите как?

– Увидим. Никогда в защите не играл.

– Скажи ему.

Я отмахнулся и Сулейман начал игру.

Поначалу все было вполне нормально, но мяч доходил до меня редко. Учитывая, что я играл на непривычной позиции, это было неплохо: мало ли что я мог учудить, находясь в неудобной игровой ситуации. А вот Арби меня удивил. Он был очень резвым, быстрым; очень высоко выпрыгивал – забирая верховые мячи и каждый раз срывая аплодисменты Сулеймана – а также действительно очень хорошо толкался, в пределах правил выводя соперников из строя. В нашей команде был миниатюрный парнишка, которого звали Малик. У него были сбриты виски и длинная зачесанная поблескивающая челка. Его техника была на уровне профессиональной футбольной академии: он оставлял соперников не у дел почти каждый раз, когда принимал мяч. На вид ему было будто бы лет двенадцать, настолько молодым он казался.

– МАЛИК, ПАС! – кричал Сулейман всякий раз, когда парень входил во вкус, продолжая накручивать беодолаг в манишках. – ПРОСТО ОТДАВАЙ ПАС!

Обратил на себя внимание и Хусейн, игравший в защите справа. Он буквально вспахивал свой фланг, одинаково хорошо отбирая мячи и успешно протаскивая их на чужую половину поля. Но при всей добротной работоспособности Арби и Хусейна, при всей техничности Малика, лидером казался другой человек – Бауди. Этот грузный, крепкий парень действительно был прямо типичным нападающим-столбом. Он был далеко не так уклюж с мячом, как остальные ребята, но габариты позволяли ему бежать напролом, не замечая пытающихся отобрать у него мяч оппонентов. Он забил первые два гола в начальные десять минут игры. В первый раз он, оттесняя защитников, пробежал с мячом в ногах до вратаря и катнул его ему под опорную ногу. Второй раз он замкнул пас на пустые ворота, который выдал ему Малик, представивший буквально цирковое представление из накручивания всех встречных игроков.

– Вот он вытворяет, да? – бросил я Сулейману, пробежав мимо него.

– Далекое не пойдет с таким отношением, – грубо огрызнулся тренер.

В какой-то момент наша команда, можно сказать, «просела по дыхалке», и мы стали пускать соперников слишком близко к воротам. Закончилось тем, что двое из них, эффектно обыграв меня распасовкой, точно так же обставили оставшегося Арби, а потом вышли на нашего вратаря, не оставив ему шансов. Второй их гол тоже не заставил себя долго ждать, но это уже была моя грубейшая ошибка: мы, сбив темп игры, медленно, через короткий пас пытались подобрать момент для того, чтобы выброситься в атаку, но получив очередную короткую передачу от Малика в центре поля, я промахнулся по мячу, заранее высматривая адресата. Конечно же, быстрые ребята из противоположной команды не могли не воспользоваться таким подарком. Они вновь выбежали вдвоем на вратаря, а нам с Арби и Хусейном лишь оставалось пытаться умчаться за ними.

Позиционные атаки требуют серьезной концентрации, потому что замедлившийся темп игры может привести к тому, что соперник, дождавшись удобного момента, неожиданно вспыхивает и всплескивает скоростным выпадом. Я должен был играть защитника, а потеряв бдительность и ощутив себя профессионалом после серии коротких пасов, я старался удивить всех своим видением поля. Я увидел Бауди, путавшего своим движением защитников, и хотел бросить мяч ему на ход, но в итоге растерялся и допустил глупейшую ошибку из всех возможных.

Некоторые ребята подбадривали меня. Арби сразу втащил мне по плечу, убеждая в том, что это ерунда, а Малик сразу подбежал, начав винить себя за неудобный пас.

– Нормально ты пасовал, не наговаривай, – отвечал ему я, пытаясь отвязаться от шума в ушах.

Мне было жутко стыдно, все в глазах расплывалось и укрывалось туманом, а щеки, работая на пару с солнцем, нагревались теперь еще и изнутри. Все становилось хуже, когда я видел, как Усман и Бауди недовольно крутят головой, а Заурбек, игравший в чужой команде, самодовольно хихикал.

Сулейман не стал ничего менять, и я был ему несколько благодарен. Потому что поманья он мою позицию сразу после этого казуса – на какой-то момент я оказался бы в центре внимания, а это то, чего бы мне хотелось меньше всего.

Когда короткая сорокаминутная символическая игра завершилась с тем же счетом, который образовался после моей ошибки, Сулейман выстроил нас в полукруг, а сам, встав перед нами, начал перечислять имена тех, кто попали в команду. Все те, кто играли мало-мальски сносно (а кто-то и великолепно) – оказались в команде. Как и обещал, Сулейман внес нас с Арби в список.

– На самом деле это жестко, что у нас был только один отборочный день, потому что тут очень много толковых ребят, – сглаживал углы он. – Поэтому не расстраивайтесь, это не означает, что вы чем-то хуже. Но сегодня мой выбор таков.

Далее он продиктовал всем номер своего телефона, и попросил кого-то из нас заняться тем, чтобы мы создали групповой чат для обсуждения командных мероприятий и тренировок. Он обещал, что будет тренировать нас по высшему стандарту, и что сделает все возможное, чтобы мы выиграли турнир.

Когда мы освободили поле, наблюдавшие за тренировкой ребята вскочили с мест и помчали гонять мячи.

– Полная хрень... – запыхаясь, злобно выдул я.

– Чего ругаешься? – говорил Арби, разглядывая играющих. – Нормально было. Может, пойдём ещё поиграем?

– Ты оставайся, я пойду с Сулейманом поговорю.

Арби пожал плечами и вернулся на поле, начав чеканить свободный мяч.

Сулейман, окруженный, стоял и отвечал на вопросы пролетевших мимо команды ребят. Они спокойно, без какого-либо недовольства спрашивали у него, за что они оказались вне состава. Я присел на трибуну ожидая, когда он закончит. Мне жутко хотелось оправдаться перед ним, чтобы он не считал меня бездарным, а еще мне казалось, что ему было стыдно включать меня в команду при всех, когда абсолютно каждый видел тот самый момент.

– Сулейман, – обратился к нему я, привстав, когда он направился ко мне. – Я хотел сказать...

– Я надеюсь, – он жестом разрешил мне сесть обратно и сам устроился рядом, – что ты не думаешь, что я зол на тебя из-за той помарки.

– То, что зол, не думаю. Но я хотел сказать... я ведь не защитник. И тем более не последний защитник... это вообще не моя позиция...

– Ты издеваешься? – он весело воззрился на меня. – Я не знаю на какой позиции играет единственный из моих родственников, кто любит футбол так же, как и я?

– Мало ли...

– Это чепуха, Саид! Я знаю, на что ты способен, просто я не знаю способностей других пацанов так хорошо, как твоих. Я тебя туда поставил из-за того, что не было альтернативы. А, учитывая, что ты почти профессионал – ты справился бы лучше всех. Или мне надо было этого шкета с челкой в защиту поставить?

Я приложил усилие, чтобы не вздохнуть с облегчением прямо на его глазах.

– Вот твой друг Арби – это прямо идеальный защитник! И в команде, которая была против вас, ему отлично в пару пойдет Увайс. А тебе будет твое место в центре поля, не переживай, – он подмигнул.

Мы попрощались и я, окончательно успокоившись, побрел к очереди, столпившейся у будки. Все вокруг были как будто давно знакомы друг с другом. Они общались, обсуждая не только отборочный матч, но и справляясь о делах родных и близких. В целом, нет ничего удивительного, что едва знакомые чеченцы расспрашивают друг друга о здоровье членов семьи или делах на учебе – или сразу об успехах на работе, если речь о взрослых – но их общение было куда более близким.

– Зря он так, конечно... – разговаривали стоявшие передо мной Малик и еще один парень, имени которого я не знал. – Это же игра всего лишь.

Я обернулся и увидел, что ребята, оставшиеся на поле, стали делиться на две команды, чтобы поиграть еще раз. Арби, заметив мой взгляд, жестом предложил присоединиться к нему, но я, улыбнувшись, покачал головой.

– А что он сказал именно? – фоном продолжался разговор стоявших передо мной в очереди ребят.

– А тебе сколько лет, Али? – спросил Малик.

– Семнадцать, – отвечал второй.

– А, ну ты не сильно старше, так что могу повторить это перед тобой. Он сказал что-то, что он кусок дерьма, что играть не умеет, а его все равно взяли...

– А мне восемнадцать, – шуточно вмешался я. – Может, я не должен был этого слышать?

Они обернулись ко мне, и я понял, что собеседник Малика – Али – точно ингуш. У него были светлые вдумчивые глаза, рыжеватая копна густых волос и выразительные брови. Сам он был рослым и худым, с донельзя выпирающим кадыком и светлой щетиной.

– О, брат, тебе точно не следовало это слышать, – Али понимающе кивнул.

– Почему? Я просто пошутил, – приподнял руки я и вздернул подбородок в сторону Малика. – Вряд ли и я сильно старше тебя.

– Нет, брат, мне шестнадцать, но он говорит о другом.

– А. Извиняюсь, я случайно подслушал вас.

– Просто речь шла о тебе, это про тебя так сказали, – без особой надобности неуверенно продолжил Малик.

– Что... в каком смысле? – опешил я, округлив глаза. – Вот *это* сказали? Кусок д-дерь... – от неожиданности я заикнулся. – Эти вещи? Про меня?

– Да, – сочувственно ответил он.

– Зря ты это сказал, – предосудительно воззрился на него Али. – Тебя никто за язык не тянул.

– Кто это был? – уставившись на них, сурово спросил я.

– Ой, – Малик явно понял лишь сейчас, к чему мог привести его незапланированный донос. – Это неважно!..

– Смеешься надо мной? Спрашиваю – кто это сказал?

– Если бы он хотел сказать в лицо – он бы сказал...

– Что ты несешь? Просто скажи мне, кто это был!

Несколько впереди стоящих ребят стали оглядываться на нас. Очевидно, что Малик боялся прослыть ябедой и уже пожалел об этом разговоре, но под моим напором совсем зеленый мальчуган не смог бы держаться слишком долго. Он коротко дернул головой в сторону поля. Я обернулся, увидев, как парни разводят мяч с центра и начинают игру.

– Кто именно? – вернувшись к Малику, уточнял я.

Мне было жаль его, когда я увидел, как он, обреченно опустив глаза, тяжело выдохнул.

– Не переживай, никто не узнает, что это ты мне передал, – заверил его я и с нажимом взглянул на Али.

– Это Бауди был...

Я ничего не понимал и ушам своим не верил. Тут никто меня толком не знал, почти ни с кем из принимавших участие в матче я и не разговаривал, был достаточно тихим и незаметным. Естественно, оставаться незамеченным после моей фатальной ошибки было бы трудно, но с какой стати меня вот так сразу оскорбляют за спиной?

– Он это лично тебе сказал?

– Нет, когда они на поле обсуждали кого взяли, а кого нет, он это среди остальных говорил. Они слышали. Я тоже там стоял.

– Ясно.

Выяснив последнее, что меня интересовало, я резко развернулся на сто восемьдесят градусов и пробежался к полю во время их игры. Я подбежал к владевшему мячом Хусейну и, подставив ногу, помешал ему отдать пас. Я взял мяч в руки, подбросил его и со всей силы пробил по нему ногой, запустив далеко от поля.

– Э-э-э! – загудели ребята.

Я направился к недовольно разведшему руки Бауди, а парни вокруг, почувствовав, что что-то намечается, посеменили ближе ко мне. Я собирался спросить его о том, что услышал и поначалу надеялся, что он станет отнекиваться. Однако наглая ухмылка, обнажавшая кривые белые зубы на чуть выпирающей нижней челюсти и пустой, стеклянный взгляд глубоко посаженных глаз-бусинок над длинным острым носом сразу сигнализировали мне о том, что нормального ответа мне от него не дожидаться. Он выглядел как хулиган, как бывалый хулиган. Он был практически лысым, но летом многие брили голову, надеясь не перегреть ее на сильнейшей жаре.

– Я тут услышал, что ты меня обозвал. Это правда?..

Бауди ответил настолько быстро и хлестко, что почти перебил меня:

– Да, правда. Я сказал, что тренер, походу, твой отец, раз он взял тебя. Иначе даже не знаю, что здесь делает такой кусок дерьма.

Этого хватило. Я налетел на него так стремительно, что никто, включая его самого, не успел и глазом моргнуть. Сцепившись с ним в подобии вольной борьбы и почти повалив его на землю, я думал лишь о том, чтобы не бить его по лицу и не трогать его голову. Он весил достаточно больше моего, чтобы не свалиться под моим натиском, и потому я стал выбрасывать кулаки ему в живот, отчего он как-то странно хихикал. Мне на мгновение показалось, что он умалишенный, потому что его реакция была очень странной. Он вел себя точно ребенок, которому удалось довести старшего брата. Конечно же, на нас накинута толпа, пытаюсь разнять.

– Это ты дерьмо, понял?! – вопил я, продолжая молотить его по животу.

То, как меня подмывало сломать ему нос – это было похоже на желание расчесать комариный укус. Пусть это и было необыкновенным для меня, но что-то очень твердой стеной встало между мной и этим поступком. Как будто я не хотел окончательно испортить все свои отношения с этим городом, нанеся увечья еще одному первому встречному человеку.

Поняв, что это нужно заканчивать, я решил ударить его коленом. Занося ногу, я случайно ударил кого-то из тех, кто пытался меня оттащить, и, не обратив на это внимания, сильно

вдарил коленом прямо в живот Бауди. Тут он уже не хихикал: простонав, он ослабил хватку, и я вытолкнул его из толпы. Он скрутился на газоне, держась обеими руками за живот.

– А сейчас как тебе?! Смешно?! – цедил сквозь зубы я, утирая пот из-под носа.

Арби и в этот раз грубо расталкивал всех тянущих ко мне руки людей, снова выкрикивая, что он разберется сам. Один из них, все же, оказался проворнее и, обхватив под мышками, начал нести меня. Это был Ибрагим. Он оттащил меня на угол поля, не выпуская из рук.

– Да что тебе надо? – вырывался я.

– Тихо-тихо-тихо, боец, свои ребята, – улыбнувшись, поднял руки он, когда выдавил меня достаточно далеко от заварухи. – Хотел убедиться, что ты успокоился. Ты что тут устроил?

Я устало закатил глаза. Все повторялось.

– Ты все видел. Оставь меня уже.

– Да я и не пристаю, просто не понимаю, что произошло. Такая суета – а причина какая?

– Он оскорбил меня. Хорошо, что это слышал не я один.

– Ну, это Бауди. Я его еще со школы знаю.

– И что?

– Да ничего, – его брови собирались в саркастичный треугольник, и я лишь закипал сильнее.

– Что тебе тут кажется смешным? – спросил я, грозно глядя ему в глаза.

– Бауди этот – очень тупой придурок, смысла с ним дело иметь нет никакого. Он неисправимый. Ударь ты его еще тысячу раз – он продолжит делать то, что делал. А этой нападкой, – он спародировал мой удар коленом, – ты все только усугубил.

– Мне наплевать! – я лишь отмахнулся от Ибрагима, увидев, что Арби общается с кем-то на повышенных тонах.

Я подбежал к ним и услышал, что он меня защищает, оправдывая мои действия тем оскорблением, которое Бауди прилюдно мне учинил.

– Тебя назвать так, ты промолчишь, хочешь сказать? – нагнетал Арби.

Сейчас он выглядел предельно угрожающе, отчего парень по имени Заурбек немного подсел.

– Не надо было так резко набрасываться... – приговаривал Заурбек.

– *Давала*, твоему дружку не надо было языком лишнее чесать. А раз сказал что-то – отвечай за свои слова!

Я встал между ними, оттолкнув Заурбека.

– Что ты ему объясняешь, Арби? – пренебрежительно спросил я. – Не видишь, что он такой же?

Заурбек, качая головой и ухмыляясь, пригрозил мне указательным пальцем.

– А с тобой мы еще не закончили, – по-чеченски сказал он, пятясь к сидевшему на газоне Бауди.

И вот, как обычно, я вновь обо всем пожалел. Бауди не был сумасшедшим, но словно делал все, чтобы таковым казаться. С другой стороны, я понимал, что вряд ли сумел бы не отреагировать на его оскорбление. Я корил себя за то, что не умею терпеть; за то, что отличаюсь от других чеченцев; корил себя за то, что я с Москвы; корил Сулеймана за то, что поставил меня в команду с этим Бауди; корил Малика за то, что он передал мне эти оскорбления; корил себя за то, что плохо провел этот матч, ведь из-за моей игры теперь и этот день был испорчен.

Все шло не так. Я вновь чувствовал себя маленьким мальчишкой, которого другие грозненские дети дразнили и задирали из-за того, что понимали, что он откуда-то издалека.

– Плевать на них! – Арби уводил меня к будке. – Заберем свои вещи и уезжаем отсюда.

Бросив еще один взгляд на поле, я увидел, что все наблюдают за нами: Бауди, морщившийся от болей в животе, его друг Заурбек, склонившийся над ним и держа руку у него на плече, и сочувственно ухмыляющийся мне Ибрагим – все они безмолвно провожали нас.

– Я снова выглядел странно? – тихо спросил я Арби, когда мы прошли к будке мимо расступившихся студентов. – Надеюсь, сейчас ты так не считаешь.

– Если кто-то и выглядел в этой ситуации странно – то точно не ты.

Я тебя поняла. 16:28

Припёрся в Грозный, а со мной даже не связался. 16:28

А ведь мы почти что родные брат с сестрой. 16:29

Ладно я. Тебе перед теткой своей не стыдно? 16:29

Теперь чтоб ноги твоей не видела! 16:29

Когда мы с Арби вернулись с отборочной тренировки, я сразу же, спасаясь от жажды, завалился спать в своей комнате, надеясь доспать до *ифтара*, но сообщения моей двоюродной сестры Лианы разбудили меня.

Ну, все, началось. 16:33

Во-первых: прости, что не написал тебе. 16:33

Во-вторых: сегодня приеду к вам. 16:34

Буду у вас есть и пить. 16:35

На фиг не нужен. 16:36

Если приедешь – огребешь бейсбольной битой. 16:37

Во-первых: э-э-э, ты как общаешься? 16:37

Во-вторых: откуда у тебя бейсбольная бита? 16:38

Во-первых: почему ты пишешь «во-первых» и «во-вторых»? Это такой новый каламбур? 16:39

Во-вторых: когда будет «в-третьих»? 16:39

Я увидел всплывающее уведомление из другого чата – с мамой.

Ты серьезно не поехал к Асе? 16:39

Ты меня опозорить хочешь? 16:40

Я никого об этом не спрашивала. Думала, что ты сам сделаешь все, как надо! 16:41

Алелай, и это мой сын... 16:41

Я вновь открыл чат с Лианой.

**В-третьих: ты позорная ябеда и сегодня
ты у меня получишь. 16:42**

Арби выполнял работу по дому, вынося в коридор вещи, которые нужно было выбросить, и освобождая в своей комнате место для пылесоса, чтобы он не мешал в коридоре и гостиной. Он отказался от моей помощи, после чего я сказал ему, что на *ифтар* поеду к тете с сестрой.

– Ты можешь поехать со мной, – предложил я.

Дунув на свою взлохмаченную челку, он показал мне свои пыльные от старой тумбы руки.

– Я тут слегка занят.

– А я и не видел, что у тебя в комнате есть старая мебель.

– Ты не заглядывал в угол – за дверь. А еще ты не видел, что творится на балконе.

– Вы же недавно ремонт делали? – вопросительно воззрился я на груды из старых книг, разобранный деревянный стол и старую обувь.

– Да, – ответил он, перемещая с моей помощью тумбу в коридор. – Но сначала мы заняли квартиру мебелью, которая уже была у нас. Мама не решалась ее выбросить. А теперь... – он осекся, вытерев нос чистой стороной ладони. – В общем, теперь я это все вынесу.

– Я тебе помогу.

Мы по очереди вынесли разваливавшиеся части стола и тяжеленую угрюмую коричневую тумбу с облезлой позолотой на ручках. Мы не стали забрасывать все это в мусорный контейнер, решив оставить лежать рядом на случай, если кому-то это понадобится. Книжки и одежду, сложенные в плотные пакеты, он оставил дома. Я сразу понял, что он хочет раздать их нуждающимся, и потому не стал спрашивать.

– Где живут твои родственники? – спросил он из ванной под шум воды.

– Дом на РТС.

– Это напротив Ипподромной?

– Да... ты картошку жарить будешь? Или это для супа.

Я сидел на кухне и увидел пару неочищенных картофелин рядом с миской, где плавали уже очищенные. Арби мыл руки в ванной и отвечал оттуда:

– Я пожарить думал. Но мне без разницы. Если хочешь, сделаем суп.

– Мне тоже все равно, – я дочищал оставшиеся клубни, бросая кожуру в ведро.

Арби вышел из ванной, вытирая руки полотенцем, наблюдая мной.

– Ты это у дяди привык наделать дел по дому, чтобы потом выйти без чувства вины?

Я удивленно уставился на него, осторожно указывая на него пальцем.

– Не говори мне, что сам делаешь так же.

– Тогда откуда, по-твоему, я знаю про этот психологический ход?

– Обалдеть, – засмеялся я. – Это поразительно.

– Только я – не дядя, – он взял миску с картошкой и стал нарезать ее на доске. – Так что можешь спокойно идти по своим делам.

– Ну, раз ты так много знаешь, то должен знать еще кое-что, – я пожал плечами. – Привычка – дело такое. Приобрести ты ее можешь где угодно, с кем угодно, и под влиянием чего угодно. А оставаться она с тобой будет и в других условиях.

– Значит, надо формировать новые.

Предупредив свою тетю, что я скоро приеду, я сел в такси и добрался до нужного дома. Меня встретила недовольная Лиана, и я вдруг понял, как сильно я по ней скучал. Все детство мы провели вместе, и о том, что мы не родные брат с сестрой, мы узнали достаточно поздно. наших матерей мы воспринимали как общих, и если свою я называл «мама», то ее

мама была для меня «*хаз-мама*», что можно перевести как «красивая мама». Подобные прозвища не являлись чем-то необычным для чеченцев, а напротив – встречались повсеместно. К человеку до конца жизни может прицепиться прозвище, которое он получил в детстве; или же ребенок – будь то племянник, сын или внук – как-то по-своему называет кого-то из старших, неосознанно увековечивая свой детский лепет среди родственников.

Отец Лианы умер еще до ее рождения, и потому наша родня, сильно сочувствуя, всегда помогала им. Их было всего двое, Асет и Лиана, мать и дочь, но за их спиной всегда стояли и будем стоять мы – сотня родственников, готовых подставить плечо.

С Лианой мы являлись практически родными братом с сестрой и по *Шариату*, так как будучи грудными малышами имели двух общих кормилиц. Мы родились в военное, тягостное время, а жизнь шла своим чередом. Болезни и прочие трудности не ждут, пока ты не обретишь положения, в котором тебе было бы легче с ними справиться. Так происходило, что Асет нужно было отлучаться от крохотной Лианы, чтобы залечить свои проблемы с сердцем, а случилось и так, что моей матери нужно было срочно отъезжать с отцом в Чечню. Таким образом мы с Лианой были молочными братом и сестрой, что практически приравнивает наше родство к единоутробному, а также мы были счастливыми обладателями двух матерей. Я очень любил своих тетю с сестрой.

– О, вот и явился главный олух и засранец этого города! – дружелюбно поздоровалась Лиана.

– Это ранит, – ответил я, приобняв ее.

– *Хаз вукх хьо*²⁹! – показала из-за коридора Асет, с приукрашенным недовольством на меня взирая. – Вспомнил своих *ненхой*³⁰, неужели!

– Я сейчас возьму, развернусь, и уйду!

Мы обнялись с тетей.

– Ладно, сейчас ведь Рамадан, не будем жестить, – сказала Асет, успокоившись.

Асет была учителем русского языка по образованию и именно этим и занималась до войны. После тяжелых военных лет, которые для нее прошли особенно трагично, она вернулась сюда и занималась мебельным магазином, достигнув при этом действительно больших успехов. Не без небольшой помощи родни, она сумела устроить себе и дочке комфортную жизнь. Дом, в котором они жили, был редким для чеченской женщины случаем самостоятельной покупки, а не наследного владения, и я был безмерно рад за них.

– Голодный? – спрашивала она, уходя в кухню в своем развевающемся домашнем платье.

– А ты как думаешь? – шел я следом.

– А мы о тебе вообще не думаем. Или ты считаешь, что это только ты нас забыл, а мы тут сидим и плачемся по тебе? – язвила Лиана.

Гастрономический талант чеченских женщин был чем-то столь обыденным, что даже не вызывал особенного восхищения. «Если чеченка готовит невыносимо вкусно и много – значит, с ней и ее генами все нормально». Лиана корила меня за эту шутку, которую я считал безобидной.

Столы Асет, как и любой моей тети, были наполнены большим количеством разных блюд. Тут и три-четыре вида салатов: с гранатом, с грибами и грецкими орехами, с мясом и лимоном; котлеты из говядины, вареная баранина, *чепалгаиш*, пироги с картошкой, пироги с мясом... все то, что не оставит равнодушным ни одного чеченца.

– *Хаз-мам*, это вообще кому столько всего? Вроде бы вы совсем недавно узнали, что я приеду.

²⁹ *Хаз вукх хьо!* – дословно «Ты красивый!» (чеч.), но зачастую употребляется саркастически, выражая недовольство.

³⁰ *Ненхой* – родственники со стороны матери (чеч.)

– Ах ты негодяй! – засмеялась она, выкладывая галушки на тарелку из кастрюли. – Думаешь, ты единственный, к кому мы так готовимся? На! – она с чувством выставила мне дулю.

Я опешил, не понимая, обижаться мне или смеяться:

– Ты что, мать, берега попутала?

Они расхохотались, усаживаясь за стол и приглашая меня.

– Я тебе говорила, – Асет обращалась к дочери. – Слишком долго нам против него не устоять. Сколько там времени осталось?

– Через четыре минуты уже *азан*, – ответила Лиана.

Асет выставила по стакану воды и чашке фиников перед нами, и, как только наступило время вечернего *намаза*, мы совершили разговение финиками, а потом помолились. После молитвы мы вернулись за стол и принялись кушать и общаться.

– Как твои дела, Саид? Все хорошо? – спрашивала Асет.

– Да, слава Богу, все гладко.

– Поступил ты в свой институт? У твоего отца ведь там связи, насколько я знаю.

– Да, поступил.

– Подружился с кем-нибудь уже?

– Да! – перебила ее Лиана. – Еще как подружился. Мы же сами видели сегодня.

Я поднапрягся.

– В смысле – видели? – спросил я.

– А как еще мы узнали бы о том, что ты здесь, если не из интернета?

– Не понял... что это я делал в интернете?

– Там этот... *Муслимови къант вар и*³¹? – уточняла у Лианы Асет. – *Ибрийм бохи*³².

– Ибрагим? – я взвел брови. – Познакомился я с одним таким сегодня. Откуда вы его знаете?

– А кто его не знает? – удивилась моему вопросу Асет. – Он же этого племянник... Шамсуддина, да.

Все, что я знал о Шамсуддине Муслимове – это то, что он несметно богатый чеченский бизнесмен. А если ты чеченец и богач – ты обречен быть на устах почти всех своих земляков. Даже я, будучи человеком, не интересующимся такими вещами, все равно не раз слышал это имя и примерно представлял, кто это такой.

– Так вот, ты был на странице этого Ибрагима, – заключила Лиана.

– Что я делал на его странице? Он поведал всем своим подписчикам, что познакомился со мной?

– Нет, балда, ты просто в кадр попал. Он снимал, как вы там в футбол играли. Я когда твою бегающую красную морду увидела, чуть не сдохла. Мы сразу твоей маме пожаловались.

– Да, об этом я уже знаю. Спасибо, кстати.

– А ты как хотел? Всегда тебя спалим и нажалуемся, не переживай, – успокаивающе кивала Лиана.

Наевшись, *хаз-мама* ушла в другую комнату, чтобы прилечь, а мы с Лианой продолжали разговаривать.

– Как тебе в Грозном? Ты давно об этом мечтал, – тон Лианы изменился: она снова стала моим другом.

– Да просто невероятно. Все еще не осознаю до конца, что я тут живу.

– Ничего, еще немного времени пройдет и с паникой вернешься в свою Москву.

– Вот постоянно ты это говоришь, – улыбнулся я, запивая галушки бульоном. – Все вы так говорите. Но я не знаю, что вообще вас может не устраивать тут.

³¹ *Муслимови къант вар и?* – «Он ведь сын Муслимова?» (чеч.)

³² *Ибрийм бохи* – «Ибрагимом звать» (чеч.)

– Да ну тебя, мы миллион тысяч раз об этом говорили, ты все не понимаешь. Сам все поймешь.

– Лиана, я уже и не сосчитаю, сколько раз услышал это «сам все поймешь». Объясни, у вас тут какой-то кастинг есть? Или отбор? Скоро я проснусь где-то в лесу, где меня заставят пройти какой-то тест? Предупреди меня, чтобы я хоть готов был.

– Да лучше бы тест, знаешь. Нет, Саид, я триллион раз тебе все говорила, просто покопайся в своей башке.

Меня уже порядком утомили эти беспочвенные предостережения, которых я успел наслушаться от всех, с кем говорил. Одни говорили о том, что тут невозможно вести бизнес (будто бы они не знали, что бизнес и я – вещи несовместимые), кто-то говорил, что в мою личную жизнь будут лезть все, кому не лень (будто бы они не знали, что личная жизнь, отношения и я – вещи несовместимые), и говорили, что тут невозможно развиваться. Часто говорили про слухи, какое серьезное влияние они могут оказать на человека, какими они бывают разрушительными, жестокими и подлыми. Но, учитывая, что я не планировал привлекать к себе внимания, следовательно, и слухов обо мне не будет никаких. Кому может быть интересен парень, большую часть времени проводящий дома? У людей просто не будет повода обо мне говорить.

– Эй, пойдём пройдемся? Тут весело в Рамадан, – предложила Лиана.

– С удовольствием. *Хаз-мама* отпустит тебя?

Лиана сорвалась с места, добежав до комнаты Асет, и я услышал, как тетя отвечает ей:

– С Саидом? Хоть до Урус-Мартана.

Тут, на улице, состоящей из частных домов, как в Мичурино, была куда более привлекательная атмосфера. Из открытых настежь окон домов доносился смех и громкие веселые разговоры. Откуда-то слышался запах шашлыка, а из ворот дома, мимо которого мы проходили, выкатился крупный, но легкий мяч, а за ним свора маленьких ребятишек. А девушки с прижатыми к ушам телефонами, тихо и одухотворенно расхаживающие взад-вперед, как я понял, были атрибутом любой улицы Грозного. Пройдя каменную холмистую дорогу, мы вышли на городской асфальт и направились в сторону центра. Духота стояла страшная, потому Лиана предложила заскочить в продуктовый магазин сразу под улицей, чтобы взять ледяной воды.

– А куда ты хочешь пойти? – спросил я, пиная камешек.

– Можем до центра. Хочешь? – с надеждой попросила она.

Я поморщился.

– Нет. Но пойдём.

– Отлично!

– Эй! Я проявил вежливость, согласившись, а вот ты должна была отказаться.

– Ты раз в тысячелетие приезжаешь, мне больше не с кем ходить так поздно по улице, так что потерпишь! – воскликнула она.

Я сдался.

– Пойдем, я ведь не против, – я продолжал пинать камешек. – А что еще было видно на странице того Ибрагима? Он что-нибудь еще снимал?

– А что должно было быть?

– Да ничего особенного... просто день был суетный, как и вчера.

– И что это за суета такая?

– Сначала ответь, было там что-нибудь еще?

– Да нет, вроде.

– Ну, хорошо. Теперь я хотя бы знаю, что он не местный корреспондент. Не хотелось бы, чтобы сегодняшние события попали на камеру.

– Ибрагим? Нет, ты чего, это вообще не про него. У него и фотографий-то на своей страничке нет. Да и по странице никак не понятно, что это он. Он ведет ее якобы от лица своей тачки.

– Э-э-э, странно... – протянул я, неуклюже пнув камешек так, что он покатился на проезжую часть. – Подожди-ка! А что за машина?

– Ну эта... *Турне́не*³³которая.

– *Турне́не?! Это его тачка?!*

– Да! – оживленно подтвердила Лиана. – Ты не знал?

– Да откуда мне знать, я особо не слежу за этими социальными сетями. Но мало кто не знает эту машину.

Турне́не – это потрясающе красивый черный «Мерседес» с принтом звездного неба по всей его площади. Мне всегда казалось, что принты на автомобилях – лишнее, но этот был таким качественным, таким талантливым и уникальным, что вбивался в голову и вызывал восхищение. Стоило паре фотографий этого автомобиля появиться в интернете, как он тут же стал хитом. После этого появился профиль неизвестного автора, который выкладывал фотографии и видеозаписи этой машины в разных местах. Особенно сильно мне нравилось ее фото на фоне ночного неба где-то в горах. На той фотографии виднелся черный силуэт человека, сидящего на крыше автомобиля. Освещено все это было лишь естественным светом луны и выглядело просто сногшибательно.

– Очуметь. То есть это его машина и его страница?

– Да.

– А ты-то откуда об этом знаешь?

– Я училась с ним в школе.

– Сын Шамсуддина Муслимова учился в твоей гимназии? – пренебрежительно скривившись, спросил я не без доли поддразнивания.

– Во-первых: он ему не сын, а племянник, во-вторых: да, а что не так с моей гимназией? Драться хочешь?

– Да нормально все, просто странно. Обычно выходцы из богатых семей учатся в частных школах где-нибудь в Греции. Или где еще? Не разбираюсь.

– Нет. Этот – как говорят, «простой, как две копейки». По нему никто бы не сказал, что его дядя миллиардер.

– Вы были одноклассниками?

– Нет, он постарше.

– Понятно... дай-ка свой телефон, – я хотел снова взглянуть на Турне́не, чтобы удостовериться в том, что мы говорим об одном и том же.

Открыв на ее смартфоне приложение социальной сети с фотографиями, моему взору предстала фотография двух девушек. Одна была блондинкой в красном платье, а другая – брюнеткой в синем. Кто-то запечатлел их со спины в момент, когда они фотографировались вместе на фронтальную камеру.

– Ого, это еще кто такая? – замороженно уставившись на светловолосую девушку, спросил я.

Чуть приподнявшись на носочках, она взглянула на экран и ответила:

– А, это Элла.

– Элла? – переспросил я.

– Да, – Лиана, спокойно шагавшая рядом, вдруг округлила глаза и резко выхватила телефон из моих рук.

– Ужас! Они же покрытые, а это закрытая страничка только для девочек! Как мне стыдно, – она сильно стукнула себя ладонью по лбу. – Ты ничего не видел, понял меня? – она угрожающе навела на меня палец.

– Элла... – хмуро повторил я, чуть замедлив шаг. – Она чеченка?

³³ *Турне́не* – «Космос» (чеч.)

– Да-а-а, чеченка!

– А почему имя такое?

– Это укороченная версия ее полного имени.

– А какое полное имя?

– Даниэла.

– Яснее не стало. Разве у нас есть такое имя?

– У нее брат-близнец есть. Его зовут Даниял.

– А вот это уже попривычнее. Значит, Даниял и Даниэла? Видимо, у них креативные родители.

– У них прекрасная семья, – сказал Лиана и, заметив мою заинтересованность, стала дразниться. – А что это ты меня спрашиваешь так? Это же ты тот самый мистер «Я Всегда Буду Один До Конца Своей Жизни»?

Переходя дорогу на зеленый сигнал светофора, мы рассмеялись.

– Я никогда не говорил, что планирую быть один. Я просто хочу жениться, избегая этих унижительных отношений. Когда вы делаете вид, что вы уже пара, сидите ковыряетесь друг в друге.

– М-да. Как будто у чеченцев бывает по-другому.

– Я постараюсь доказать тебе, что бывает, – убедительно кивнул я.

– Слушай, а можешь поведать мне свой план на жизнь в подробностях?

– Лиана, ты моя сестра, с которой я часто делюсь своими мыслями, и ты задаешь мне такие вопросы?

– Не беси меня.

– Ладно. У меня еще нет плана, но есть пара простых условий.

Мы обошли на следующем пешеходном переходе компанию ребят в шлепках и с семечками в руках, выйдя на аллею посреди длинной широкой улицы Шейха Али Митаева, ведущей в центр города.

– Я вся внимание.

– Я должен быть уже взрослым, состоявшимся мужчиной. У меня должна быть стабильная работа с зарплатой в сорок миллионов рублей в неделю, а также дом в Москве. Желательно – двенадцать. И это я говорю про жилые, многоквартирные дома. Автопарк из пяти... хотя, можно и пятнадцати спорткаров, почему нет? Собственный яблочный сад, теплица с овощами и всякое такое, серьезное, знаешь, – я увидел, что ее несильно впечатлили мои шутки, и решил отвечать по существу: – Ладно. Я состоявшимся быть должен, Лиана. Вот к чему я веду. Чтобы подойти к девушке и не номер у нее просить, а сразу замуж позвать. А для этого нужно чтобы было, «на что» звать.

– Фантазер! – громко сказала Лиана. – Такого у нас давно нет. Даже во времена наших родителей уже не было. И кто же согласится на такое?

– Вот та, кто согласится – это и будет мое, – улыбнулся я.

– Ясно. Значит, не видать мне племянников. Хорошо хоть есть запасной вариант в виде Лорса. Дождусь.

– Значит, Элла, говоришь, – снова вдумчиво глядел я перед собой. – А можешь фотографию лица показать?

– Ну уж нет! Ты от ее макушки сейчас отойти не можешь. Что будет с тобой, когда лицо увидишь? – вредничала Лиана и добавила уже сочувствующе: – Да и мне очень стыдно, что ты увидел эту фотографию. Они ведь покрытые, и подписаны на них только девчонки. А я теперь чувствую себя предательницей.

– Ну, это явно лишнее. Какое же это предательство? Ты же не сама показала мне.

– Да-да-да. Забыли. А по поводу Эллы... не думаю, что она станет ждать, пока ты все свои планы реализуешь. Она старше тебя года на три.

- Не беда. Да и это все шутки. Я не всерьез.
- Слушай, ты про какую-то сегодняшнюю суету говорил.
- Угу, – кивнул я. – Было дело. Но не очень хотелось бы рассказывать.
- Как в этом замешан Ибрагим?
- Да никак. Он меня успокаивал.
- Успокаивал? – Лиана удивленно воззрилась на меня. – А ты буйствовал?

Я поморщился, отмахнувшись:

- Немного... но ерунда.
- Ладно, дело твое. Я хотела сказать, чтобы ты с ним не связывался.
- Вот как? И почему же?
- Неважно. И не обижайся, что я не объясняю. Но связываться с ним не надо. Не тот человек.

– Да мне все равно, просто он мне показался довольно положительным.

– О, да. Впечатление он создать умеет, но за этим ничего нет. Короче. С этим человеком никаких дел не имей. Не побоюсь сказать, что он плохой, – отрывисто говорила она, словно боролась сама с собой. – Да, он плохой человек. А ты – нет. Свяжешься с ним – и либо вреда от него не оберешься, либо сам таким же засранцем станешь.

Мы говорили и говорили, и рядом с ней я чувствовал, что я здесь не один. Что город пускай и пытается сбить меня с ног и лишит сил – но этими силами я все равно буду разжигаться рядом со своими родными людьми. Обладая мощью понимания того, что меня любят, ценят, и за меня переживают.

Несмотря на то, что мне не хотелось проходить такой большой путь пешком, я почти не заметил, как мы оказались на мосту в самом центре Грозного, остановившись над мелководной Сунжей. Отсюда все играло красками и бликами, а шум проезжей части заглушался шумом разговоров прохожих. Лиана продолжала предостерегать меня.

– Честно, я видела так много людей, которые испортились, превращались в монстров, что теперь мне ужасно страшно за тебя.

– Лиана, но ведь ты так сильно драматизируешь! Любишь ты это дело.

– Так ведь есть из-за чего драматизировать.

– Нет. Я бы понял, если бы ты меня не знала. Но ты ведь знаешь, кто я и что.

– Знаю. И пугает то, что прежнего тебя тут может и не остаться.

– Лиана! – с чувством воскликнул я. – Ты вынуждаешь меня говорить о самом себе! Своей единственной максимально отличительной чертой я считаю свою непоколебимость! Я – стена. Меня никогда не волнует то, что происходит вокруг. Я не проникаюсь окружением – я наблюдаю со стороны. Ты же прекрасно знаешь об этом, так зачем ты нагнетаешь? Все равно в конечном итоге произойдет то, что должно было произойти. Почему бы тогда не успокоиться и не игнорировать все эти страхи? Так или иначе это зависит от меня – поменяюсь я или нет. Естественно, все это с Волей Бога. А ты все сулишь мне, что я потеряю себя. Как-то мало в твоих словах веры в меня.

– Ты можешь не потерять себя, а найти себя в новом окружении. Как знать, что за окружение ты выберешь. Я лишь переживаю, что ты в силу своей наивности направишься не туда. Ты же сам знаешь: друг – это твой проводник либо в Рай, либо в Ад.

– Друг, – задумчиво произнес я. – Знаешь, ведь совсем недавно я думал, что никогда не смогу найти кого-то, кого назвал бы другом. А сейчас мне кажется, что друг у меня появился.

– Вот! ВОТ! ВОТ ОБ ЭТОМ Я ГОВОРЮ! – провозглашала она так громко, что на нас обернулась кучка фотографировавшихся на фоне «Грозный-сити» девушек. – Ты впечатлительный, импульсивный мальчишка! Ты был так фундаментален в своем отрицании дружбы, что я думала, что никогда ни с кем дружить ты не станешь. А теперь что?! Пара дней прошла – и у тебя, видите ли, друг объявился!

Я снова отмахнулся, уже который раз за день:

– Ничего ты не понимаешь. Ты же не думала, что я никогда в своей жизни не буду меняться? Изменения бывают хорошими и плохими. Что плохого в том, если я нашел единомышленника? Разве это плохое изменение? А ты говоришь о том, что я рискую стать подлецом. Это уже куда серьезнее. Если друга я подсознательно искал всегда, то удобного случая стать подлецом – ну уж нет. Мир не состоит исключительно из черного и белого. Не нужно уходить в крайности тогда, когда смысла в этом нет.

– Тогда посмотрим вместе, к чему тебя твое путешествие приведет.

– Ты звучишь так, будто желаешь мне облажаться, – нервно посмеялся я.

– Нет. Ты просто всегда очень убедителен, Саид, и тебе хочется верить. Я буду надеяться на то, что это не мир окажет влияние на тебя, а ты окажешь влияние на мир.

– Ох, как же масштабно это прозвучало, – я выпятил нижнюю губу.

– Осади, я имела в виду мир вокруг тебя, – поспешила уточнить Лиана. – А то ты, видать, уже чемоданы собрать решил, чтобы с тренингами гастролировать.

– Это было так заметно? – я усмехнулся, а она пихнула меня в руку.

– Я всегда буду за тебя, только не потеряйся. Ты очень добрый. Пусть ничто этого не изменит, – она смотрела на меня так, словно надеялась посеять эти слова в моем разуме, укоренить их. – А теперь провожай меня домой, – она, по-детски поманив меня пальцем, пошла в обратном направлении, и, резко обернувшись – так, что поля ее платка сделали эффектный зигзаг, – дерзко добавила: – И да, снова пешком. Мне нужно сбросить пару набранных за сегодняшний жор килограмм.

Глава 5

Турнене

С тех пор прошли ровно две насыщенные недели. Праздники содержали в себе молитвы, огромное количество еды, похождения в гости и их прием. В городе продолжала буйствовать просто невыносимая жара. Всякий раз, когда мы с Арби шли пешком в центральную Мечеть на дневную молитву, – как раз в тот момент, когда солнце в зените, – всю дорогу мои глаза бывали сжаты в щелочки, ведь путь лежал через самую что ни на есть солнечную сторону. Сопровождавшие 2-й Проспект жилые дома из бежевого камня, раскаленные летним воздушным пламенем, так отражали яркие солнечные лучи, что казалось, будто поверхность их зеркальная.

На время праздников мы с Арби разъехались по родственникам: Я, Висайт, Амир с женой и ребенком съездили к родным из Шатоя с подарками и поздравлениями. Было очень странно и непривычно угощаться их роскошно накрытыми столами в дневное время. С одной стороны было здорово от того, что теперь можно есть и пить днем, а с другой стало очень тоскливо, что священный месяц закончился.

В Шатое я повстречался с уймой своих родных, живших здесь, и с теми, кто также приехал погостить. Младший троюродный братик Ясин уже совсем подрос. Я увидел, что он ходит в моей старой спортивной футболке, которую моя мама отправляла вместе с кучей других ставших мне маленькими вещей. Когда я вспомнил, что в этой футболке я занимался физкультурой, это навлекло на меня приятные воспоминания с запахом резины, покрывавшей школьную футбольную «коробку».

Младшая сестра Ясина – Алиса – стала настоящей хозяйкой, и уже выполняла основную работу по дому, носила платок на голове и нянчилась с самым маленьким членом семьи – пятимесячным Байсангуром, сыном Барет. Вообще, это была большая, веселая и дружная семья. Хозяином в доме был ‘Абдул-Малик – двоюродный брат моего отца, *йохк децы*, Висайта и Сулеймана. У него было пятеро детей: старшая дочь Барет, сыновья-погодки Зелимхан и Бекхан, Ясин и самая младшая девочка – Алиса.

Барет, что была уже замужней и успела стать матерью, было двадцать четыре года, а Зелим и Бека были старше меня на два и три; Ясину было тринадцать, а Алисе – одиннадцать. Словом, скучать друг с другом нам не приходилось, только малыш Байсангур все чаще напоминал мне Люлюку своими капризами.

Все дети ‘Абдул-Малика имели очень хорошее воспитание, демонстрируя гостеприимство, что немудрено, ведь их отец был учителем, преподающим Ислам и арабский язык. Барет и Алиса были заботливыми хозяйками и помощницами матери, а Зелим, Бека и Ясин были надежной опорой отца. Помимо имения, за которым нужно было ухаживать, сыновья также работали в продуктовом магазине, что был встроен в один из домов ‘Абдул-Малика прямо у ворот, ведущих в их двор. Местные сельчане приходили за продуктами и домашней утварью только сюда, что дополнительно создавало праздничную, дружественную атмосферу в эти дни.

Поначалу я планировал вернуться в город в первый же день вместе с Висайтом и Амиром, но в итоге остался и провел там десять дней из прошедших четырнадцати.

Муж Барет позволил жене остаться на праздниках в отчем доме, отчего на ее лице всегда можно было найти улыбку, а движения ее были окрыленными, воздушными. Она с удовольствием бралась за кухонные дела, от которых, казалось, должна была изрядно устать, и попутно всему учила младшую Алису, которая с большим интересом наблюдала за сестрой и во всем ей подражала.

Алисе было одиннадцать, и она была настоящей красавицей. За то время, которое я там провел, к нам в дом на праздники приходили в гости около шести семей, так или иначе заво-

дивших тему будущего Алисы. Они неустанно, сначала как бы невзначай, а потом в лоб и открыто намекали на своих подрастающих сыновей, что, мол, было бы неплохо в будущем их поженить. Но, как я понял, 'Абдул-Малик и его жена Хабира не сильно торопились с этим, тактично и культурно сводя такие беседы на нет.

Ясин, несмотря на возраст, редко шутил и не нес чепухи, как большинство его ровесников. Он был очень доброжелательным и улыбочивым, но в то же время рассудительным и ответственным. Возможно, при словах «рассудительный» и «ответственный» у кого-то в голове сразу всплывает образ лица с выражением суровой серьезности, но быть улыбочивым – не значит быть глупым и легкомысленным.

– Ясин, принесешь мне коврик для намаза?

– Конечно!

– Ясин, подай, пожалуйста, сахарницу.

– Конечно!

– Ясин, сходишь за водой?

– Конечно!

– Ясин, дашь поиграть в приставку?

– Конечно!

Он на любую мою просьбу отвечал этим «Конечно!», восклицая это так сердечно и с чувством, что порой мурашки по коже пробегали.

Ближе к ночи я, мои братья и сестры, а также некоторые соседские девушки собирались во дворе нашего дома и немного шумели, чем заслуживали укоризненные комментарии тети Руми – родной сестры Абдул-Малика, которая жила во втором из двух домов его именина.

– Ш-ш-ш! А ну спать, быстро! – она говорила шепотом, но это был такой шепот, который, несмотря на глухоту своего звучания, мог раздаться эхом на все село.

Когда все девушки отправлялись на боковую, мы с ребятами выходили на задний двор, где росли посаженные Абдул-Маликом, Хабирой и Руми кукуруза и баклажаны с помидорами, и, перепрыгнув через пока еще зеленый урожай, садились в высокой траве. Мы рассказывали друг другу разные истории, страшные или смешные, любуясь звездами.

– ...и тогда он снова обернулся и увидел, что на голове той коровы была какая-то красная маска или что-то вроде того, и она улыбалась. Но не типа вежливо, а зловеще, с клыками, морщинами и рогами. В общем, все как полагается. А потом он тут же отвернулся, зачитал суру *Аль-Фаляк*, и, не ускоряясь, пошел домой. И больше не оборачивался, – завершил Бекхан историю своего друга, который ночью, возвращаясь по проселочной дороге домой, услышал звон колокольчика, а затем увидел три обезглавленных коровьих труп.

– Очуметь можно, – выдохнул я, лежа на протоптанной нами траве, заведя руки за голову. – Самое главное – не растеряться в такой ситуации. *Шайтан* тут же возьмет над тобой власть.

– Или вселится, как *джинн*, – вставил Зелимхан.

– *Шайтаны* и есть *джинны*, – поправил Бека.

– Я сын того же отца, что и ты, – не остался без ответа Зелимхан.

– Я тоже знаю одну историю! – радостно оживился Ясин, и было ясно, что рассказать он хотел что-то пугающее, но вид у него был счастливый.

– Какую? Давай ты скажешь, что за история, а расскажу ее я. А то у тебя такой голос, будто ты нас растрогать пытаешься, – заботливо сказал Бекхан.

– Про машину и девушку!

– Классная история. Рассказывай, Бек, – сказал сонный Зелимхан, но слова его звучали безучастно.

– В общем, однажды парень ехал ночью на машине, и увидел, как девушка голосует на обочине. Совсем одна стоит, да и та еще красотка. Глупец думал ее подцепить, сами понимаете.

Останавливается он, значит, и зачем-то выходит из тачки, чтобы заговорить с ней. Когда он вышел, у него что-то выпало из рук. Телефон, вроде. Или ключи. Или еще что... в общем, нагнулся он за тем, что уронил, и случайно – а может и специально – взглянул на ее ноги, он... Ясин, закрыл уши, – мальчик послушался. – Чуть не обделался.

Зелим цокнул и наугад бросил руку, стараясь дать Беке подзатыльник.

– Ясин, открывай, – Бек жестом дал знак, увернувшись от руки уже почти спящего старшего брата. Ясин хихикнул. – У нее ноги были повернуты в другую сторону. Ну, колени у нее сгибались с другой стороны. Короче парень этот залетел обратно в тачку, и педаль в пол сразу же. Едет он, огромную скорость набрал, поворачивается – а она бежит наравне с ним! И голову повернула в его сторону, а там вместо милого личика уже какое-то вытянутое, ужасное лицо! Перепуганный парень в шоке стал читать *аят Аль-Курсий*, так шайтан этот тут же испарился. Не терпят они прекрасный *Кур`ан*.

– Точно, – улыбнулся я.

– А не останавливался бы с такими позорными мыслями – не пришлось бы ему бояться! – добавил Ясин.

История меня, конечно, здорово напугала, ведь на дворе была ночь, а за моей макушкой – огромное поле, упирающееся в подножие горы, что также была укутана зеленью деревьев. Сиди и думай, что там в темноте обитает. Услышь я это где-нибудь в кафе на Проспекте, где вокруг много людей, я бы воспринял эту историю иначе. А тут – высоко в горах – в двух с половиной часах езды от города, мне стало страшно, ведь сила моего воображения была действительно очень внушительной, и я без труда представил себя на месте того парня, примерно поняв, какие эмоции настигли бы меня.

– Ты в курсе, что Мату за тебя думают выдать? – неожиданным выпадом нарушил тишину Бека.

Я опешил и удивленно глянул на него, а страх как рукой сняло.

– Да-да. Она ведь тебе уже который день глазки строит, ты не видишь, что ли? Они с Хади никогда к нам так часто не приходили. Ты их маме нравишься, и Абдул-Малик сказал ей, что попробует женить тебя на Мате.

– По-моему, это Хади, – предположил Зелим и его обессиленный голос раздавался будто из глубокой пучины сна.

– Да какая разница. У них вообще никаких отличий нет, я таких близнецов в жизни не встречал! Так что, если женишься на Мате, может, ее порой заменять будет Хади.

– Вот дурак, – Зелим уже совсем заснул.

– Я имел в виду по уборке дома и все такое, – закатил глаза Бека.

– Не женюсь я на ней, – смущенно сказал я.

Слушать такие разговоры всегда было захватывающе, как бы ты к ним ни относился. У Маты (а, следовательно, и у Хади) было приятное светлое лицо, и в целом очень приятная наружность, но мне она не нравилась. А даже если бы и понравилась, то я был слишком убежден в том, в чем убежден, чтобы воспользоваться первой же возможностью засвататься к девушке.

– Ну, смотри. Мы их видим почти каждый день с самого детства, и это очень достойные девушки из очень достойной семьи.

– Я и не говорю, что сомневаюсь в их чести, – я все еще улыбался и стеснялся своей улыбки. – А вы чего?

– Отец уже давно условился с другими семьями, и там нас очень красивые девушки ждут, – мечтательно сказал Бека.

– Слушайте, а как вы к этому относитесь? – решил посоветоваться я.

– К чему именно?

– Что за вас решают, на ком вы женитесь.

Сон Зелима как рукой сняло, и они с Беком переглянулись.

– Плохо дядьку своего знаешь, – с шутливой укоризной хмыкнул Бека. – Неужели ты думаешь, что отец женит нас на ком-то, на ком мы не захотим? Или Алису выдадут за кого-то, кто будет ей неприятен? Вон Барет у нас счастливая.

– Это вы, городские ребята, погрязли в мнимой свободе, и все, что отличается хотя бы на одну нотку от того, к чему вы привыкли, считаете кощунством, – доброжелательно критиковал Зелим.

– Так, попрошу не сравнивать меня с теми, с кем вы меня сравниваете. У меня просто свой взгляд на это. Тут, на самом деле, больше о стыде, чем о каких-то устоях. Мне очень неловко вообще затрагивать такие разговоры с родителями.

– У вас детская травма? – поморщился Бека.

– Возможно. А еще возможно, что не помню я эту детскую травму именно потому, что мой мозг желает оградить мою пошатанную психику.

– Я уже не очень понимаю ваши разговоры, – вмешался Ясин.

Мы засмеялись и смешнее всего оказалось Зелиму, который стал утирать уголки глаз.

– В общем, – покашливая, избавлялся от смеха он. – Нас никто ни к чему не обязывает. Отец очень грамотно всегда приглашал к нам гостей с дочерями. И в пару таких вылазок мы познакомились с теми девушками, которые понравились нам. А мы, наверное, понравились им.

– Слушай, если они нас с тобой еще не погнали в шею, то, наверное, да, – задумчиво кивал Бека. – Только сейчас об этом задумался! Мы им нравимся, Зелим! Саид, они такие красотки! Мы что – нравимся этим красавицам?!

– Да-а, моя прекрасная Лариса, – Зелим засмеялся, не сохранив никакой сонливости в своем голосе.

– И моя Мадина! – подхватил Бека, словно парировав, и затянул набившую оскомину каждому чеченцу на свете песню: – «*Мадина-Мадина, ахам со вийна!*»³⁴

До этого учтиво и покорно молчавший Ясин, словно чувствовавший исключительную признательность за то, что он вообще получил право с нами находиться, захлопал в ладоши и запел в унисон брату.

– Ничего себе ты вспомнил, – смеясь, сказал я. – Эта песенка уже давно не на слуху.

– Не забывай, что мы «колхозники». До наших гор долго доходит. То, что в городе было популярно пару лет назад, становится настоящим хитом у нас прямо сейчас.

– Город, говоришь? Я думал, что эти приколы с вас, колхозников, и начинаются, – сказал я, уворачиваясь от попытки Бека меня стукнуть.

Зелим устало закатил глаза и сказал, что пойдет спать. Бека с Ясином пошли за ним и позвали меня, на что я попросил пяти минут одиночества. Когда они удалялись, Ясин снова запел своим ребяческим голосом, и когда он на секунду прервался, я понял, что он перепрыгивает через помидорные кустики.

Я всегда страшно тащился от шатойских ночей, это действительно нечто фантастическое; это кое-что такое, что, несомненно, нужно видеть своими собственными глазами. Звезд на небе было так же много, как рисовой крупы, высыпанной из пятикилограммового мешка на паркетный пол: они то располагались одиноко, самостоятельно, то кучковались и сбивались друг с другом в загадочной белой дымке, заполнявшей всю синеву ночного неба, или явно намекали наивному уму на какое-нибудь из созвездий, которые, все же, тут различить мне не удастся никогда. Обилие небесных светил постоянно то и дело создавало иллюзию падающих комет или астероидов, потому что кажется, что ну просто невозможно, чтобы тебе была открыта картина с таким количеством звезд, и в каждое из мгновений, что ты ее созерцаешь – с места не сдвинулась ни одна из них. Это было просто головокружительное зрелище, перед

³⁴ *Мадина-Мадина, ахам со вийна!* – «Мадина-Мадина, ты меня убила!» (чеч.) – Слова из популярной чеченской песни нулевых Юсупа Джаватханова.

которым не сумеет устоять ни один даже самый законченный циник, признав всю невероятную красоту и тепло космоса.

Эти ночи завораживают и запредельно вдохновляют, и в поисках этого вдохновения я много времени проводил на улице и во дворе дома.

Часто ночами мы гуляли, ступая по широким сухим песчаным тропинкам, зазубренным камешками, по которым в темноте редко проезжали автомобили, качавшиеся из стороны в сторону из-за сюрпризов искалеченных шатойских дорог. Дороги эти порой и меня заставляли врасплох настолько, что я пару раз чуть не ронял колено из сустава: кочки, коими проселочные дороги изобиловали, будто поджидали момента, чтобы привлечь мою ногу в свою нишу, в которой медленно исчезала дождевая вода.

Дожди здесь были редкими, но если случались, то были оглушительными и беспробудными, стеной ниспадая с небес. Ясин, несмотря на то, что ребенком был очень послушным, получив наказ не выходить из дома в дождь, все же выдумывал себе те или иные предлоги, чтобы хоть пару секунд побыть под шквалом теплой воды, перебегая от одного дома владений 'Абдул-Малика к другому.

Одна из самых невероятных картин Шатоя пишется в те моменты, когда ночное небо во время дождя редкими, но сказочными мгновениями освещается синими грозowymi вспышками, которые во тьме так великолепно открывают взору нижние горные ярусы соседних сел, что дух захватывает. Любая погода делала это место прекрасным, абсолютно любая. Теплая звездная ночь или на первый взгляд суровая дождливая гроза – ничто из этого нельзя выделить как единолично прекрасное. Но и это было не все.

Горы угрюмо и величественно возвышались своими идеальными круглыми силуэтами над селом, и порой воображение завершало эту мощную картину каким-то отдаленным глухим отзвуком рыка грузного зверя. Они были прекрасны. Их дремучие чернейшие очертания окружали со всех сторон, стоя под темно-синим небом, освещенным невообразимым разнообразием звезд, и придавали уют и чувство защищенности, будто это стены родного дома. Находясь здесь тебе не страшны поджидающие в большом мире заботы или надуманные и навязанные обязательства: стоит им броситься за тобой вдогонку, застав тебя на подступах к селу, как горы своей многочисленной армией, будто раздувающие ноздри быки, заслонят тебя от любой угрозы своими массивными телесами.

Я люблю Шатой, безумно люблю.

Уезжая оттуда я, как обычно, очень тосковал, но сразу условился с самим собой, что обязательно еще не раз вернусь туда для получения того же заряда положительных эмоций, и вернусь без повода, в одиночку. Связавшись с Арби, я выяснил, что он также задержался в Шатое, и мы решили возвращаться в Грозный вместе. Мне захотелось, чтобы прежде он немного погостил у нас, а потом мы планировали выезжать. Зелим сказал, что одолжит нам свою машину, а из Грозного в Шатой ее перегонит его товарищ, который сегодня как раз собирался приехать.

Поначалу Арби упорно отпирался от предложения пообедать, но я все же уговорил его прийти к нам. Встретив его на извилистой дороге, представлявшей собой песчаный склон, тянувшийся со стороны гор в направлении города, я прочувствовал всю необычность того, что мы увиделись теперь и тут. Словно у нашей дружбы открылось дополнительное место для времяпровождения, словно история нашей дружбы начинает развиваться. Я всегда был особенно сентиментален в горах.

– Шатой тебе к лицу, – с привычным смущением в бровях и уверенностью в голосе заметил Арби, протянув мне руку. – Выглядишь умиротворенно.

– Да ну? Я и в городе не страдаю, вроде, – пожал его руку я. – Я страшно люблю всю Чечню.

– Но тут на тебе словно забот поменьше.

– О, в таком случае согласен, – я кивнул. – Здесь их у меня вообще нет. Ты как?

– Слава Богу, я отлично. А ты?

– Тоже. Как время провел? Всех поздравил?

– Да, давно я не делал столько телефонных звонков.

– Как я тебя понимаю, – я жестом пригласил его пройти во двор дома моего дяди. – Я тоже обзвонил всех, кого сумел вспомнить. Представь, когда я позвонил маме, оказалось, что она думала, что я приеду в Москву хотя бы на пару дней. А твои родители тоже ждали те?..

– Магазин, который был на входе, это магазин твоего дяди? – перебил он, указывая пальцем на прилавок.

– Да.

– Оказывается, я уже заочно гостил у тебя раз десять за последние дни.

– Вот как, то есть мы могли бы увидеться и пораньше, – я нервно почесал затылок. – Извиняй. Я как комнатное растение – люблю стены, тепло и окна.

За обедом мы много общались и веселились. Мои родственники оказывали Арби много внимания, демонстрируя гостеприимство и пытаясь его раскрепостить. Бека только и делал, что подкалывал меня, чтобы рассмешить Арби, да и я был не против.

– Если что, Арби, то знай – наш Саид ненавидит друзей, – ерничал Бека.

– Так и рождаются слухи. Испорченный телефон, – пожал плечами я, выловив взглядом смеющуюся Барет.

– Ну а что? Ты же у нас такой весь волк-одиночка.

– Поживи в Москве всю свою сознательную жизнь, окруженный людьми, которые не принимают тебя, не понимают твоего мировоззрения, и, что ужаснее – пытаются навязать свое. Посмотрим, как ты запоешь, – шутливо хмурился я, сильно преувеличивая.

– Все у тебя виноваты, кроме тебя самого, – подыгрывал Бека. – Да и у тебя причины и посерьезнее были, насколько я помню.

– Да, только давай ты будешь копать в куске торта на своей тарелке, а не в моей голове? – угрюмо сказал я на чеченском, и все, включая молча наблюдавшего за нами с неприкрытым умилением ‘Абдул-Малика, засмеялись.

Дом дяди был намного ближе к выезду в город, и потому отъезжать мы решили именно отсюда. Бека выгнал машину Зелима во двор, а Ясин открыл ворота. Я решил, что не стану предлагать Арби садиться за руль – как сделал бы это в любой другой ситуации – потому что мне не хотелось нагружать его ответственностью за любое теоретическое происшествие, которое может настичь нас в дороге. Попрощавшись со своей родней, я закинул наши с Арби рюкзаки на заднее сидение внедорожника. Сев на водительское место, я настроил его поудобнее под себя, выверил зеркала заднего вида, а затем пристегнул ремень.

– Плохой знак, – дразнил Зелима Бека. – Он пристегнулся. Значит, планирует не жалеть твою ласточку.

– Он с Москвы, – устало отмахнулся Зелим. – Они там все пристегиваются.

– Как вы надоели! – засмеявшись, громко выкрикнул я через опущенное окошко, выезжая на проселочную дорогу.

Когда мы благополучно добрались до Грозного, я, высадив Арби на Трудовой, отправился отдавать ключи от машины другу Зелима. Он был на Бульваре, где машины не ездят, потому пришлось оставить ее на Проспекте и дойти до него пешком. Встретившись с ним и отдав ему ключи, я завидел Лиану, выходящую из кофейни с прозрачным стаканчиком в руках. Цвет содержимого доверия не внушал.

– Девушка, а что это вы пьете? Краситель с красителем, заправленный сливочным красителем?

Лиана, широко округлив глаза, стала искать источник звука и, обернувшись, нашла меня.

– Бесишь! – крикнула она.

– Пугаю, скорее, – иронично скорчил гримасу я. – Только вот загвоздка: меня ты боишься, а этой синей воды с пузырьками – нет.

– Отвянь от моего лимонада.

– Что делаешь тут? Грустно видеть тебя одной, но оно и закономерно.

– В смысле?!

– Ну, я все понимаю и совсем не удивлен, что у тебя нет друзей.

Она сильно размахнулась своей дорогой декоративной сумочкой, поместиться в которую может разве что горсть ватных палочек, и ударила меня по голове. Лиана, увидев, что угодила мне прямо над бровью, схватилась руками за свое лицо, выразившее ужас и досаду.

– Прости-прости-прости-прости-прости!.. – заверещала она.

– Да все нормально, не парься, – я растирал бровь.

– Я такая дура! Хотела пошутить, прости меня, Саид, прости, пожалуйста!..

– Ну и юмор у тебя...

– Ого! – услышался знакомый голос. – Значит, это у вас семейное! А я все думал, Саид, на кого же ты так сильно похож, и кого ты мне напоминаешь!

Лиана, оцепенев, посмотрела мне за спину. Продолжая растирать больно пульсировавшую бровь, я обернулся и увидел Ибрагима.

– Что именно «семейное»? – спросил я.

– Ну, во-первых: *ас-саяму 'алеякум!* Во-вторых: *Мархани Дал кьобал дойл*³⁵! А в-третьих: я про вашу тягу к дракам и насилию!

Ответив на его приветствие и поздравление, я пожал протянутую им руку.

– Так вы родные брат с сестрой?

Лиана тоже украдкой ответила на его поздравление и сразу немного отстранилась, делая вид, что ищет что-то в своем футляре для зубочисток, которым огрела меня секундами ранее.

– Нет, двоюродные. А что? Откуда вы знаете друг друга? – бесстрастно спросил я.

– Да я не поверю, что она ничего обо мне не говорила, – несколько печально отвечал он. – Но если так, то тогда отвечу сам: мы вместе учились.

– Понял. Ладно, у тебя там дела видимо... – я ткнул пальцем в телефон, который он держал в руках. Судя по написанному большими буквами имени по центру экрана, и по таймеру со сменяющимися числами, кто-то висел на звонке.

– Слушай, может соберемся парнями и посидим где-нибудь? Ты же тут недавно. Познакомлю тебя с ребятами! – улыбаясь, предлагал он. – Позовешь еще своего друга, будет здорово! Давай свой номер.

– Давай, почему нет, – невозмутимо и почти грубо отвечал я. – Записывай.

Я продиктовал ему свой номер, и мы попрощались. Когда он удалился, ко мне подбежала недовольная Лиана.

– Может тебя еще по второй брови треснуть?! – от ее бывшего сожаления не осталось и следа. – Я тебе что говорила?!

– Я обязан тебя слушаться, ты так думаешь?

– Оф-фай, Саид! – недовольно восклицала она. – Даже один тот факт, что он подошел к нам при всех и говорил с тобой – это уже может нанести тебе вред! И вот эти «во-первых», «во-вторых», так и знала, что ты у него нахватался! Когда успел?!

– Да не глупи ты. Я сам разберусь, что мне делать и с кем разговаривать. Мне без разницы, кто и что будет об этом говорить. Я о нем ничего не знаю. Ни плохого, ни хорошего. Хотя из-за твоих слов уже отношусь к нему предвзято.

– Ладно, Саид. Ладно. Ты только оглянись вокруг. На тебя уже пялятся.

³⁵ *Мархани Дал кьобал дойл!* – «Пусть Бог Вознаградит тебя за твои посты!» (чеч.)

И правда, люди вокруг стали с интересом вглядываться в нас с Лианой, стоило Ибрагиму отойти.

– Он и впрямь знаменитость? – неприкрыто и намеренно в ответ тарачась на нагло взиравший на меня народ, спросил я Лиану.

– Да, самая ненавистная местная знаменитость.

Я обернулся к ней, желая пристыдить за такие крепкие слова, которые она себе позволяла, но передумал. Теперь меня переполняло любопытство, которое очень хотелось скрыть даже от самого себя, но не получалось. Мне всегда почему-то хотелось влезать в чужие дела. Почти всю мою жизнь меня раздражало любое популярное в обществе мнение, и почти всегда моя душа требовала идти ему наперекор. Я понимал, что у меня не может быть лишь одной точки зрения о том или человеке, пока я не удостоверюсь лично. В любой другой день я отказался бы от любой встречи с малознакомыми людьми, но особенно агрессивная прыть Лианы буквально заставила меня выяснить все самому.

Мы с Лианой решили вновь прогуляться по городу. В отличие от нашей предыдущей вылазки – эта была при свете дня, так что людей вокруг было также немало, только они не развлекались, как вечером, а были погружены в свои дела.

– Он, вдобавок ко всему, еще и известный торчок.

– ЧТО?! – подавился я кукурузой, которую Лиана предложила купить на Площади перед Мечетью. – Ты как разговариваешь? Ты вообще... – я прокашлялся, – ...вообще уже за языком не следишь. Я же твой брат.

– Бу-бу-бу, как мило ты возмущаешься.

– И в каком это смысле «торчок»?

– Говорят, он что-то там курит. Что-то необычное.

– А-а, – протянул я, запивая кукурузу водой. – Так и говори: «говорят». Хотя после этих слов можно и не продолжать.

– Саид, не могут же ошибаться абсолютно все! – воскликнула она.

– Я не думаю, что Ибрагим на языке абсолютно у всех. И меня очень напрягает, что сейчас он на языке у нас.

– Ладно, я больше ничего тебе про него не скажу. Твое дело. Просто...

– Ты за меня переживаешь, я это уже слышал, – я умиротворенно ей кивнул, – Я только... погоди, – я увидел кукурузу на уголке ее губ и протянул ей салфетку. – Я только попытаюсь уверить тебя, а ты уже думай, как хочешь, – она утерла губы салфеткой и вопросительно на меня посмотрела. – Да, да, убрала. Так вот. Если я увижу, что он действительно так плох, как о нем говорят, я буду избегать его, не переживай. Мне такие знакомства не нужны.

Я решил прогуляться с ней до «Гранд Парка» – где всегда стоит импровизированный таксопарк – и отправить ее домой. Я ходил мимо машин, вглядываясь в лица водителей, чтобы найти таксиста постарше. Пройдя почти за угол торгового центра, я увидел старичка с сухим морщинистым лицом за рулем выдавшей вида покоцанной машины. Я назвал ему адрес Лианы и заплатил заранее, а моя сестра, попрощавшись со мной, уселась сзади. Я провожал их взглядом, пока они не скрылись за поворотом.

– Вот так встреча, – послышалось прямо сзади меня.

Я не вздрогнул, хоть это и было внезапно и неожиданно.

– Ага, потрясающе, мы ведь так давно не виделись, – я пожал свободную руку Арби. – Что это он у тебя делает?

– На улице ему страшно, поэтому пошли домой скорее, пока этот здоровяк совсем не потерял уважение местной кошачьей братвы.

Арби забрал Боксера у родственников, у которых кот находился во время праздников. Он сидел в контейнере-переноске, и его напуганные глаза метались из стороны в сторону. Он очень жалобно и громко пищал, обливаясь после каждого громкого выкрика. Зрачки его

расширились донельзя, и он сделался безумно красивым, даже красивее, чем обычно. Давно заметил, что красота кошачьих мордочек прямо пропорциональна размеру их зрачков.

У Арби за спиной был рюкзак, и я взял у него переноску с котом.

– Ух, вот он тяжелый, конечно... Что у тебя с рукой?

Правая рука Арби была перевязана эластичным бинтом в локте.

– Тетя попросила помочь ей дома, – взвел брови Арби.

– Получилось, как я смотрю.

– Ага, со стремянки свалился.

Придя домой, мы помолились, а затем я улегся на диван в своей комнате, чтобы вздремнуть. Мне еще не доводилось раскладывать его в спальное место, потому что гораздо сильнее нравилось спать вот так. Правда, из-за того, что я был длиннее, чем диван, я мог несколько раз за ночь проснуться от болей в коленях, обнаружив свои ноги на дальнем подлокотнике. Видимо мои колени прогибались, не имея опоры, и сквозь сон я всегда очень медленно сгибал ноги, боясь резким движением порвать связки. Было странно, что при этом я все равно не выдвигал диван, чтобы спать по-человечески, но в этом не было лени: мне просто было менее уютно спать на широкой постели.

Разбудил меня Арби, который протягивал мне мой вибрирующий от звонка телефон.

– Извини, но это уже четвертый или пятый звонок, – оправдывался Арби. – Может, что-то срочное.

– Ничего, – просипел я, еще не отойдя от сна. – Нормально... спасибо.

Я принял дребезжащий телефон из его рук, взглянув на экран, обжигавший мои глаза светом. Номер был незнакомый.

– Аллю.

– «Брат, это Ибрагим. Мы с тобой договаривались...»

– Иб... да, да, помню.

– «Ты где сейчас?»

– Дома.

– «Я в «Гранд Парке». Знаешь, где это?»

Я усмехнулся.

– Да. Живу в двух шагах.

– «Отлично. Подходи тогда. Буду ждать».

– Когда подходить?

– «Я уже тут, так что в любое ближайшее время».

Он сбросил трубку, и я посмотрел на время: девятнадцать ноль пять. Арби, вышедший из комнаты во время моего разговора, вошел обратно и предложил выйти на улицу прогуляться.

– Ты прямо вовремя. Мне звонил Ибрагим, я видел его сегодня, и теперь он хочет встретиться.

– Зачем?

– Понятия не имею.

Помолившись, мы вышли из дома и направились к торговому центру через его задний двор, а не через Проспект. Солнце село, но его красноватый свет все еще задерживал наступление ночи. Рабочий день еще не закончился, и люди пока не возвращались в свои дома. В такие моменты жизнь на Трудовой была нетороплива. Городские шумы добирались сюда сквозь преломление вязкой зернистой жары, и затухали в ее волнах. Иногда тишину нарушали громко спорящие дети в футболках, достигавших их тоненьких коленок. Они носились друг за другом и дрались, пискляво возмущаясь друг на друга либо за украденное мороженое, либо за отказ поделиться велосипедом. Вот женщина выуживает постиранные вещи из объемного таза и вывешивает на леске, протянутой между двумя столбами прямо напротив дома. Тут же непо-

далеку с телефоном у уха стоит смуглый лысоватый молодой мужчина, зачем-то старательно пытаюсь удержаться на потрескавшемся бордюре в своих кожаных шлепанцах с ремешками. Все это было мне настолько по душе, что, казалось, мне никогда не избавиться от этого «синдрома гостя». Или же такая моя большая любовь ко всему вокруг и является следствием осознания того, что я дома? Возможно, и так. Только мне всегда казалось, что, находясь на родине, ты перестаешь относиться ко всему с особенным трепетом, считая это обычным делом.

Подходя ближе к «Гранд Парку», я увидел Турнене.

– Очуметь...

Арби сначала вопросительно взглянул на меня, а потом устремил взор туда, куда смотрел я. Знаменитый автомобиль стоял на парковке, находящейся ровно на середине пути между нашим домом и торговым центром. Вокруг него бегали дети, а ребята постарше, как бы невзначай, фотографировали, умело пытаясь это скрыть. Были и те, кто, ничего не стесняясь, щелкали себя на фоне Турнене. Только лишь девушки, старательно делая вид, что безразличны к этой провозглашенной обществом достопримечательности, самоотверженно проходили мимо. Не иначе, как думали, что сам владелец сидит там за затонированными стеклами, безусловно обращая внимание на их неприступность.

– Она просто обалденная... – продолжал я.

– Да, живую намного впечатляюще, чем на фотографиях, – кивнул Арби. – Интересно, что она тут делает.

Нахмурившись, я воззрился на него, а потом меня осенило.

– А-а-а, я же не рассказывал тебе. Это машина Ибрагима.

Арби не сильно удивился.

– Здорово. А ты откуда знаешь?

– Мне моя сестра рассказала.

– Понятно. А сам он, получается, внутри? – он кивнул в сторону «Гранд Парка».

– Да, ждет нас.

На входе в торговый центр я набрал номер Ибрагима, но дожидаться его ответа мне не пришлось: он сидел в открытом ресторане, расположенном по центру вестибюля на первом этаже.

– Вон он.

Ибрагим, казалось, с завершения нашего телефонного разговора просидел вот так, как сейчас: вполоборота на стуле, обняв спинку, потрясывая ногой и закусывая губы. Завидев нас, он очень резко вскочил, приманил нас рукой и, широко улыбнувшись, стал дожидаться, пока мы к нему подойдем. Мы поздоровались.

– Садитесь тут, братья. Как у вас дела? Не оторвал вас ни от каких важных дел?

– Нет, все нормально, – ответил Арби.

– Будете что-нибудь? Я пока только кофе попил, но я ужасно голоден!

Он сильно нервничал, о чем свидетельствовал его неуверенный, блуждающий взгляд. Ибрагим поеживался, хрустел пальцами, и мне стало его немного жаль. Я решил не смущать его отказом.

– Вот меню, – он суетливо протянул нам с Арби гляцевый лист.

– Пицца же тут есть? – с напускным участием интересовался я.

– Да, должна быть. Тоже буду пиццу, хороший выбор!

Мне становилось все более некомфортно.

– Я буду суши, – добавил Арби.

Отправив официанта с надиктованным заказом, Ибрагим стал много разговаривать. Это выглядело похожим на то, будто он показывает какой-то фокус, и потому вынужден отвлекать наше внимание своей речью – настолько она казалась странной и необязательной. Он начал рассказывать нам об университете, в котором он уже проучился год, и осенью начнет обучение

на втором курсе; поведал о каких-то коррумпированных схемах по сдаче экзаменов, и что он знает людей, которые ими промышляют, на случай, если кто-то из нас захочет получить отметку в зачетке таким способом; стал говорить о каком-то своем друге, который уехал в Европу и пропал, и что это самый близкий его человек и чуть ли не единственный друг. В какой-то момент он вскользь упомянул о том, что сейчас общество в Грозном настроено по отношению к нему очень враждебно, но, даже без нашего с Арби внимания к этому, все же произнес фразу: «Я не очень хочу об этом говорить».

– А, значит, про это и говорил твой друг на отборе? – поинтересовался лишь я.

– Ты про Рената? Да, он любит подшучивать над этим.

– Как-то лицемерно, что к тебе якобы все настроены недружелюбно, а от твоей машины не отлипают никак, – я пожал плечами.

– Ого, а откуда ты знаешь, что «Турнене» – моя? – небывало просиял Ибрагим.

Я запнулся, потому что мой ответ мог вызвать в нем мысли, которые я бы не хотел поселить в его голове. Но, судя по выражению лица Ибрагима, было уже поздно.

– Лиана рассказала?

Он продолжал улыбаться, и улыбка эта больше походила на защитную реакцию. Еще на тренировке я сразу отметил, что он выглядит каким-то поникшим. Если смотреть только на его глаза, может показаться, что ему лет пятьдесят, настолько печальный и уставший у них был вид.

– Да. Мы же сегодня с тобой как раз столкнулись.

– Она говорила что-нибудь еще?

– Да. Например, попросила меня купить кукурузу. Еще мы обсуждали с ней вред кино и сериалов... или ты спрашиваешь меня не об этом?

Ибрагим рассмеялся, явно все поняв.

– Ладно, не буду тебя мучить.

Нам принесли заказ, что было как нельзя кстати, потому что разговор заходил в тупик. Я был очень голоден, и со своей небольшой пиццей я расправился очень быстро. Ибрагим с Арби продолжали есть.

– Вас ведь в итоге обоих взяли в команду? – откусывая горячий дымящийся кончик пиццы, спросил Ибрагим.

– Да, – кивнул Арби.

– Команда крутая у вас, хорошо играли.

– Ага, только не особо дружная, – ухмыльнулся я.

– Кстати об этом. Забудь о Бауди. У него не все дома.

– Ну и что? – я сложил руки на столе. – Он же не сумасшедший, а здоровый и отвечающий за свои слова и поступки человек. Не маленький же.

– Я помню его со школы. Он всегда был малость придурковатым. Иногда он такие шалости проворачивал, после которых проблеваться хочется.

Арби приподнял зажатый между китайскими палочками ролл.

– Спасибо.

Ибрагим рассмеялся.

– Прости, брат. А представь, каково мне? Ведь я все это своими глазами видел. Как я вообще вырос адекватным после такого?

Арби подавил смешок.

– Серьезно, – улыбнулся Ибрагим, – если я что-то и знаю, так это то, что его не исправить никакими избиениями. Он очень-очень мутный тип. Его разве что только игнорировать смысл имеет.

Я кивнул хоть и не был согласен, просто он как-то уж слишком сильно привязался ко мне на тему этого Бауди. Было ощущение, что он хватается за эту тему разговора, как за спаса-

тельный круг, который вывел бы его из бездны абсолютного отсутствия любых других пересекающих нас поводов для общения. Или же он просто пытался подобраться к какому-то определенному разговору.

Только мне в голову пришла эта мысль, как я решил напрямую его об этом спросить.

– Слушай, Ибрагим, ты же не просто так нас сюда позвал... – начал было я, но он, пережевывая пиццу, посмотрел мне за спину, улыбнулся и встал.

Я обернулся и увидел Джохара. Удивившись, я ткнул Арби и кивком головы указал ему на идущего прямо к нам парня.

– Джохар! – громко поприветствовал его Ибрагим, раскинув руки, словно принимал его в гости. – Как ты, брат?

Я и Арби тоже привстали со своих мест, чтобы поздороваться.

– Да ладно?! – Джохар широко округлил глаза. – Ты ничего не напутал, Ибрагим? Ты говорил, что встретишься с тем, кто на тренировке побил Бауди. Ты хочешь сказать, что это он?! – он указал на меня, недоумевающе таращась на Ибрагима.

– Да, а что? – весело ответил тот.

– Никого я не... – пытался вставить я, но их диалог слишком разогнался.

– Так это он и есть, кто Мовсара вырубил тут несколько дней назад!

Теперь уже и Ибрагим вылупился на меня, а потом, поставив руку мне на плечо, начал смеяться.

– Саид, тебя что, без наручников из дома выпускать нельзя?

Я был слегка выведен из себя и очень хотел это ненавязчиво продемонстрировать. Совершив небольшое усилие над собой, я постарался негрубо, но акцентированно убрать его руку со своего плеча.

– Да уж, он будто приехал всех тут поработить грубой силой, – Джохар шутил, но в нем прослеживалось некоторое недовольство мной. – Это очень плохо, не стоит наживать себе врагов. Тем более, если ты тут не так давно.

Мне хотелось сказать «плевал я на твое мнение», но меня перебил Ибрагим, и то, что эти слова столпились у меня в глотке, было на пользу, потому что к Джохару я относился нормально, и он в целом казался довольно положительным парнем.

– Ты сегодня придешь, Джохар? Все в силе?

– Да, думаю. Не очень люблю твоих друзей, но да, приду. Только чтобы тебя не обижать.

– Ну, мое окружение – это мое окружение. Я тебя ни с кем из них близко сближаться не призываю, – учтиво кивнул Ибрагим.

– А вы? – обратился к нам Джохар. – Придете?

– Мы ничего об этом не знаем, – ответил Арби.

– Вот как только ты нас оставишь, я их позову, а согласились они или нет – узнаешь вечером, – сказал Ибрагим.

Джохар кивнул и, резко посерьезнев, озираясь, приблизился к Ибрагиму и говорил уже тише, словно рассказывает секрет:

– Слушай, а ты хорошо все обдумал? Я считал, что ты решишь завязать с этими посылками после случившегося.

Ибрагим, переведя хмуроватый улыбчивый взгляд с него на нас – и обратно, ответил так же тихо:

– Ты же видишь, что нас слышат два этих ни в чем не повинных джентльмена, да? Мы можем перенести этот разговор?

Они нервно посмеялись, и Джохар, попрощавшись с нами, удалился, а мы вернулись за столик.

Народу вокруг становилось все больше: вечер. Чем больше молодых людей появлялось в торговом центре, тем меньше трепета и любви к окружающим во мне оставалось. Но одна кар-

тина привела меня в неистовство. Парни с наглыми ухмылками, со вздернутыми почти параллельно полу и потолку подбородками, костыляли отвратительными вальяжными походками за девушкой, выглядевшей так вульгарно, что меня ударило замешательством: как это вообще возможно в Чечне? Ее платье тесно обтягивало ее формы, а раскачивающиеся бедра заставили меня отвернуться в противоположную сторону.

– Что это с тобой? – настороженно спросил Ибрагим, не спуская с меня глаз.

– Что?

– У тебя челюсть гуляет, – он погладил свой подбородок и указал на мой. – Насколько я могу судить – у некоторых людей так выглядит агрессия.

– Я просто... – я не знал, стоит ли вообще затрагивать эту тему, но я просто не сумел ничего придумать, что можно было бы подставить вместо моих реальных размышлений. – Я немного в шоке. Там у девушки видны очертания белья под платьем, и это я заметил при том, что сразу же взгляд убрал... а парни вместо того, чтобы ее игнорировать, ходят за ней с телефонами.

– Тебя *это* так озлобило?

– Да, оно...

– В таком случае привыкай, – он глубоко вздохнул. – Тут есть и такие девушки.

– Девушки? – встрепнулся я, почувствовав, как к моим голосовым связкам стремительно рвутся всеми силами удерживаемые мною ругательства. – Девушки что-то решают тут? Женщины вообще что-нибудь решают? Как я знаю, всем заправляют мужчины. Ведут общество и направляют его – мужчины. И для этого не нужно издавать какие-то писанные указы или законы. Достаточно вот так, как поганый, подлый, ничтожный ублюдок бегать и пялиться на задницы вот этих вертихвосток, чтобы они решили, что им это позволено, и что именно это нужно этим подобиям мужчин.

– Ого, – Ибрагим, приподняв брови, закивал. – Знаешь, я полностью с тобой согласен. У меня точно такие же мысли. Только, к сожалению, не все так идеально.

– Это не означает, что надо пускаться во все тяжкие! – возразил я. – Оно и не будет идеально в наше время. Человек ведь, зная, что он не сумеет несметно разбогатеть – не перестанет работать, чтобы зарабатывать хоть что-то. Разве есть лишь две крайности, при которой либо все люди тут обязательно должны быть святыми, либо же должны быть вот такими – отвратительными и мерзостными?!

Ибрагим, будто сраженный, признательно закивал.

– Ты затронул такую тему, с которой не поспоришь, – вмешался Арби. – И говоришь правильно, но забивать свою голову этим не стоит. Я вижу то же, что и ты. Конкретно с этими людьми нам с тобой и Ибрагимом ничего не поделать. Единственное, что мы действительно в состоянии сделать – контролировать самих себя.

– Ладно, я и впрямь разошелся, – согласился я и повернулся к Ибрагиму. – Я хотел спросить у тебя, почему ты нас позвал?

Он отложил свою тарелку и, сцепив пальцы, опустил руки на стол.

– Я к вам, на самом деле, с просьбой хотел обратиться. И она будет довольно наглой, но не настоятельной. Дело в том, что я...

Он осекся, прикусив губы. Он задумчиво глядел на свои руки, немного покачивая головой, будто бы отбрасывая и подбирая мысли и слова.

– Я уже говорил вам, что Ренат живет у меня. По доброте душевной я делаю почти все, что он просит. Он, все-таки, мой гость. Но он зовет в мой дом уже и своих гостей, а я не могу и не хочу ему в этом отказывать. По определенным обстоятельствам я бы также не хотел разъяснять вам конкретные причины, по которым не хочу там в данный момент находиться. Я мог бы снять себе квартиру или дом, и, в принципе, так и собирался поступить, пока не познакомился с вами. Поэтому у меня лишь просьба, с которой вы можете поступить так, как

захотите. Могу я на какое-то время подселиться к вам? Исключительно в том случае, если это не создаст неудобств...

Я ушам не мог поверить. Мне уже представлялся неумолимый гнев Лианы на то, что он вообще решился такое попросить, не говоря уже о том, если бы он действительно оказался под одной крышей со мной. Тем не менее отвечать за Арби я не мог, как и прямо сейчас начать нашептывать ему веские поводы ни в коем случае на это не соглашаться.

Ибрагим глядел на нас с опаской и надеждой. Его красновато-карие глаза виновно улыбались, и всем своим видом он демонстрировал уверенность в том, что Арби сейчас ему откажет.

– Естественно, можно, – ответил тем не менее Арби, ни мгновения не колеблясь. – Можешь жить у нас сколько хочешь.

Ибрагим, округлив глаза, вздернулся и переспросил:

– Что... да?

– Конечно, в чем вопрос, – уверенно отвечал Арби, хмурясь.

– *Дел рез хийл хун!* – воскликнул Ибрагим. – Ох, ты здорово облегчил мне жизнь.

– Обращайся, – улыбнулся Арби.

Я сидел, не контролируя абсолютное недоумение в своем выражении лица, и глядел куда-то в толпу. В голове была только Лиана и то, что она подумает, когда узнает об этом. Мне начало казаться, что лучше будет пока что с ней не общаться, чтобы не пришлось ничего рассказывать.

– А когда... когда я могу заехать?

– Да хоть сейчас, говорю же. Нет никаких проблем.

– Тогда... слушайте, тогда давайте вы сегодня ко мне? Вроде как будет весело, соберется много ребят... а потом прямо оттуда вместе поедем. Тогда... – он был очень суетлив. – Сегодня вещи собираю.

– Хорошо. А когда это все планируется? – спросил Арби, вытирая руки салфетками после еды.

– Да через пару часов. Тогда знаете, как сделаем? Я сейчас поеду к себе, потом позвоню, узнаю, где вы, и заеду за вами. Где-то через час, наверное.

– Хорошо, – кивнул Арби. – Мы будем дома.

Ибрагим рассчитался с официантом и, сердечно пожав нам руки, сбежал из «Гранд Парка» прочь. Я все еще стоял, пусто глядя перед собой, не в силах собраться.

– Что с тобой сегодня происходит? – Арби провел раскрытой ладонью перед моими глазами. – Тебя прямо эмоционально шатает.

– Арби, – медленно промолвил я. – Это полная жесьть. То, что ты сделал.

– Почему? – спокойно спрашивал он.

– Не знаю. Но, кажется, это полная жесьть.

– Как это не знаешь? Ты же называешь это жесьтью.

– По-моему, если брать во внимание слова моей сестры, селить к нам Ибрагима – плохая затея. Мягко говоря.

– А что такое?

– Он, мягко говоря...

Я осадил себя, вспомнив, что я все еще ничего о нем не знаю, и что все эти мысли – сплетни, да и только.

– Мягко говоря – что? – ждал ответа Арби.

– Ничего. Пока ничего.

– Раз «ничего», тогда, может, не стоит ничего такого говорить? Это тебя не красит.

Я согласился с Арби.

– Мы не будем дома, кстати, – заговорщически сказал я.

– У тебя есть какие-то идеи?

– Да... есть одна. Но это так, только время скоротать.

Я вспомнил про то место, которое таксист, подвозивший нас к ректорату, решил объехать. Мне хотелось сходить туда, чтобы постараться хотя бы отдаленно прояснить, в чем была причина такой осторожности в избрании маршрута.

– Просто иди за мной.

Мы перешли дорогу через подземный переход, разновидность продаваемых товаров в котором могла составить конкуренцию любому торговому центру. Происходящий шум и толкучка в узеньком переходе вызывала в воображении ассоциацию с каким-нибудь карнавалом. Я помнил время, когда никаких торговых точек в этом переходе не было. Сейчас же там почти не оставалось места для прохода.

Выбравшись из перехода, я повел Арби за собой к перекрестку. Оттуда мы двинулись в направлении к ректорату, и в этот раз я, открыв карту на телефоне, шел по тому маршруту, который миновал таксист.

Пока не было заметно ничего необычного: это был Грозный. Куда не погляди – стройка, вздымающаяся пыль, припаркованные КАМАЗы. Вокруг сновали рабочие в пропитанных темных футболках, грязных резиновых перчатках и в касках, которые выглядели так же неуместно и формально, как полезный зубчик чеснока на вредном бисквитном торте.

– Может, он боялся стройк... – начал было Арби, но его заглушил истерично загудевший водитель грузовика, и машина, которая неслась ему наперерез, засвистела колесами и вывернула, освобождая путь.

– Так шумно... – подметил я.

Несмотря на то, что на часах было уже семнадцать часов вечера, опускающееся солнце напекало не слабее, чем когда стояло в зените. Мы шли по той стороне, на которую свет падал особенно ярко.

– Осторожно с ветками, Арби. А то еще в глаз кольнет.

По узкой тропинке было трудно идти рядом, потому он был вынужден ковылять за мной вдоль нескончаемых заборов частных секторов. Казалось, жара усиливает все запахи, сопровождавшие наш путь. Приторно сладкий и кислый запах раздавленных слив, который, думается, должен был вызывать отвращение, слышался скорее непривычно, чем неприятно. Повсюду вдоль тропинки лежали подгрызенные плоды совсем зеленых и неспелых яблок. Покрышки, покрашенные фиолетовой краской, ограждали ягодные кусты у ворот почти всех частных домов, мимо которых мы проходили.

Несколько раз мы натыкались на перекрестки без пешеходных переходов: при работающих светофорах, по какой-то причине тут все равно орудовали регулировщики. Мы остановились, ожидая, пока машин станет меньше, а регулировщик в желтом жилете встал у бордюра, на котором оставил себе пару стеклянных бутылок энергетических напитков. Когда поток стал скуднее, мы выбрали момент и сиганули через дорогу. Тропинка была точно такой же, как и та, что мы оставили позади. Я поднял глаза и увидел, что нависавшие деревья изобилуют сливами. Я невольно засмеялся.

– Ты не знаешь, почему тут так много слив?

– Я слышал, что эти деревья не это... как его... не требуют особого внимания, вроде как, – его голос отрывисто доносился у меня из-за спины.

– Неприхотливые?

– Ага, неприхотливые. Нам еще долго?

– Нет, если я не ошибаюсь, – я внимательно глядел на отсвечивающий экран. – Мы, кажется, почти дошли. Ну, точно, да, вот после того перекрестка уже...

– Саид...

– А? – я поднял голову, чтобы обернуться к нему, но мой взгляд застыл на том, что я увидел впереди. – Ё-моё.

Прямо по левую руку перед нами открылся удивительный вид: белый кирпичный забор высотой не меньше три с половиной метра, если не выше, и огромные белые ворота. Винтажные фонари, с напозавшими на них заостренными прутьями, свисали с золоченных кромок забора. За ними виднелся не дом и не особняк – это был дворец в миниатюре, с достаточным количеством атрибутов, отличающих просто величественный дом от замка.

– «Ё-моё», действительно, – не растерялся Арби, встав рядом со мной.

Это было как наваждение: я словно оказался в другом месте, пройдя всего пару сотен метров. Это было словно в другом городе, в другой стране.

– Как там тот таксист сказал? – спросил я Арби, не отрываясь от впечатляющего зрелища.

– Кажется, что-то вроде «есть такие дороги, по которым просто так не ездят».

Таксист явно утрировал, потому что машины спокойно проезжали и тут, пускай поток и впрямь был гораздо меньше, чем с полсотни метров назад.

На этом перекрестке препятствий почти не было, потому мы спокойно перешли дорогу.

– Тебе никаких необычных ощущений это не навеивает? – поинтересовался Арби.

– Необычных ощущений?! – вновь посмеялся я. – Ты восхитительно сдержанный человек, Арби. Мы как будто оказались где-то в Дубае.

Поравнявшись с белоснежными воротами, мне захотелось сделать пару фотографий, потому что зрелище для Грозного было и впрямь впечатляющим. Сделав на карте пометку, и назвав ее «Дубай», я открыл камеру и стал щелкать снимки.

– И ведь это при всем при том, что в Чечне красивых и богатых домов предостаточно, – хмуро продолжал Арби, разглядывая чьи-то владения.

– Да. Этот дом выделяется. Или ты думаешь, что я любой понравившийся мне дом фотографирую?

– Саид.

– Что? Ой, блик поймал, – цокнул я, разглядывая результат. – Сейчас пересниму.

– Саид.

– Секунду, Арби, – прикусывая язык, целился камерой я.

– Саид, отвлекись.

– Что? – непонимающе взглянул на него я.

Арби многозначительно кивнул мне за спину, и я, обернувшись, чуть не вздрогнул от неожиданности: там стоял молодой парень, на вид ненамного старше меня. Камуфляжная форма, черный накраенный берет и оружие наперевес должны были насторожить меня, но он явно не был настроен враждебно.

– Снимать нельзя, – по-чеченски сказал он.

Позади него – на противоположной от дома обочине – стояла небольшая невзрачная будка с затемненными стеклами, которую я до этого не заметил. Вероятно, он оттуда и вышел.

– А, не знал, не буду.

Он кивнул и вернулся к себе, а мы с Арби продвинулись дальше. За углом дома мы увидели целую улицу с чуть менее роскошными домами, но при этом все еще дорогушими на вид. На некоторых из них красовались позолоченные таблички, и это создавало еще больший контраст. Людям явно не хватало того, что их дома выглядят чрезмерно богато, раз они пытались выделиться и этим. Если в городе таблички с названиями улиц и нумерацией домов были синими и прямоугольными, то здесь они имели самые разные формы и различались даже шрифтами.

Я посмотрел под ноги и увидел, что дорога была только-только заасфальтирована. Разметка выглядела так идеально, словно ее наносили не простые работяги, а вручную расписывали профессиональные художники.

– Как-то это...

– Нечестно, – закончил я за Арби. – И почему-то забавно.

– Что забавного?

– Не знаю, как объяснить. Будто все старания по благоустройству города на эту улицу и ушли.

– Ну, у нас полгорода все еще отстраивается, так что с выводами рановато. Я хотел сказать другое: все это чересчур внушительно.

– И дискомфортно.

– Да, – кивнул он. – Простые люди тут явно не живут.

В подтверждение этих слов мы стали различать стоящие перед воротами этих домов машины. Дорогие иномарки, некоторые из которых были причудливых цветов. Несколько из этих машин я видел впервые. Пускай автолюбителем я не был, но в Москве, все же, успел навидаться всякого, а тут были такие, какие до сего момента я не встречал.

За поворотом вдаль появился низкий спорткар глянцевого синего цвета, стремительно набирая скорость. Он пронесся мимо нас, остановившись у ворот дома, с которого началась наша прогулка по этой затейливой улице.

– Саид, только глянь, – Арби вытянул руку вперед, словно и не заметив просвистевший автомобиль.

Посмотрев туда, куда указывал Арби, передо мной предстало нечто, что было уже намного выше уровнем, чем то, что мы видели прежде: огромная территория, огороженная еще более высоким забором. Крыша дома, видневшаяся за этим белокаменным забором, куда сильнее походила на замок: купола из черепицы возвышались один за другим, а у подножия забора выпирала огороженная решетчатым ограждением котельная. Чуть приглядевшись, я и там – в сооружении размером с небольшой грузовой пикап – увидел что-то вроде охранной комнаты. Видимо, она не была оснащена кондиционером, ведь дверь была раскрыта нараспашку, будто из-за духоты. Внутри никого не было, но был виден небольшой обрубок стола, на котором лежали невысокие стопки бумаг, а в его углу располагался небольшой телевизор, с градированным на много разных квадратных изображений экраном: видеонаблюдение.

– Это просто удивительно, – качал головой я. – Так красиво... скажи?..

Я обернулся к нему, и увидел, что он смотрит на меня, очень искренне улыбаясь. Прежде я его таким улыбающимся не видел.

– Чего ты? – заразился его улыбкой я.

– Нет, ничего, – ответил он и глянул мне за плечо. – Это пальма?!

Я вновь развернулся к дому, выискивая взглядом то, о чем он говорит. Действительно, едва-едва возвышаясь над забором потрясывались листья, очень похожие на пальмовые. В очередной раз изумившись, я покачал головой.

– Невероятно. Как ты думаешь, кому принадлежат эти дома? – с интересом осматриваясь, спросил я.

– Не знаю. Тем, кто в состоянии себе это позволить.

– Потрясающий ответ, – съязвил я.

Эта постройка буквально сияла и переливалась, хоть и не имела никаких блестящих элементов. Все дома на этих улицах не были простыми, но этот дом явно был их венцом. Теперь я бы не удивился, если, оказавшись внутри – на территории этого дома, – увидел бы самые разные экзотические деревья или цветы. Наверняка там есть еще какие-нибудь развлечения. Быть может, беседки, с протянутыми к ним каменными тропинками; барбекю, если это, конечно, из причуд богачей; батуты для детей, если кто-то позволил рядом с таким великолепным строением разместить столь не подходящую под общую картину конструкцию; и явно место для купания. Только вот в голову, почему-то, вместо привычного для таких домов бассейна, пришел образ мини-пляжа, организованного у стены одной из сторон забора с песком, привезенным откуда-нибудь из египетской пустыни, и водой из Красного Моря. «Изобретательно,

Саид», – подумалось мне. Я даже неосознанно, но всерьез стал прислушиваться, думая, что различу шум волн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.